Г. Л. Пермяков

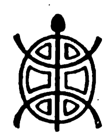
ОТ ПОГОВОРКИ ДО СКАЗКИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ФОЛЬКЛОРУ И МИФОЛОГИИ ВОСТОКА

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Г. Л. Пермяков

ОТ ПОГОВОРКИ ДО СКАЗКИ

(ЗАМЕТКИ ПО ОБЩЕЙ ТЕОРИИ КЛИШЕ)

МОСКВА · 1970

Ответственный редактор
Ю. В. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Г. Л. Пермяков

П26 От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970.

240 с. («Исследования по фольклору и мифологии Востока»).

Книга посвящена систематике основных фольклорно-разговорных жанров, в том числе пословиц, поговорок, фразеологических оборотов, побасенок, анекдотов, басен и назидательных сказок.

Предлагаемая автором «общая теория клише» позволяет единообразно описывать фольклорные тексты и вводит в фольклористику новые принципы анализа и описания материала.

7-2-2
183-70 **809**

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Выпускаемая с 1969 г. Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока», подобно серии «Сказки и мифы народов Востока», посвященной исключительно публикации фольклорных и мифологических текстов, призвана знакомить читателей с богатейшим устным творчеством, с повествовательным искусством и своеобразной культурой народов Азии, Африки, Австралии и Океании. В ней публикуются монографические и коллективные труды, посвященные разным аспектам изучения фольклора и мифологии народов Востока, исследования по генезису, истории и поэтике отдельных жанров, работы сравнительно-типологического и обобщающего характера.

В 1969 г. в серии было выпущено второе издание книги В. Я. Проппа «Морфология сказки». Хотя его исследование производилось главным образом на материале русской сказки, оно может быть использовано и при изучении разных жанров восточного фольклора — в частности, чрезвычайно продуктивно применение его теоретических положений при анализе восточной сказки, поэтическая и сюжетная структура которой сравнительно мало изучена.

Продолжая публикацию монографических исследований, издательство выпускает книгу Г. Л. Пермякова «От поговорки до сказки».

ОТ АВТОРА

Эта книжка родилась из статьи.

Изучая пословицы и поговорки различных народов Востока, я обратил внимание на исключительное смысловое и структурное сходство пословично-поговорочных знаков со знаками других культурно-семиотических систем, и в частности фольклора и лексики языка. Возникла мысль написать статью о месте пословиц и поговорок в общем ряду языковых и фольклорных явлений.

Однако в процессе работы над статьей пришлось провести несколько дополнительных изысканий. Постепенно основная тема стала обрастать рядом побочных (но весьма существенных для нее) вопросов, и в конце концов задуманная статья так разрослась, что уже не могла вместиться ни в какие статейные рамки.

Сам по себе факт превращения статьи в книжку не представляет чего-либо примечательного, и я рассказал о нем лишь для того, чтобы объяснить некоторые существенные особенности настоящей работы, и прежде всего ее отнюдь не монографическую лапидарность, а также отдельные композиционные недочеты.

Правда, как гласит изречение, известное всем народам, *нет худа без добра*. Может быть, из-за этой, чисто статейной сжатости сделалась более выпуклой и наглядной основная идея книги — идея комплексного лингво-семиотического подхода к предмету паремиологии и фольклористики, с одной стороны, и подхода к языку как явлению духовной культуры — с другой.

По мере завершения отдельных глав и после окончания всей книги в целом я несколько раз выступал с докладами перед языковедами, фольклористами и представителями других специальностей. Товарищи, принимавшие участие в обсуждениях, высказали немало критических замечаний и ценных советов, которые были учтены мной при доработке рукописи.

Пользуясь случаем, выражаю всем этим товарищам, и в первую очередь И. И. Ревзину, Е. М. Мелетинскому, Ю. В. Рождественскому, Д. М. Сегалу, С. Ю. Неклюдову и И. М. Капчинскому, мою глубокую и искреннюю признательность.

Г. Пермяков

г. Жуковский,

август 1968 г.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В лексической системе любого разговорного языка значительное место занимают так называемые сложные клише, т. е. устойчивые сочетания слов, которые воспроизводятся в раз и навсегда заданной форме. Мы имеем в виду разного рода фразеологизмы-идиомы типа *собаку съел*, составные термины вроде *атомный вес*, всевозможные пословицы, поговорки, «крылатые слова», авторские и народные афоризмы, привычные газетные и литературные штампы и т. п. К сожалению, у нас нет статистических данных относительно их распространенности в отдельных национальных языках и человеческом языке вообще. Но анализ любого более или менее обширного текста свидетельствует о большом удельном весе подобного рода единиц.

Совершенно естественно, что это явление привлекло к себе внимание многих исследователей. За последние десятилетия появились сотни работ по фразеологии и паремиологии — как в нашей стране, так и за рубежом. Однако до сих пор не создано единой и сколько-нибудь разработанной теории, которая обобщала бы достижения в этих областях и обосновывала общий подход к проблеме.

Предлагаемые заметки отнюдь не претендуют на восполнение этого пробела. Их цель значительно более скромная — нащупать пути приближения к такой универсальной теории. Как нам кажется, один из наиболее вероятных способов отыскать упомянутые пути заключается в семиологическом подходе к исследуемому материалу. Именно семиотика, и, пожалуй, только она, в состоянии осмыслить то общее, что содержится во всех составных (сложных) языковых знаках, каковыми являются употребляемые в речи фразеологические, паремиологические и прочие разговорно-фольклорные клише.

Собственно этим и объясняется структура и характер настоящей работы. Книга состоит из пяти глав — четырех, посвященных различным типам клише, и одной обобщающей, в которой обсуждается вопрос о прямом и переносном смысле всех разобранных типов текстов.

Первыми рассматриваются пословицы и поговорки. Они вынесены в начало не случайно: в этих популярных народных изречениях в той или иной форме обнаруживаются чуть ли не все существенные черты, характерные для любых сложных языковых знаков.

I

ГЛАВА

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Паремиологи давно обратили внимание на чрезвычайную емкость и внутреннюю сложность пословичных изречений. И в самом деле, пословицы и поговорки при всей своей видимой простоте представляют собой весьма непростые образования. С одной стороны, это явления языка, сходные с обычными фразеологизмами; с другой — какие-то логические единицы (суждения или умозаключения); и с третьей — художественные миниатюры, в яркой, чеканной форме отражающие факты живой действительности. Именно по этой причине пословичные изречения привлекают к себе внимание и языковедов, и фольклористов, и философов-логиков.

Тройственная природа пословиц и поговорок требует и троякого к ним подхода — как к явлениям языка, явлениям мысли и явлениям фольклора, тем более что указанные три плана пословичных изречений в значительной степени автономны. Неудача многих паремиологических исследований, и в частности несовершенство существующих систем классификации пословиц и поговорок, по нашему мнению, объясняется прежде всего тем, что исследователи не учли этого обстоятельства.

* * *

Выражение «пословицы и поговорки» обычно употребляют в качестве единого термина и, как правило, даже не расчленяют на составные части. И это не случайно: между пословицами и поговорками, действительно, много общего, и не только в русском, но и во всех других языках. Однако в специальной паремиологической литературе эти понятия стараются дифференцировать. Чаще всего поговорками называют иносказательные словесные обороты, выражающие «незаконченные суждения» (например: *толочь воду в ступе*), а пословицами — иносказательные предложения, которые формулируют «законченную мысль» (например: *Воду в ступе толочь — вода и будет*). При этом нередко ссылаются на народное из-

речение: *Поговорка — цветочек, а пословица — ягодка*,[1] которое образно передает их взаимные отношения. Мы не будем разбирать здесь все соответствующие точки зрения и прямо перейдем к изложению собственных наблюдений.

По своей грамматической структуре пословицы и поговорки распадаются на два большие класса. Сопоставим следующие пословичные клише:

1. *Стреляет из пушки по воробьям;*
2. *Мал золотник, да дорог.*

Оба эти клише в речи, т. е. в реальном употреблении языка, дают полные двусоставные предложения: [*Имя-рек*] *стреляет из пушки по воробьям* и *Мал золотник, да дорог*. Но если первое из них получает свое окончательное оформление (и конкретный смысл) только в контексте, откуда оно черпает недостающие элементы (в данном случае — подлежащее), то второе фигурирует в речи в своем постоянном и неизменном облике. Иначе говоря, первое предложение клишировано не полностью, а второе — от начала и до конца.

Предложения, клишированные целиком, т. е. состоящие из одних постоянных членов и потому не изменяемые и не дополняемые в речи, мы называем замкнутыми, а клишированные не полностью, т. е. содержащие переменные члены, изменяемые или дополнямые в речи, — незамкнутыми.

Клише типа *Стреляет из пушки по воробьям,* которые образуют незамкнутые предложения, и есть поговорки. А клише типа *Мал золотник, да дорог,* образующие замкнутые предложения, — пословицы[2]. Соотношение указанных типов клише с типами предложений наглядно демонстрирует следующая таблица:

---

[1] См., например: 8, 18—20; 27, 515. Цифрами, стоящими до запятой, обозначены номера источников, приведенных в конце книги, а цифрами после запятой — страницы в соответствующих источниках или номера текстов, если они там указаны. Все пословицы и поговорки, а также большинство фразеологических оборотов, приводимые в книге, заимствованы нами из источников 76, 81, 82 и 105.

[2] Во «Введении» к сборнику «Избранные пословицы и поговорки народов Востока», написанном нами в 1966 г., поговорками названы клишированные предикативные группы, а пословицами — клишированные предложения. При таком делении в класс пословиц попадают клише, образующие некоторые виды незамкнутых предложений, в частности предложения с местоименной заменой второстепенного члена, вроде *У* [*него*] *даже змеиные рога есть.* Новое определение представляется нам более удобным.

Таблица 1

Тип предложения по признаку замкнутости	Тип клише
Незамкнутое	Поговорка
Замкнутое	Пословица

Далее, все пословично-поговорочные предложения разделяются на два класса по степени обобщенности. Одни из них повествуют о каких-либо частных событиях, отдельных, а то и просто исключительных случаях (например: *Пойманный вор обокрал охранника* или *Овчинка не стоит выделки*). В других говорится о какой-либо закономерности, регулярно повторяющемся явлении, постоянном правиле или обычае (например: *Вода всегда стекает в низину* или *В чужой монастырь со своим уставом не ходят*). Предложения первого типа можно назвать частными, второго же — обобщенными[3].

Частные предложения, как правило, воплощаются в форме определенно-личных (*Имя-рек ловит рыбу в мутной воде* или *Ладила баба в Ладогу, а попала в Тихвин*) и, реже, некоторых видов безличных конструкций, а именно содержащих указание на прошедшее время или законченное действие (*Не было ни гроша, да вдруг алтын*). А обобщенные предложения — это в основном неопределенно-личные (*Покорную овцу трижды доят*), обобщенно-личные (*Из пустого мешка ничего не вытряхнешь*), а также инфинитивные (*Волков бояться — в лес не ходить*) и особого «обобщенного» вида безличные предложения, в частности такие, главный член которых выражен словом «нет» и которые имеют в своем составе дополнение в форме имени существительного (*Без предмета и тени нет*) [4].

К частным предложениям относятся все незамкнутые (т. е. поговорки) и некоторая часть замкнутых (т. е. пословицы), а к обобщенным — только замкнутые[5].

[3] Конечно, различия между частными и обобщенными предложениями по своей природе чисто логические. Однако, поскольку они находят свое выражение в грамматике, их нельзя не учитывать при построении лингвистической классификации.

[4] Помимо грамматического способа выражения обобщенности существует и лексический способ, при котором соответствующий результат достигается путем добавления различных обобщающих слов вроде «каждый», «всякий», «всегда», «никогда», выступающих в роли «кванторов всеобщности» (ср.: *Каждый заяц по-своему скачет*).

[5] Собственно, этим и объясняется наблюдение паремиологов, что пословицы обладают большей широтой обобщения, чем поговорки.

В свою очередь незамкнутые предложения делятся на два класса в зависимости от того, какие из их членов являются переменными. Иногда таковым оказывается подлежащее: [*Некто*] *привел осла в собственный виноградник* (можно сказать: *Петр привел осла...* и т. д.). Иногда же в контексте изменяется или уточняется второстепенный член: *Мошка его* (т. е. человека, о котором шла речь) *лягнула.*

Таким образом, пословицы и поговорки реализуются в предложениях четырех конструктивных типов:

Таблица 2

Тип клише	Конструктивный тип предложения	Иллюстративный пример
Поговорки	А Незамкнутые частные предложения с эллипсисом или местоименной заменой подлежащего	*Привел осла в собственный виноградник*
	Б Незамкнутые частные предложения с эллипсисом или местоименной заменой второстепенных членов	*Мошка его лягнула*
Пословицы	В Замкнутые частные предложения	*Овчинка не стоит выделки*
	Г Замкнутые обобщенные предложения	*Покорную овцу трижды доят*

Каждый из названных четырех типов изречений разделяется на два подтипа, отличающихся один от другого характером мотивировки их общего значения.

К одному из них — с образной мотивировкой — относятся клише, общий смысл которых непосредственно не вытекает из смысла составляющих эти клише слов, а связан с ним через образ, например: *Без луны звезды светят ярче* (т. е. в отсутствие лучшего худшее становится более привлекательным), или [*Некто*] *бежал от медведя, да попал к волку* (т. е. из одной беды угодил в другую), или *Еж называет своих детей ватой* (т. е. свое всегда кажется хорошим).

Другой подтип — с прямой мотивировкой общего значения — включает в себя клише, смысл которых непосред-

ственно вытекает из смысла составляющих эти клише слов: *Каждый доволен своим умом,* или *Сколько мудрецов — столько и мнений,* или [*Некто*] *ест неладно, говорит нескладно.*

Не следует, однако, думать, что клише с образной мотивировкой общего значения не имеют прямого смысла. Имеют. Возьмем хотя бы изречение о луне и звездах. Но, во-первых, этот смысл не всегда достаточно убедителен и правдоподобен (ср. приведенную пословицу о «еже»), и, во-вторых, их главная суть не в нем, а именно в переносном значении образа. Со своей стороны клише с прямой мотивировкой общего значения тоже иногда могут употребляться в иносказательном смысле. Так, приведенное выше изречение о мудрецах может быть использовано иронически и относиться не к мудрецам, а к глупцам. Однако основной смысл этих клише прямо вытекает из смысла составляющих их слов, даже если сами эти слова употреблены в переносном значении — как метафоры или метонимии (например: *Сомнения рождают истину* или *Все беды человека от его языка*).

Но тогда выходит, что существуют пословицы и поговорки прямого смысла! Как же это возможно? Ведь еще со времен Даля известно, что пословица — это «притча», «иносказание», «обиняк» и что поговорка — это тоже «переносная речь», «окольное выражение» [см. 8, 18—20].

По-видимому, изречения, сходные с пословицами и поговорками, но обладающие прямой мотивировкой, следует отличать от собственно пословиц и поговорок.

Клише, образующие незамкнутые предложения типов А и Б (см. табл. 2), с прямой мотивировкой общего значения, мы предлагаем называть присловьями. Во-первых, это слово как термин пока «свободно», причем обычно употребляется в том же смысле, что и «поговорка»; во-вторых, подавляющее большинство клише этого вида, имеющих прямой смысл, представляют собой разные сравнительные обороты — приглагольные или приименные, т. е. состоящие при каком-нибудь слове (ср., например: *Звенит, как пустой кувшин*).

Клише, образующие замкнутые предложения типов В и Г с прямой мотивировкой общего значения, которые Даль в отличие от пословиц именовал «пословичными изречениями», по нашему мнению, лучше всего назвать народными афоризмами или просто афоризмами. В паремиологической литературе этим словом обычно обозначают авторские изречения (а они как раз чаще всего имеют прямой смысл). Точного же терминологического значения у слова «афоризм» нет.

Для наглядности изобразим все сказанное на двух последних страницах в виде таблицы (табл. 3):

Таблица 3

Тип клише \ Характер мотивировки	I Образная мотивировка общего значения	II Прямая мотивировка общего значения
Поговорки (конструктивные типы предложения А и Б)	Собственно поговорки	Присловья
Пословицы (конструктивные типы предложения В и Г)	Собственно пословицы	Афоризмы

Заметим, что обозначение прямой и образной мотивировки общего значения индексами «I» и «II» в настоящей работе отличается от того, которое было принято нами ранее. Объяснение этому дается в заключительной части пятой главы, стр. 125.

Как всякие предложения, пословицы и поговорки (а мы уже говорили, что они выступают в речи в качестве предложений) обладают той или иной синтаксической структурой и относятся к определенному коммуникативному типу.

Соответственно мы различаем два синтаксические типа пословиц и поговорок. К первому мы относим клише, которые дают все возможные виды простых предложений, например: *Лучше синица в руках, чем журавль в небе* или [*Некто*] *оставил корову сторожить сено.* Ко второму — клише, образующие разные виды сложных предложений, например: *Если ударишь по грязи, брызги попадут на тебя же* или *Рана заживает, но рубец остается.*

По «цели высказывания» пословицы и поговорки делятся на два коммуникативные типа: в первый входят все утвердительные (по форме) предложения (например: *Лягушке, сидящей на дне колодца, небо кажется с лужицу)* и во второй — все отрицательные (например: *Без ветра трава не колышется* или *Не всякая сосна в мачты годится)* [6].

[6] Оговорка насчет формы сделана потому, что утвердительные или отрицательные в грамматическом отношении предложения совершенно не обязательно будут такими же и по своему логическому смыслу. Так, отрицательное (и к тому же содержащее риторический вопрос) предложение «Кто же не знает этого?» имеет явно утвердительный смысл («все это знают»). То же наблюдается и среди пословиц.

В свою очередь и тот и другой тип подразделяется на три модальные подтипа: повествовательный, побудительный и вопросительный.

К первому относятся предложения, заключающие в себе простое (нейтральное) сообщение о каком-либо факте или явлении (например: *Куда лапоть, туда и обора*). Ко второму подтипу — предложения, выражающие различные оттенки волеизъявления (например: *Не учи дедушку кашлять*), и к третьему — предложения, которые ставят перед собеседником какой-либо вопрос (например: *Зачем свинье розовая вода?*) [7].

И наконец, все пословично-поговорочные предложения различаются по числу сопоставленных (а точнее, противопоставленных) конструктивных элементов. Так, в поговорке *Грешит быстро, кается медленно* противопоставлены две пары элементов предикативной группы (*грешит—кается, быстро—медленно*). Сходное сопоставление можно видеть в пословице *Расплескать воду легко, собрать ее трудно.* С другой стороны, существуют изречения, содержащие лишь одну оппозиционную пару или вовсе не содержащие явного противопоставления конструктивных элементов (ср. *Велик сверток, да пуст* и *Нем, как улитка*) [8].

Иными словами, пословицы и поговорки по числу содержащихся в них сопоставляемых пар распадаются на две боль-

---

[7] С первого взгляда может показаться, что для незамкнутых клише, т. е. для поговорок и присловий, предложения побудительного и вопросительного подтипов не только не характерны, но и маловероятны. Действительно, поговорок, существующих только в вопросительной форме (по крайней мере в русском языке), очень мало: в объемистом сборнике В. Даля, насчитывающем около 30 тысяч языковых клише, есть всего несколько десятков незамкнутых вопросительных изречений (*С твоим ли рылом да в собор к обедне?*, [*Мы*] *пьем, людей бьем, как не живем?* и т. п.). Сходные побудительные предложения вроде *Езжай в Тулу со своим самоваром* или *Не загребай жар чужими руками* обычно вообще воспринимаются как пословицы. Между тем это типичные поговорки, ср.: [*Некто*] *едет в Тулу со своим самоваром* или [*Некто*] *загребает жар чужими руками.* Только высказаны они в виде побудительного предложения. С таким же успехом их можно выразить и в вопросительной форме: «Надо ли ехать в Тулу со своим самоваром?» или «Хорошо ли чужими руками жар загребать?». Возможность подобной трансформации как раз и является одной из специфических особенностей незамкнутых языковых клише. Таким образом, соответствующие клетки классификационной схемы (см. табл. 4 и 5) представляют не «пустые множества», а вполне реальные совокупности поговорок и присловий. Правда, входящие в них формы — это, как правило, не заранее готовые изречения вроде двух, приведенных из Даля, а синтаксические трансформы основных или исходных (повествовательных) конструкций, бытующие в живой, разговорной речи.

[8] В работе 19 указанное сопоставление трактуется как сопоставление элементов пословичной ремы. Однако сейчас мы не настаиваем на данной трактовке, так как считаем, что вопрос об «актуальном членении» пословичных предложений нуждается в дополнительном исследовании.

шие группы: в одну входят изречения, не имеющие в своем составе двух пар оппозиций, и в другую — изречения, имеющие такие две пары. (Мы условно назвали эти группы оппозиционными.)

Соотношение синтаксического и коммуникативного типов, модальных подтипов и оппозиционных групп можно видеть в табл. 4.

Таблица 4

Синтаксический тип	Различия по «цели высказывания»		Оппозиционная группа
	коммуникативный тип	модальный подтип	
I	+ утвердительные предложения	... повествовательные	а) без двух пар оппоз. б) с двумя парами оппоз
		! побудительные	а) без двух пар оппоз. б) с двумя парами оппоз
		? вопросительные	а) без двух пар оппоз. б) с двумя парами оппоз
Простые предложения	— отрицательные предложения	... повествовательные	а) без двух пар оппоз. б) с двумя парами оппоз.
		! побудительные	а) без двух пар оппоз. б) с двумя парами оппоз.
		? вопросительные	а) без двух пар оппоз. б) с двумя парами оппоз.

Таковы наиболее существенные признаки грамматической формы, которые в своей совокупности дают достаточно полное представление о лингвистической стороне пословиц и поговорок. Если все эти признаки свести в одну общую таблицу (табл. 5), она будет выглядеть примерно так:

Тип клише	Конструктивный тип предложения	Мотивировка общего значения	Синтаксический тип предложения
Поговорки	А незамкнутые частные предложения с эллипсисом или местоименной заменой подлежащего	I образная (собственно поговорки)	1 простые
			2 сложные
		II прямая (присловья)	1 простые
			2 сложные
	Б незамкнутые частные предложения с эллипсисом или местоименной заменой второстепенного члена	I образная (собственно поговорки)	1 простые
			2 сложные
		II прямая (присловья)	1 простые
			2 сложные
Пословицы	В замкнутые частные предложения	I образная (собственно пословицы)	1 простые
			2 сложные
		II прямая (афоризмы)	1 простые
			2 сложные
	Г замкнутые обобщенные предложения	I образная (собственно пословицы)	1 простые
			2 сложные
		II прямая (афоризмы)	1 простые
			2 сложные

Условные обозначения: (...) — повествовательные предложе-
(а) — предложения без двух пар оппозиций; (б) — предложения с двумя

Таблица 5

пословиц и поговорок

Различия по «цели высказывания»				
коммуникативный тип	модальный подтип			Оппозиционная группа
+ утвердит. — отрицат.		! !	? ?	а или б а или б
+ утвердит. — отрицат.		! !	? ?	а или б а или б
+ утвердит. — отрицат.		! !	? ?	а или б а или б
+ утвердит. — отрицат.		! !	? ?	а или б а или б
+ утвердит. — отрицат.		! !	? ?	а или б а или б
+ утвердит. — отрицат.		! !	? ?	а или б а или б
+ утвердит. — отрицат.		! !	? ?	а или б а или б
+ утвердит. — отрицат.		! !	? ?	а или б а или б
+ утвердит. — отрицат.		! !	? ?	а или б а или б
+ утвердит. — отрицат.		! !	? ?	а или б а или б
+ утвердит. — отрицат.		! !	? ?	а или б а или б
+ утвердит. — отрицат.		! !	? ?	а или б а или б
+ утвердит. — отрицат.		! !	? ?	а или б а или б
+ утвердит. — отрицат.		! !	? ?	а или б а или б
+ утвердит. — отрицат.		! !	? ?	а или б а или б
+ утвердит. — отрицат.		! !	? ?	а или б а или б

ния; (!) — побудительные предложения; (?) — вопросительные предложения; парами оппозиций.

К сожалению, по чисто техническим причинам мы были вынуждены поместить модальные подтипы и оппозиционные группы в одной общей строке с утвердительными и отрицательными коммуникативными типами. Между тем из табл. 4 следовало, что их взаимные отношения требуют иного — иерархического — расположения. Поэтому последнюю таблицу следует читать с учетом предыдущей.

Как видно из табл. 5 (совместно с табл. 4), мы различаем 192 грамматические вида пословиц и поговорок: 2·2·2·2·2··3·2 (см. Приложения, стр. 131). Но здесь учтены лишь основные виды. На самом же деле, т. е. в реальном пословичном фонде, их во много раз больше: каждый из наших видов включает в себя по нескольку разновидностей. Так, изречения второго синтаксического типа (т. е. сложные предложения) можно подразделить на сложносочиненные, сложноподчиненные и бессоюзные. Пословицы и поговорки могут различаться по характеру предикативной группы (глагольная или именная), по лексической полноте высказывания [9] и по ряду других признаков. Однако в нашей классификации мы эти признаки не учитывали, чтобы не перегружать ее менее существенными деталями.

Практически пословицы и поговорки представлены всеми возможными видами предложений [10].

И самое главное, о чем свидетельствует табл. 5 (с учетом табл. 4), — это возможность строгой лингвистической классификации пословиц и поговорок. Избранные для нее классы нигде беспорядочно не перекрещиваются. В результате каждое пословичное изречение получает в ней только одно место, и при этом получает его непременно.

* * *

Рассмотрение пословиц и поговорок в л о г и ч е с к о м п л а н е прежде всего убеждает в чрезвычайной важности этого плана для названных изречений. Сравним пять следующих пословиц:

[9] Ср., например, две сходные по смыслу и образам поговорки: *Бежал от дождя, да попал под ливень* и *От дождя, да под желоб.* Во второй из них слова «бежал» и «попал» только подразумеваются.

[10] За исключением, разумеется, номинативных (таких, как *Зима, Двенадцать часов, Тихий морозный день* и т. п.).

В этой связи уместно заметить, что среди паремиологов и лингвистов распространено заблуждение, будто пословицы и поговорки обладают особыми грамматическими конструкциями, число которых к тому же весьма ограниченно. За исключением отмеченной выше парности (оппозиций) пословичных элементов, характерной для большинства изречений этого типа, пословично-поговорочные предложения по своей грамматической структуре принципиально ничем не отличаются от обычных (непословичных).

1. *С угля черноту не смоешь;*
2. *Черного кóбеля не отмоешь добела;*
3. *Ворона белой не станет, сколько ее ни три;*
4. *Темная вещь от стирки не побелеет;*
5. *Сколько ни бей осла, он не станет мулом.*

В первой из них речь идет как будто бы об ýгле, во второй — о черной собаке, в третьей — о ворóне, в четвертой — о темном белье и в пятой—об осле. На самом же деле все они говорят об одном и том же: «Плохая вещь не станет хорошей, что бы с ней ни делали». **Именно эта логическая конструкция,** а не конкретные образные элементы (реалии), из которых построены приведенные пословицы, и определяет основное содержание каждой из них. Говоря образно, пословицу делают не реалии, а логическая конструкция, реалии же выступают лишь в качестве «строительного материала». Из одних и тех же реалий, например «лес» и «звери» (которые, кстати сказать, сами по себе не представляют никакого изречения), в зависимости от характера объединяющей их логической связи получаются совершенно различные пословицы: *Каков лес, таковы и звери* и *Был бы лес, а звери будут.*

В свою очередь характер логических связей определяется характером отношений между вещами, о которых говорится в пословичных изречениях. В этом нетрудно убедиться на примере пользования пословицами и поговорками.

Допустим, наш собеседник в подтверждение своих доводов ссылается на обстоятельства, не имеющие к делу ровно никакого отношения. В этой (и сходной) ситуации мы сразу вспомним (или употребим) известную пословицу *В огороде бузина, а в Киеве дядька.* А если кто-нибудь станет сильно преувеличивать роль каких-либо незначительных вещей, то нам на ум, конечно, придет известная поговорка *Делает из мухи слона.* Иначе говоря, мы всегда подбираем пословицы (или поговорки) по характеру ситуации, т. е. по характеру отношений между вещами (объектами) самой действительности. И когда мы эти пословицы произносим, то каждый знающий русский язык сразу (и правильно) понимает, что мы этим хотим выразить[11], т. е. какую ситуацию обозначаем.

Но из этого следует, что **пословицы и поговорки являются знаками ситуаций или определенных отношений между вещами.** А раз они знаки, то должны обладать (и действительно обладают) особыми семиотическими свойствами, присущими всем знаковым единицам. А это в свою очередь означает, что

[11] Следует напомнить, что еще В. Даль, определяя сущность пословицы, подчеркивал эту сторону дела. Он, в частности, писал: «... пословица — обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми (разрядка наша. — *Г. П.*)» [8, 18].

логический план пословиц и поговорок следует рассматривать как план логико-семиотический.

В целях экономии места мы не будем подробно излагать здесь результаты соответствующих изысканий, ибо они описаны в нашей предыдущей работе [19], и приведем лишь те выводы, которые необходимы для дальнейшего изложения[12].

Пословицы и поговорки разных народов, моделирующие одинаковые или сходные ситуации, очень близки друг другу, несмотря на всю их этническую, географическую, историческую и языковую специфику.

Сходные пословицы и поговорки независимо от их языкового материала представляют собой образные варианты неких типических ситуаций, а эти типические ситуации по отношению к конкретным пословицам и поговоркам являются инвариантами.

По характеру ситуаций все существующие в природе пословицы можно разделить на четыре большие инвариантные группы (мы назовем их высшими логико-семиотическими инвариантами).

В одной из них моделируются отношения между вещью и ее свойствами: если какая-либо вещь (P) обладает каким-нибудь свойством (x), то она обладает и другим свойством (y).

В сокращенной символической записи это выглядит так:

$$P(x) \rightarrow P(y)$$ [13]

(например: *Всё живущее — смертно*).

В другой моделируются отношения между вещами: если есть одна вещь (P), то есть и другая (Q), или, более точно, если одна вещь связана с другой вещью, то, если есть одна вещь, есть (будет) и другая:

[12] Правда, со времени написания указанной работы нами были внесены кое-какие дополнения и уточнения в систему логико-семиотической классификации пословичных изречений, и в частности упорядочен вопрос о логических конструктивных типах и единой системе «фильтров». При изложении необходимых выводов мы, конечно, будем учитывать эти изменения, и поэтому некоторые наши нынешние формулировки не совпадут с данными ранее. Более подробно уточненную систему логико-семиотической классификации паремиологических клише мы надеемся опубликовать в ближайшем будущем.

[13] Здесь и далее стрелка ($\rightarrow$) обозначает импликацию и читается как «если... то...».

$$(P \sim Q) \rightarrow [\exists(P) \rightarrow \exists(Q)]$$[14]

(например: *Есть вода — будет и рыба*).

В третьей группе моделируются отношения между свойствами разных вещей в зависимости от отношения самих этих вещей: если какая-либо вещь (Q) зависит от другой вещи (P) и при этом вещь P обладает каким-нибудь свойством (x), то и зависимая вещь (Q) будет обладать тем же свойством:

$$(P \rightarrow Q) \rightarrow [P(x) \rightarrow Q(x)]$$

(например: *От большой горы и тень велика*).

В четвертой группе моделируются отношения между вещами в зависимости от наличия у них определенных свойств: если вещь P обладает каким-нибудь (положительным) свойством (x), а вещь Q не обладает этим свойством ($\bar{x}$), то вещь P лучше, чем Q:

$$[(P \rightarrow x) \wedge (Q \rightarrow \bar{x})] \rightarrow (P > Q)$$[15]

(например: *Своя борона лучше чужого плуга*).

Как видно из приведенных описаний, два первые высшие инварианта отражают более простые отношения: непосредственную зависимость между вещами или между вещью и ее свойствами, а два другие — более сложные: зависимость между отношением вещей и отношением их свойств. Соответственно этому мы делим весь пословичный фонд на два раздела. В первый (I) входят изречения двух первых инвариантных групп, а во второй (II) — двух других.

Каждый из четырех высших логико-семиотических инвариантов содержит изречения инвариантов более низкого ранга: мы будем называть их логико-семиотическими конструктивными типами и подтипами. Так, высший логико-семиотический инвариант II $\mathfrak{B}$ (моделирующий отношение между вещами в зависимости от наличия у них определенных свойств) состоит по меньшей мере из двух конструктивных типов. Один из них охватывает изречения вроде приведенного выше *Своя борона лучше чужого плуга,* т. е. построенные по схеме: если одна вещь (P) обладает каким-то положительным свойством (x), а другая вещь (Q) не обладает этим свойством ($\bar{x}$), то вещь P лучше, чем вещь Q:

$$[(P \rightarrow x) \wedge (Q \rightarrow \bar{x})] \rightarrow (P > Q).$$

---

[14] Знак $\sim$ служит символом связи вещей, а $\exists$ — наличия или существования.

[15] Знак $\wedge$ изображает конъюнкцию и читается как «и», иногда как «а», знак $>$ — преференцию и читается как «лучше чем», «предпочтительнее чем».

Другой логико-семиотический конструктивный тип того же высшего инварианта (II 𝔅) содержит изречения, построенные по несколько иной схеме: если одна вещь (P) лучше другой вещи (Q), т. е. если одна из них обладает, а другая не обладает определенными положительными качествами, то, если есть одна вещь, нет другой:

$$(P > Q) \rightarrow [\exists(P) \rightarrow \bar{\exists}(Q)].$$

Такова, например, пословица *При приближении корабельщиков лодочники бегут.*

Каждый логико-семиотический конструктивный тип состоит не менее (а может быть, и не более) чем из двух подтипов. Так, первый из приведенных нами конструктивных типов (к которому относится изречение «про борону и плуг») включает в себя два такие подтипа: 1) в котором сопоставляются противоположные вещи (свой — чужой, близкий — далекий, малый — большой и т. п.) и 2) в котором сопоставляются вещь и ее отсутствие (слово и молчание, т. е. отсутствие слова, единство и разобщенность, т. е. отсутствие единства, и т. п.). При этом оба подтипа имеют одинаковую структурную формулу.

В свою очередь логико-семиотические подтипы распадаются на отдельные логико-тематические группы, охватывающие изречения, сходные не только по своей структуре, но и близкие по характеру объектов. Так, например, в логико-тематическую группу «Значимость и величина» вошли все пословицы и поговорки, в которых говорится о соответствии (или несоответствии) величины и значимости вещей: *Мал золотник, да дорог; Мал клоп, да вонюч; Велика Федора, да дура,* и т. п., а в группу «Производитель и блага» — изречения типа *Сапожник без сапог; Портной без рубахи* и т. п. (всего таких групп мы насчитали около ста).

Таким образом, общий состав пословичного фонда каждого отдельного языка и всех языков вместе можно изобразить в виде схемы (графа), приведенной на стр. 24.

Внутри каждой логико-тематической группы тоже есть различные инвариантные формы (не считая различий между пословицами по реалиям). Одни изречения отличаются друг от друга «направлением» сопоставления объектов (*Рана от слова тяжелее, чем от кинжала* и *Рана от топора легче раны от слова*); другие передают одну и ту же мысль прямо или путем отрицания противоположной (*Собака собаку любит* и *Волк волка не растерзает*); третьи различаются единичным или всеобщим характером суждения (*У двух нянек ребенок с голоду умер* и *У семи нянек дитя без глазу*) и т. д. и т. п.

Все эти формы — разные логические варианты одинаковых или сходных мыслей (ситуаций).

Изучение всех подобных вариантов показало, что, во-первых, характер и все детали варьирования отнюдь не случайны и совсем не зависят от языка изречения и, во-вторых, все логико-тематические группы подразделяются на несколько вариантных подгрупп, составляющих одну общую и к тому же математически строгую систему логической трансформации.

Так, исходная мысль одной из подгрупп логико-тематической группы «Много или мало?» высшего инварианта II 𝔅, которую можно сформулировать «Много — это хорошо» или «Если много, то хорошо», может быть выражена и сама по себе, и рядом производных от нее конструкций или трансформов (которые, кстати сказать, легко вывести из исходной чисто дедуктивным путем): «Много — это не плохо», «Много — это хорошо и не может быть плохо», «Немного — это не хорошо», «Мало — это плохо», «Мало — это плохо и не может быть хорошо», «Много — хорошо, а мало—плохо», «Много— лучше, чем мало» и некоторыми другими [16].

Помимо приведенного ряда (мы назвали его рядом А) в каждой логико-тематической группе есть еще и другой (ряд Б), исходная мысль которого и все производные от нее формы прямо противоположны конструкциям первого ряда. Для группы «Много или мало?» они таковы: «Много—это плохо», «Много не может быть хорошо», «Мало—это хорошо», «Мало не может быть плохо», «Мало лучше, чем много» и т. д.[17].

Кроме того, в каждой логико-тематической группе есть третий ряд (В), исходная мысль которого и все производные от нее конструкции представляют собой сочетание соответствующих форм рядов А и Б. Для нашей группы они будут такими: «Иногда и много и мало — хорошо»; «Иногда много хорошо, а иногда — мало», и т. д. [18].

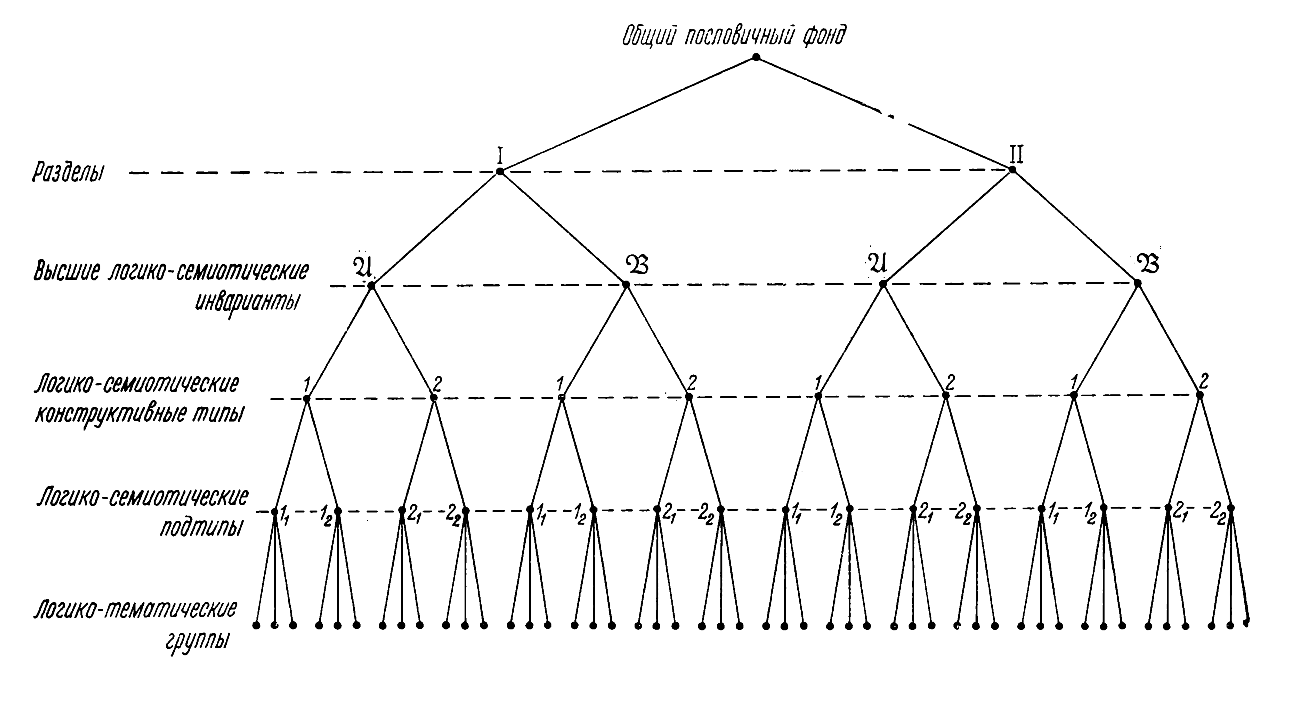
И наконец, в каждой логико-тематической группе есть еще ряд Г, в котором повторяются конструкции всех предыдущих

[16] Все эти конструкции (как названные, так и неназванные) находят свое реальное воплощение в ряде соответствующих пословиц и афоризмов: *Людей много — решение хорошее, хворосту много — пламя высокое; Много рыскающая лисица с голоду не подохнет; Над чем мало труда, от того мало и проку; На одной ноге далеко не убежишь; Лучше много плохого, чем мало хорошего* и др.

[17] Конструкции этого ряда воплощены в изречениях: *Много рыскающая лисица обязательно попадется в руки* [*охотника*]*; Кто занимается многим, не знает ничего; Слова хороши, если их мало; Того, кто бежит один, никто не обгонит; Лучше мало, чем много* и др.

[18] Формам этого ряда соответствуют афоризмы: *Много слов хорошо только в Коране; Сказать мало — будет непонятно, сказать много — заморочить голову; Веревка хороша — когда длинна, а речь — когда коротка* и др.

Граф 1

Общий пословичный фонд
Разделы
I
II
Высшие логико-семиотические инварианты
𝔄
𝔅
𝔄
𝔅
Логико-семиотические конструктивные типы
1
2
1
2
1
2
1
2
Логико-семиотические подтипы
1_1
1_2
2_1
2_2
Логико-тематические группы

рядов, но в форме вопроса (например: «Много — это хорошо или плохо?»).

На первый взгляд может показаться нелогичным, что все перечисленные ряды трансформов противоречат друг другу. Если в одном что-то утверждается, то в другом это же отрицается, в третьем — оказывается одинаково верным (или неверным) и первое и второе, а в четвертом — и то, и другое, и третье подвергается сомнению. На самом же деле ничего нелогичного в этом нет. Ведь пословицы — это знаки ситуаций. А ситуации могут быть самыми разными, в том числе и прямо противоположными.

В самой общей и сильно упрощенной форме систему вариантных подгрупп или рядов трансформов внутри логико-тематической группы можно изобразить в виде следующей таблицы (табл. 6).

Таблица 6

Трансформы первого класса (ряды)	Трансформы второго класса		
	а положительные формы	б отрицательные формы	в смешанные формы
А Основные формы	много — хорошо	мало — плохо	много — лучше, чем мало
Б Трансформы отрицания	много — плохо	мало — хорошо	мало — лучше, чем много
В Трансформы сочетания	много — и хорошо и плохо	мало — и плохо и хорошо	иногда лучше много, а иногда — мало
Г Трансформы вопроса	Аа? Ба? Ва?	Аб? Бб? Вб?	Ав? Бв? Вв?

При помощи подобной таблицы, но, конечно, более развернутой[19], можно заранее предсказать, какие (по смыслу)

[19] В действительности каждая клетка табл. 6 делится по меньшей мере на 36 частей, а в последнем ряду — на 108, ибо в реальном пословичном фонде учитываются многие трансформы второго, третьего и четвертого классов, основанные на различиях по порядку следования объектов, по их наличию или отсутствию, по активности или пассивности, по истинности или ложности, по всеобщности или единичности суждения и некоторым другим признакам, которые не учтены в данной таблице.

изречения должны быть в той или иной логико-тематической группе. Только при этом надо иметь в виду, что в каждом высшем логико-семиотическом инварианте свой набор трансформов и некоторые логические конструкции, обязательные в одном из инвариантов, принципиально невозможны в другом. (Так, например, в инварианте I𝔅, объединяющем изречения с формулой

$$(P \sim Q) \rightarrow [\exists(P) \rightarrow \exists(Q)] \text{ —}$$

«Если есть причина, будет и следствие», нет и не может быть конструкций, основанных на различии по качеству объектов.) Соответствующая характеристика высших инвариантов дана в табл. 7:

Таблица 7

Возможные формы / Высший инвариант	Различия по качеству объектов				Различия по существованию			Различия по порядку следования		
	о нейтральн.	а положит.	б отрицат.	в смешан.	а положит.	б отрицат.	в смешан.	а прямые	б обратные	в комбинир.
I 𝔄	+	+	+	+						
I 𝔅					+	+	+	+	+	+
II 𝔄	+	+	+	+				+	+	+
II 𝔅		+	+	+	+	+	+			

Пользуясь приведенной дистрибутивной матрицей, можно легко определить, к какому из высших инвариантов относится то или иное изречение: стóит только произвести необходимые трансформации. По внешнему виду же конструкции это удается решить далеко не всегда, ибо среди пословиц и поговорок наблюдается явление логической омонимии, когда изречения, относящиеся к разным инвариантам, т. е. имеющие разный смысл и представляющие разные логические контексты, обладают сходной структурой. Так, пословица *Один шарик бараньего помета портит целый бурдюк сала* явно схожа с пословицей *Один гнилой банан портит всю гроздь*. Между

тем они совершенно различны по существу. Первая стоит в ряду таких изречений, как *Одного камня хватит на пятьдесят глиняных кувшинов* или *На помете одного верблюда может поскользнуться тысяча других* (т. е. «один — это много, значительно»), а вторая идентична изречениям типа *Если в корзине одна рыба испортилась, испортятся все* или *Если завернуть вонючую рыбу в листья, листья тоже пропахнут* (т. е. «вещь влияет на свое окружение»). Вторая группа пословиц допускает обратную трансформацию по порядку следования элементов («окружение влияет на вещь»): *Если все бананы в грозди, кроме одного, будут испорчены, то и этот один тоже испортится*. Пословицы первой группы (про шарик помета или про камень и кувшины) такой трансформации не допускают: если бурдюк сала испорчен, это не означает, что в него попал один шарик помета («много и значительно не означает, что это один»). Таким путем мы узнали, что первая пословица относится к высшему инварианту II 𝔅, а вторая — к высшему инварианту II𝔄.

Изучение логико-семиотического плана пословиц и поговорок, конечно, еще не закончено, но и сделанное убедительно свидетельствует о том, что, несмотря на исключительное многообразие логических форм (более восьмисот для каждой отдельной мысли!), любая существующая и возможная пословица и поговорка получает в предлагаемой системе логико-семиотической классификации, как и в системе лингвистической классификации, одно, и только одно, место[20], и при этом получает его непременно.

* * *

Двуплановая характеристика пословиц и поговорок по признакам их лингвистической и логико-семиотической структуры дает значительно более полное представление о них, чем любая одноплановая. Но и двуплановая совершенно недостаточна для правильного понимания и оценки названных изре-

[20] Этому как будто противоречат встречающиеся иногда «сверхсложные» пословицы и поговорки, разные части которых относятся к различным трансформам, а порой к различным логико-тематическим группам и даже разным высшим инвариантам. Так, первая половина бурятской пословицы *Характер хорош, когда он умеренный, а воротник хорош, когда он на шубе* относится к одной группе («В меру или не в меру»), а вторая — к другой («К месту или не к месту») одного и того же высшего инварианта (II 𝔅); а части арабской поговорки *Пришла роженицу поздравить, да сама родила; ей предложили сесть, а она вытянулась во весь рост* — к разным высшим инвариантам (первая — к I 𝔅, а вторая — к II 𝔄). Однако во всех этих случаях мы имеем дело с контаминацией различных (и вполне самостоятельных) изречений, каждое из которых подчиняется общему правилу.

чений. Чтобы действительно верно понять какую-либо пословицу или поговорку, надо обязательно знать, какова она еще и в третьем плане, т. е. в плане реалий. И хотя, как мы говорили, пословицу делают не реалии, а логическая конструкция, они же выступают лишь в качестве «строительного материала», все-таки их роль в общем сооружении очень велика. Одно дело, если дом построен из кирпича, и совсем другое, если он сплетен из пальмовых листьев или сколочен из гнилых досок. Сравним два изречения:

Мал золотник, да дорог
и
Мал клоп, да вонюч.

И по языковой и по логической структуре обе эти пословицы очень близки друг другу. Между тем они совсем разные: и если одна подойдет в каком-то контексте, то другая будет там неуместной.

Можно взять даже вполне равноценные по стилистической окраске изречения одного смысла и одной структуры, например:

С личика яичко, а внутри болтун;
Со лба красив, да с затылка вшив;
Живет на погосте, а хлеба ни горсти (погост, Новг. губ. — дом попа и причта; особняком)[21] — они все равно окажутся разными. Более того, одно из них без специального примечания Даля о местном значении слова «погост» даже не будет правильно понято жителями других местностей.

Дело в том, что реалии не только придают изречению ту или иную эмоциональную окраску, но и отражают различные местные особенности. Последнее обстоятельство выявляется особенно ярко при сравнении сходных пословиц и поговорок разных стран и народов.

По одному и тому же поводу (т. е. в сходной ситуации) осетин скажет: *И в хорошем огороде гнилые тыквы находят,* а мордвин (эрзя) — *И на хорошем дереве бывают плохие сучья;* по-сингальски это будет: *Даже в пруду с лотосами водятся лягушки;* по-вьетнамски — *И на хорошем нефрите есть пятна;* на языке тамили — *И в коралле и в жемчуге можно найти изъян,* а на индонезийском — *И в слоновой кости есть трещинки.* Каждый народ использует свои местные, специфические реалии: у осетин — это тыква, у вьетнамцев — нефрит, у тамилов — кораллы и т. д.

---

[21] См.: 82, 91 и 696.

Именно в плане реалий, т. е. в образном строе пословиц и поговорок, и заключается разница между изречениями разных народов, вся их этническая, географическая, историческая и языковая (в смысле языковой «модели мира») специфика.

И наконец, именно план реалий (в органическом сочетании с логико-семиотическим планом) делает пословицы и поговорки художественными произведениями. Достаточно сравнить любое конкретное пословичное изречение с его логической схемой, чтобы убедиться в этом.

Пословица говорит: *Кони перевелись — поле за ослами.* А соответствующая логическая схема передает ситуацию «в чистом виде»: «Если нет лучшей вещи, ее заменяет худшая». В таком же отношении находятся пословица *Сколько навоз ни суши, он будет вонять* и соответствующая ей схема: «Что бы ни делали с плохой вещью, она не улучшится».

А то, что пословицы и поговорки не просто «украшены» образами, но представляют собой явления эстетического порядка, становится совершенно очевидным при сравнении их со сходными (по реалиям и грамматической структуре) изречениями нехудожественной природы, например приметами или сельскохозяйственными наблюдениями и рекомендациями вроде следующих: *Лошадь храпит — к ненастью* или *Клади навоз густо — в амбаре не будет пусто*[22].

Значительная, если не бóльшая, часть паремиологических исследований посвящена предметному содержанию пословиц и поговорок (т. е. как раз плану реалий) и соответствующей их классификации. Но в силу того, что разные планы пословичных изречений ясно не различались, план реалий не рассматривался отдельно и потому, естественно, не мог быть по-настоящему хорошо изучен. Не удивительно, что до сих пор нет и сколько-нибудь серьезной предметно-семантической классификации пословиц и поговорок. Тем более что построение подобной классификации — дело вообще очень трудное: реалий неимоверно много, а главное — любые предметные классы обязательно перекрещиваются друг с другом по тем или иным признакам. Кроме того, многие реалии используются в народном творчестве в качестве символов вещей и понятий, не имеющих ничего общего с их основным значением (например, березка в русском фольклоре часто служит символом девушки, а мотылек в фольклоре индонезийцев — символом юноши и т. д.).

Со своей стороны мы тоже пока не можем предложить ни-

[22] О природе подобных изречений см. ниже, в гл. IV настоящей работы.

какой готовой системы: наши поиски в этом направлении только начаты. И все же мы думаем, что такая система классификации принципиально возможна, правда не в том виде, в каком ее безуспешно пытались создать многие авторы, начиная с И. М. Снегирева и Л. Б. Гомма [см. 39, 317 и 355].

Конечное, реалии — вещи весьма сложные и даже многоплановые; к тому же число их теоретически неограниченно. Но ни сложность, ни бесчисленность сами по себе не могут служить препятствием для построения строгой системы классификации. Атомы химических веществ тоже достаточно сложны, а ряды натуральных чисел тоже бесконечны. Тем не менее и атомы и числа разделены на классы вполне четко и точно. Многоплановость реалий может быть учтена в системе с помощью нескольких уровней, а бесчисленность упорядочена строгими правилами расположения.

Единственным действительно серьезным препятствием для создания системы предметной классификации с неперекрещивающимися классами является то, что все вещи — это комплексы самых различных свойств или признаков, благодаря которым они с неизбежностью попадают одновременно в разные предметные классы, как бы мы ни ухищрялись в разграничении последних.

Но и тут есть выход. Все, в том числе и самые сложные, вещи можно разложить на элементарные компоненты, т. е. на отдельные признаки, число которых сравнительно невелико и из которых — путем различной их комбинации — складывается все бесконечное разнообразие мира реалий.

Если создать «алфавит» необходимых признаков (а эта задача существенно облегчается тем, что все они в конечном счете группируются вокруг небольшого числа инвариантных пар противопоставлений типа «свой—чужой», «близкий—далекий», «добрый—злой», «умный—глупый», «большой—малый» и т. п.) и разработать «грамматику» их сочетания, то с помощью ограниченного количества исходных данных можно будет получить любое число всевозможных комбинаций, соответствующих определенным вещам, и строгую — без перекрещивающихся классов — систему их классификации. В результате каждая пословица и поговорка получат и в плане реалий свое единственное место и неповторимую характеристику.

* * *

Таковы в основных чертах три разных плана пословиц и поговорок. Взятые вместе, они дают достаточно полное представление о названных изречениях. А построенная на их ос-

нове комплексная классификация, как только она будет завершена, даст верную картину всего пословичного фонда в целом и исчерпывающую характеристику каждого изречения в отдельности, ибо оно будет оценено во всех решающих аспектах — лингвистическом, логико-семиотическом и предметно-образном.

II
ГЛАВА

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

Фразеологические обороты, или фразеологизмы, во многих отношениях сходны с рассмотренными выше пословицами и поговорками. И не только потому, что и те и другие относятся к языковым клише, но и по ряду иных, более частных признаков.

Прежде всего, фразеологизмы очень похожи на пословицы и поговорки по своей внешней грамматической, а точнее, синтаксической форме. Как первые, так и вторые могут выступать в речи в виде незамкнутых предложений конструктивного типа А и Б и замкнутых предложений типа В (см. табл. 2). Сравним типичные фразеологизмы, помещенные в левом столбце, с типичными же поговорками и пословицей, помещенными в правом:

[*Некто*] *положил зубы на полку*	[*Некто*] *топчется на одном месте*
[*Некто—*] *гусь лапчатый*	[*Некто—*] *бык среди телят*
Кондрашка [*его*] *хватил*	*Мошка* [*его*] *лягнула*
Держи карман шире!	*Доверь кошке стеречь закуску!*

Как видим, сходство достаточно близкое.

Далее, фразеологизмы, как и пословично-поговорочные клише, при всей своей кажущейся простоте представляют собой довольно сложные образования, имеющие три различные и в известной степени автономные плана — собственно лингвистический (или грамматический), логико-семиотический и предметно-образный, что в той или иной форме отмечается всеми исследователями.

Есть и другие черты, сближающие фразеологизмы с пословицами и поговорками (например, наличие у многих из них образной или прямой мотивировки общего значения, известная общность в фонде реалий, используемых в качестве образов, и т. п.). В результате фразеологизмы настолько похожи на пословицы и поговорки, что их часто путают. Чтобы

убедиться в этом, достаточно заглянуть в новый фразеологический словарь, выпущенный издательством «Советская энциклопедия» [105]. В названном словаре такие классические пословицы и поговорки, как *Игра не стоит свеч, Два сапога пара, Чужими руками жар загребать, Делить шкуру неубитого медведя* и многие другие, безоговорочно отнесены к фразеологизмам.

Разумеется, не все авторы смешивают фразеологизмы с пословичными изречениями. Некоторые вполне правильно (по крайней мере на практике) различают их. Однако ни те ни другие не дают точных формальных критериев для отграничения фразеологизмов от пословично-поговорочных клише.

Между тем такие критерии есть. И их не так мало. Но главное, принципиальное отличие фразеологизмов от пословиц и поговорок лежит в логико-семиотическом плане. С него-то мы и начнем их описание.

* * *

При всем многообразии фразеологических теорий и при всех многочисленных разногласиях по вопросу о содержании и объеме основных понятий фразеологии [1] подавляющее большинство исследователей сходится на том, что истинные фразеологизмы, несмотря на дискретность грамматической формы (они состоят как минимум из двух раздельно оформленных слов), обладают единым и неделимым смыслом. В соответствии с этим тезисом все или почти все авторы, независимо от того, как широко толкуют они понятие «фразеологическая единица», включают в число фразеологизмов клише типа *собаку съел, бьет баклуши, выносит сор из избы, положил зубы на полку, гусь лапчатый, тертый калач, не лыком шит, очертя голову, кот наплакал, мать честная!, душа в пятки ушла, Кондрашка хватил* и т. п., которые акад. В. В. Виноградов назвал «фразеологическими сращениями» и «фразеологическими единствами» [см. 5, 22—26].

Действительно, если сравнить какой-либо из приведенных фразеологизмов с омонимичным ему свободным сочетанием слов, указанное смысловое единство станет особенно очевидным. Возьмем для примера выражение «положил зубы на полку». Как устойчивое сочетание, т. е. фразеологизм, оно озна-

---

[1] Объем и задачи настоящих Заметок не позволяют разбирать здесь существующие фразеологические теории. Поэтому отсылаем читателя к работам В. Н. Телия («Что такое фразеология», М., 1966) и И. И. Чернышевой («Принципы систематизации фразеологического материала современного немецкого языка», — сб. «Язык и стиль», М., 1965), в которых обобщен большой теоретический материал по фразеологизмам.

чает то же, что и слово «голодает» («проел все свои деньги и положил зубы на полку»). А свободное сочетание тех же слов в рассказе о палеозоологе, обнаружившем челюсть ископаемого животного, означает именно то, что вытекает из смыслов всех составляющих это выражение компонентов (как слов, так и объединяющей их синтаксической конструкции), т. е. что он взял найденные зубы и положил их на какую-то полку.

Смысл фразеологизмов *гусь лапчатый, бьет баклуши* и некоторых других тоже можно передать одним словом (*гусь лапчатый* означает «плут» или «пройдоха», *бьет баклуши* означает «бездельничает»). Но и в тех случаях, когда смысл фразеологизма нельзя передать одним словом, он (этот смысл) все равно эквивалентен одному слову или, точнее, одному понятию. Так, например, выражение [*У кого-то*] *душа в пятки ушла* означает, что этот «кто-то» очень сильно испугался (слов три, но понятие одно). А выражение *Кондрашка* [*его*] *хватил* означает, что «его» разбил паралич (слов два, но понятие опять же одно). Точно так же обстоит дело и со всеми другими фразеологическими клише, приведенными в нашем списке.

Таким образом, каждый из избранных нами несомненных фразеологизмов, независимо от того, из скольких слов он состоит и сколькими словами может быть объяснен, **выражает одно-единственное понятие, т. е. служит знаком какой-то одной вещи**[2].

Но этого мало. Как показал анализ большого фразеологического материала русского языка, названное свойство наших избранных фразеологизмов — быть знаком какой-либо вещи или понятия—является основным свойством всех подлинных фразеологизмов вообще. Больше того, оказалось, что тем же свойством обладают фразеологические клише английского, немецкого, персидского, башкирского и других языков мира.

По существу именно к этому сводится смысл всех рассуждений фразеологов и лексикологов о единстве номинации фразеологических оборотов, об их смысловой неделимости, о наличии у них общего лексического значения, о противоречии между дробностью грамматической формы и цельностью содержания и т. п.

Знаковая природа фразеологизмов, и в первую очередь то обстоятельство, что они служат знаками отдельных вещей, определяет все особенности их смыслового или логико-семи-

[2] Здесь мы отвлекаемся от случаев полисемии, когда «один и тот же» фразеологизм, как это случается и с обычными словами, имеет несколько разных значений. Но и тогда в каждом конкретном контексте он, как и слово-омоним, будет иметь только одно значение.

отического плана, большинство характерных признаков плана лингвистического и кое-какие существенные черты плана реалий.

Начнем с того, что фразеологизмы как знаки вещей принципиально отличаются от пословиц и поговорок, являющихся знаками ситуаций или отношений между вещами. Возьмем любую из приведенных на стр. 32 пар клише, свидетельствующую о сходстве фразеологических оборотов с пословичными изречениями, и сравним сходные клише с этой точки зрения:

Держи карман шире!
Доверь кошке стеречь закуску!

Первое означает: «Не надейся!», а второе — «Лицу, которое стремится уничтожить какую-либо вещь, нельзя доверять охрану этой вещи». Иначе говоря, первое клише выражает понятие (напрасное ожидание!), а второе — ситуацию (несовместимость двух объектов, из которых один может стать виновником гибели другого). В точно таких же отношениях между собой находятся и клише из других пар, приведенных на стр. 32.

Знаковая эквивалентность фразеологизмов слову (или понятию) **предполагает отсутствие у них логического контекста, совершенно обязательного для пословичных изречений.**

Сравним те же самые два клише. Когда мы кому-нибудь говорим: *Держи карман шире!,* то передаем этим только уверенность в несбыточности надежд собеседника, и ничего более. Второе выражение (*Доверь кошке стеречь закуску!*) мыслится в определенном логическом контексте. Вот его примерное изложение: «Как известно, кошка и закуска — вещи несовместимые в том смысле, что первая при благоприятных условиях обязательно уничтожит (сожрет) вторую. Оставить их друг с другом наедине („доверить“) как раз и означает создать такие благоприятные условия» (более подробно о логическом контексте см. 19, 44).

Та же эквивалентность фразеологизмов слову объясняет и **отсутствие у них логической трансформации, столь развитой у пословиц и поговорок.**

Исключение составляют отдельные фразеологические клише, имеющие трансформы активности и пассивности (например: кто-либо *вылетел в трубу,* т. е. разорился, и кого-либо *выпустили в трубу,* т. е. разорили). Но, во-первых, эти редкие клише соотносимы с понятиями действия, которые, как известно, сами могут иметь активные и пассивные формы; а во-вторых, бóльшая часть таких трансформируемых образо-

ваний относится не к «чистым» фразеологизмам, а к так называемым «сверхсложным формам», о которых речь пойдет в четвертой главе настоящей работы (см. сгр. 94).

Характером фразеологического знака как знака отдельной вещи объясняется и грамматическая функция фразеологизмов, выступающих в предложении наравне со словом, т. е. в качестве того или иного члена предложения и соответственно — той или иной части речи.

Так, оборот *медвежий угол* выполняет роль существительного («захолустье»), а *навострил лыжи* — глагола («убежал»).

Тот же понятийный характер фразеологического знака служит первой и, возможно, единственной причиной утраты лексического значения слов-компонентов и синтаксического значения объединяющей их конструкции — явления, давно подмеченного и подробно описанного в литературе.

Смысловая близость фразеологизмов слову объясняет и многие другие их свойства. В частности, то, что некоторые из них, как и отдельные слова — знаки вещей или понятий, обладают полисемией, и то, что среди фразеологизмов, как и среди слов, встречаются выражения-синонимы [3]. Правда, с фразеологизмами и то и другое случается гораздо реже, чем с обычными словами, но ведь и самих фразеологизмов тоже намного меньше, чем слов.

Таковы в основных чертах наиболее характерные качества фразеологических оборотов, рассмотренных в логико-семиотическом плане. Конечно, мы коснулись здесь далеко не всех. Одни представлялись нам малосущественными для наших целей, другие — просто еще плохо изучены. Но и те, что показаны, а именно: знаковая природа фразеологизмов, характер фразеологического знака как знака вещи и смысловая эквивалентность фразеологизмов слову со всеми вытекающими отсюда последствиями [4], кажутся достаточными для понимания своеобразия фразеологизмов и отличия их от пословично-поговорочных клише.

Подводя эти итоги, неизбежно приходишь к выводу, что такие языковые клише, как составные термины вроде *атомный вес, мертвая голова* или служебные сочетания слов типа

---

[3] Так, оборот *отливать пули* может в одном случае обозначать «бессовестно врать», а в другом — «говорить или делать что-либо необычное, смешное». С другой стороны, такие разные обороты, как *тертый калач* и *стреляный воробей,* обозначают одно и то же, а именно бывалого, опытного человека, которого не обманешь.

[4] В частности, тем, что смысловая или логико-семиотическая классификация фразеологизмов может строиться лишь как классификация вещей (или понятий).

так как, благодаря тому что и *как-никак,* тоже являются самыми настоящими фразеологизмами. В самом деле, все эти и подобные им клише, т. е. раздельно оформленные и устойчивые языковые единицы, которые, кстати сказать, имеют те же три плана, что и разобранные выше фразеологические обороты, представляют собой знаки отдельных вещей или понятий и обладают всеми перечисленными нами свойствами остальных фразеологизмов. (Между прочим, на фразеологическую сущность составных терминов и устойчивых служебных сочетаний еще в 1947 г. указал В. В. Виноградов в своем «Введении в грамматическое учение о слове».—См. 5, 25—26.)

Безусловно, у фразеологизмов-терминов и служебных фразеологизмов есть кое-какие особенности, обусловленные характером дезигната, поскольку эти клише обозначают несколько иные объекты, чем прочие фразеологизмы. Так, у терминов дезигнаты определены более точно, чем у других словосочетаний, и потому реже бывают многозначны. Кроме того, многие термины известны только в узком профессиональном кругу. А служебные фразеологизмы имеют в качестве дезигнатов не предметы, явления или понятия о них, но грамматические или модальные отношения, правда тоже понимаемые как вещь (например, союз *так как* — как выражение причинной зависимости, а модальное клише *шутка сказать*—как выражение удивления). В силу этого служебные фразеологизмы, хотя их совсем мало, имеют логические трансформы первого, второго и третьего классов и могут обозначать различные отношения вещей в пространстве и времени, в том числе и противоположные (ср. *ввиду того что* и *несмотря на то что*). Однако в своем большинстве названные нами особенности последнего понятийного типа клише (не считая, конечно, способности к трансформации) не столь уж существенны с логической точки зрения и к тому же проявляются не в самом логико-семиотическом плане, а в плане грамматическом, где служебные фразеологизмы выступают в роли, отличной от роли других фразеологизмов, а именно в качестве иных частей речи.

* * *

По своей внешней грамматической форме, а точнее, по синтаксической форме омонимичных с ними свободных сочетаний фразеологизмы довольно разнообразны. Конечно, им далеко до синтаксического разнообразия пословиц и поговорок, которые представлены всеми существующими в данном языке формами, но и они (т. е. фразеологизмы) воплощаются в ряде различных синтагм, начиная от простейшего соче-

тания существительного с предлогом (например: *за глаза* в смысле «вполне», «с избытком») и кончая некоторыми видами сложных предложений (например: *поминай как звали* в смысле «пропал», «исчез»). Между этими полюсами расположены различные виды более или менее сложных синтагм, в том числе и образующие незамкнутые предложения конструктивных типов А и Б и замкнутые предложения типа В, что и придает некоторым фразеологизмам внешнее сходство с пословицами и поговорками [5].

Но что примечательно: все синтаксические различия между фразеологизмами не имеют или почти не имеют сколько-нибудь существенного значения для их смысла. Так, например, составные названия растений, имеющие один и тот же терминологический характер, могут быть представлены разными типами синтагм: а) *куриная слепота* (прилагательное+ +существительное, согласующиеся в роде, числе и падеже); б) *перекати-поле* (глагол в повелительном наклонении+существительное); в) *Иван-да-Марья* (два имени собственных, объединенных союзом); г) *не-тронь-меня* (целое распространенное предложение) и рядом других. Правда, кое-какие соответствия между синтаксической формой и смыслом фразеологизмов иногда наблюдаются. Например, основная часть составных терминов представлена именными синтагмами типа «куриная слепота» (прилагательное+существительное), более всего соответствующими природе дезигната, а основная часть фразеологических оборотов, эквивалентных глаголу, представлена глагольными синтагмами типа «заморил червячка» (глагол+существительное). Еще теснее связаны с означаемым некоторые другие типы синтагм. Так, глагольная синтагма, образующая незамкнутое предложение с местоименной заменой второстепенного члена, большей частью является знаком внешнего или внутреннего состояния человека (ср. [*у него*] *душа в пятки ушла*), а «вспомогательные» синтагмы (см. стр. 44) почти всегда обозначают грамматические отношения (ср. *между тем как*).

Тем не менее **характер грамматических связей внутри фразеологизмов и значение последних в принципе не зависимы друг от друга.** Вот почему терпят неудачу все попытки построить классификацию фразеологизмов по признакам их синтаксической формы (например, по типам синтагм), а равно и

---

[5] Характерно, однако, что по своей протяженности фразеологизмы независимо от синтаксической формы в общем значительно короче пословиц и поговорок и, как правило, имеют в своем составе не более пяти-шести слов, считая союзы и предлоги. Да это и понятно: ведь фразеологизм выступает в предложении как один из членов и потому, естественно, не может быть слишком длинным.

все попытки синтаксического моделирования фразеологических оборотов.

Более реальными и практически ощутимыми являются различия между фразеологизмами по характеру мотивировки их общего смысла. По этому признаку все фразеологические обороты, включая термины и служебные сочетания слов, делятся на два большие класса.

К первому относятся фразеологизмы, лишенные, по крайней мере в современном живом языке, какой бы то ни было мотивировки общего значения, т. е. смысл которых ни прямо, ни косвенно (через образ) не связан со смыслом составляющих их компонентов и которые не содержат никаких признаков означаемой вещи. Таково, например, просторечное выражение *дал дуба,* значение которого «умер» абсолютно не связано ни с дубом, ни с глаголом «давать». Таково же клише *летучая мышь,* служащее названием переносной лампы. Ни к летучей, ни к какой другой мыши оно не имеет ни малейшего отношения. Таково же, наконец, и модальное сочетание *чего доброго,* смысл которого ни с чем добрым не вяжется.

Клише данного типа акад. В. В. Виноградов очень удачно назвал фразеологическими сращениями. В этих оборотах, действительно, происходит полное сращение компонентов в единое целое. Только взятые вместе, получают они свой смысл, а порознь не соответствуют составным частям означаемой вещи, как звуки (или буквы) в слове «дом» не соответствуют крыше, стенам или другим элементам реального дома[6].

Ко второму классу относятся фразеологизмы с более или менее выраженной мотивировкой общего значения, иначе говоря, такие фразеологические обороты, общий смысл которых в той или иной мере и тем или иным способом связан со смыслом компонентов. Одни из них (например, составные термины этого класса) обладают весьма четкой мотивировкой. Таково клише *верблюжья колючка,* служащее названием колючего растения, охотно поедаемого верблюдами. Смысл других (как раз наиболее типичных фразеологизмов того же класса) мотивирован менее определенно. Таково выражение *прикусил язык,* означающее «замолчал».

Клише этого типа акад. В. В. Виноградов назвал — также весьма удачно — фразеологическими единствами. Как и фразеологические сращения, единства не разложи-

---

[6] Вот почему фразеологизмы этого типа (и сходные с ними обороты) пословно не переводимы на другие языки. Фактически они не переводятся и на свой язык, но употребляются в качестве единого неделимого знака.

мы на составные части. Однако в отличие от сращений в них все-таки различаются отдельные компоненты.

В свою очередь фразеологические единства, поскольку в них ощутима мотивировка, делятся на два подтипа. К одному из них относятся клише с образной мотивировкой общего значения, а к другому — с прямой. Так, например, название бабочки *мертвая голова* мотивировано сходством рисунка на ее теле с человеческим черепом, а название транспортного пути *железная дорога* (тоже представляющее собой фразеологическое единство) имеет прямое основание: это действительно дорога, и она в самом деле частично сделана из железа (хотя последнее не обязательно).

Фразеологические единства со следами мотивировки, т. е. с менее отчетливыми признаками означаемой вещи, также делятся на те же подтипы. У первого — со следами образной мотивировки — признаки означаемой вещи, как правило, иносказательны во всех компонентах. У второго — со следами прямой мотивировки — признаки означаемой вещи прямые, хотя бы в одном из компонентов. Ср. *выносит сор из избы* и *выплакал все глаза.* Первое из этих клише означает «разглашает семейные или групповые неполадки». В нем понятие «неполадки» образно передано словом *сор*, семья (своя группа изображается в виде «дома» (*избы*), а «разглашение внутренних разногласий» представлено как *вынесение сора* за порог дома (что обычно не делалось, так как сор сжигали в печи). Смысл второго фразеологизма мотивирован без такого иносказания: *выплакал все глаза* означает «много и долго плакал».

Та же картина наблюдается и среди единств из числа служебных фразеологизмов. Сравним выражение *благодаря тому что, по линии* и *одним словом* с выражениями *вместе с тем, по причине* и *может быть*. Смысл первых трех мотивирован через образ, а трех последних — непосредственно.

Таким образом, все известные нам фразеологические клише по характеру мотивировки общего значения делятся на два структурные типа: 1) без наличия мотивировки или ее следов (сращения) и 2) с наличием мотивировки или ее следов (единства). В свою очередь последние подразделяются на два подтипа: 1) с образной мотивировкой и 2) с прямой мотивировкой. Если при этом учесть, что каждый из названных типов и подтипов содержит фразеологизмы, различающиеся характером дезигната (т. е. относятся к разным понятийным типам), то взаимные отношения всех этих групп схематически можно изобразить так, как показано в табл. 8.

Еще более существенны различия между фразеологизмами по их грамматической функции. Как мы уже от-

Таблица 8

Структурный тип фразеологизма (по наличию мотивировки)	Характер мотивировки (структурный подтип)	Понятийный тип фразеологизма
Ср Сращение (без мотивировки общего значения)	—	Т Фразеологизм-термин
		Ф Собственно фразеологизм
		Сл Служебный фразеологизм
Е Единство (с мотивировкой, более или менее выраженной)	I Образная (единства I)	Т Фразеологизм-термин
		Ф Собственно фразеологизм
		Сл Служебный фразеологизм
	II Прямая (единства II)	Т Фразеологизм-термин
		Ф Собственно фразеологизм
		Сл Служебный фразеологизм

мечали, характер фразеологического знака делает фразеологизм эквивалентным слову (или понятию), и это определяет большинство грамматических особенностей фразеологических оборотов, и в частности то, что они наравне со словами выступают в качестве тех или иных частей речи (и соответственно — членов предложения).

Грамматическая функция фразеологизма зависит от свойств его дезигната. Так, фразеологические обороты, обозначающие

действия, выступают в качестве глаголов и в предложении, как правило, играют роль сказуемых (ср. «Я смотрю, где он, а он уж и лыжи навострил». Н. Щедрин) [7], а обороты, обозначающие признаки действия, выступают в качестве наречий и в предложении обычно играют роль обстоятельств (ср. «Между тем Юрий и Ольга... шли рука об руку по пыльной дороге». М. Лермонтов) и т. д. и т. п. Какому понятию соответствует данный конкретный фразеологизм, в такой роли он и выступает в речи.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что среди фразеологических оборотов есть обороты, соответствующие всем без исключения частям речи, в том числе: имени существительному, имени прилагательному, имени числительному, местоимению, глаголу, наречию, категории состояния, междометию, а также модальным словам, союзам и предлогам. При этом фразеологизмы, выполняющие функцию тех или иных частей речи, обладают всеми или почти всеми основными особенностями последних.

Так, фразеологические обороты, выступающие в качестве существительных (*слабая струнка, медвежий угол, глухая тетеря* и т. п., а также все фразеологизмы-термины: название цветка *куриная слепота*, название бабочки *мертвая голова*, химический термин *атомный вес* и многие другие), различаются по родам (ср. *мокрая курица* и *краеугольный камень*), изменяются по числам (ср. *глухая тетеря* и *глухие тетери*) и по падежам (ср. *морской волк, морского волка, морскому волку* и т. д.). Наиболее четко все эти свойства обнаруживаются у фразеологизмов-терминов. В то же время имеются случаи, когда фразеологизмы типа существительных не обладают всеми парадигматическими формами этой части речи. Например, название растения *не-тронь-меня* не изменяется по числам и падежам. Однако подобные явления встречаются и среди существительных-слов (ср. *пальто, метро, кенгуру*).

Фразеологические обороты, соответствующие глаголам, изменяются по лицам и числам, а употребляемые в прошедшем времени — также и по родам (ср. *я заправлю арапа, ты заправляешь арапа, они заправляют арапа*, а также: *он набил оскомину, она набила оскомину, оно набило оскомину*). Почти все фразеологизмы глагольного типа могут иметь инфинитивную форму. Правда, она, как правило, употребляется лишь в словарях, но иногда используется и в живой речи

---

[7] Эта и большинство следующих иллюстративных литературных цитат, приведенных в настоящей главе, заимствованы нами из упомянутого выше фразеологического словаря русского языка [105].

(ср. «Поссорься с одним — с другим, так и придется зубы на полку положить». А. Островский). Многие, но уже далеко не все, фразеологические обороты, выполняющие роль глаголов, наравне с обычными словами-глаголами, изменяются и по временам (ср. *он виляет хвостом, он вилял хвостом, он будет вилять хвостом*). Однако нельзя сказать: «он выплакивает все глаза». Некоторые клише данного типа могут даже иметь разные наклонения (ср., например: *поминает лихом* и *не поминай лихом!*). Но в отличие от многих глаголов-слов глагольные фразеологизмы, как правило, не имеют видовых и залоговых параллелей. Так, клише *отливает пули,* соответствующее глаголу несовершенного вида («врет»), и клише *навострил лыжи*, соответствующее глаголу совершенного вида («убежал»), не имеют другого вида или другого залога: никак нельзя сказать «отольет пули» или «вострит лыжи», а также «отлил бы пули» или «навострил бы лыжи». Впрочем, и глаголы-слова тоже не всегда имеют разные залоги и виды.

Фразеологизмы предложного типа (*в силу, по линии, следом за* и т. п.), как и обычные (простые) предлоги, служат для выражения пространственных, временных, ограничительных и ряда других отношений между объектами речи и, подобно обычным предлогам, требуют определенных падежных форм связанных с ними имен. Однако в отличие от простых предлогов предлоги-фразеологизмы обладают несравненно более узким кругом значений. Сопоставим, например, фразеологизм *во имя* («Надо бороться за человека против плохого в нем, во имя хорошего». Г. Николаева) со сходным по смыслу предлогом *ради,* имеющим много разных значений (по крайней мере три группы: а) с какой-либо целью; б) в интересах кого-либо или чего-либо и в) по какой-либо причине).

В соответствии с изложенным на последних страницах строится и система лингвистической классификации фразеологизмов.

Первыми в ней идут ф р а з е о л о г и ч е с к и е с р а щ е н и я как клише, наиболее близкие к слову. Они, как и все обычные (однокоренные) слова, не разлагаются на самостоятельные составные элементы. За ними следуют ф р а з е о л о г и ч е с к и е е д и н с т в а обоих подтипов: сначала—единства I, т. е. обороты с образной мотивировкой, а потом — единства II, т. е. обороты с прямой мотивировкой общего значения.

Внутри этих типов на первом месте стоят фразеологизмы-термины. Из всех структурно-родственных сочетаний слов, т. е. из оборотов, относящихся к тому же структурному типу, именно фразеологизмы-термины более всего похожи на обыч-

ные слова. Так, например, фразеологические термины-существительные обладают полной именной парадигмой и полной же непроницаемостью. В них, как и в слова, нельзя ничего вставить и нельзя поменять местами их компоненты (например, нельзя сказать про цветок «Марья да Иван» вместо *Иван-да-Марья* или про бабочку «*мертвая* эта *голова*» вместо «эта *мертвая голова*»), тогда как с собственно фразеологизмами подобные операции допустимы (ср. *ясный сокол, сокол ясный* и «*сокол* наш *ясный*» или «он в этом *собаку съел*» и «он *съел* в этом *собаку*»).

Фразеологизмы-термины могут выполнять функции существительного, прилагательного, глагола, наречия и категории состояния. Однако чаще всего они выступают в роли имени существительного.

За фразеологизмами-терминами следуют собственно фразеологизмы, наиболее разнообразный тип фразеологических клише. Обороты этого понятийного типа выполняют функции всех знаменательных частей речи, начиная от существительного и кончая междометием.

И наконец, идут служебные фразеологизмы как наиболее близкие к следующему разряду клише, представляющему знаки ситуаций или отношений между вещами. Эти фразеологические обороты выполняют роль всех трех типов служебных слов и частиц. В отличие от двух предыдущих понятийных типов клише служебные фразеологизмы часто выступают в виде вспомогательных синтагм, не имеющих вне контекста никакого смысла (например: *следом за*).

Лингвистическая классификация фразеологизмов дана в табл. 9.

Как видно из табл. 9, мы различаем одиннадцать функциональных типов фразеологизмов, соответственно одиннадцати частям (и частицам) речи русского языка[8]. Следует, однако, учесть, что внутри каждого функционального типа имеется по нескольку подтипов. Например, фразеологизмы категории состояния подразделяются по крайней мере на три подтипа: 1) выражающие психическое состояние субъекта (*на взводе* и т. п.); 2) выражающие физическое состояние субъекта (*Кондрашка* его *хватил* и т. п.) и 3) выражающие состояние окружающей среды (*дым коромыслом* и др.). Кроме того, среди фразеологизмов есть еще ряд промежуточных или смешанных форм, обладающих одновременно признаками разных типов, и потому как бы стоящих между ними. Так, фразеологическое клише *сорок сороков,* означающее

[8] В других языках число функциональных типов может быть иным, но оно всегда будет соответствовать числу частей речи.

Таблица 9

Лингвистическая классификация фразеологизмов

Структурный тип фразеологизма	Характер мотивировки	Понятийный тип фразеологизма	Грамматическая функция	Тип синтагмы
(Ср) Фразеологические сращения	Мотивировка отсутствует	Т Фразеологизмы-термины	Сщ (существительного) Пр (прилагательного) Г (глагола) Н (наречия) Кс (категории состояния)	Р (И) Р (?) Р (Г) Р (Из) Р (?)
		Ф Собственно фразеологизмы	Сщ (существительного) Пр (прилагательного) Ч (числительного) Ми (местоимения) Г (глагола) Н (наречия) Кс (категории состояния) Мж (междометия)	Р (И) Р (И$_1$) Р (И$_2$) Р (И) Р (Г) Р (Из) Р (Г$_1$) Р
		Сл Служебные фразеологизмы	Мд (модального слова) Сз (союза) Пл (предлога)	Р (В) В Р или И
(Е) Фразеологические единства	I. Образная (единства I)	Т Фразеологизмы-термины	Сщ (существительного) Пр (прилагательного) Г (глагола) Н (наречия) Кс (категории состояния)	Р (И) И$_4$ Р (Г) И$_3$ Р (?)
		Ф Собственно фразеологизмы	Сщ (существительного) Пр (прилагательного) Ч (числительного) Ми (местоимения) Г (глагола) Н (наречия) Кс (категории состояния) Мж (междометия)	Р (И$_1$) Р (И$_2$) Р (И) Р (И) Р (Г) Р (И$_3$) Р (Г$_1$) Р
		Сл Служебные фразеологизмы	Мд (модального слова) Сз (союза) Пл (предлога)	Р (В) Р Р или И

Продолжение

Структурный тип фразеологизма	Характер мотивировки	Понятийный тип фразеологизма	Грамматическая функция	Тип синтагмы
(Е) Фразеологические единства	II. Прямая (единства II)	Т Фразеологизмы-термины	Сщ (существительного) Пр (прилагательного) Г (глагола) Н (наречия) Кс (категории состояния)	Р (И) $И_4$ Р (Г) $И_3$ Р (Г)
		Ф Собственно фразеологизмы	Сщ (существительного) Пр (прилагательного) Ч (числительного) Ми (местоимения) Г (глагола) Н (наречия) Кс (категории состояния) Мж (междометия)	Р (И) Р ($И_1$) Р ($И_2$) Р (И) Р (Г) Р ($И_3$) Р ($Г_1$) Р
		Сл Служебные фразеологизмы	Мд (модального слова) Сз (союза) Пл (предлога)	Р (В) Р Р или И

Условные обозначения типа синтагм: Р — разные, И — именная (прилагательное + существительное, согласованные в роде; числе, падеже); $И_1$ — именная (прилагательное + существительное с пред; логом или в управляемом падеже); $И_2$ — именная (с удвоением основ)- $И_3$ — именная (существительное с предлогом); $И_4$ — именная (прилагательное + наречие); Г — глагольная (глагол + существительное); $Г_1$ — глагольная (глагол + существительное + переменное имя или местоимение); В — вспомогательная (служебная) синтагма. В скобках указан преобладающий тип синтагмы. Вопросительный знак в скобках (?) означает, что преобладающий тип синтагмы нам неизвестен из-за малочисленности у нас русских примеров.

«очень много» или «великое множество», нельзя с уверенностью отнести ни к типу числительных, ни к типу существительных, поскольку оно совмещает в себе черты и тех и других (справедливости' ради скажем, что аналогичные явления наблюдаются и в грамматической организации лексики).

Однако, чтобы не усложнять схему, мы решили ограничиться только «чистыми» типами и не включать в нее ни подтипов, ни промежуточных или смешанных форм. Таким об-

разом, схема, данная в табл. 9, несколько упрощает картину, но зато делает ее более четкой.

Представленная этой схемой система лингвистической классификации фразеологических клише удовлетворяет двум следующим условиям: 1) она дает место любому существующему в языке фразеологизму и 2) каждый фразеологизм получает в ней только одно место.

Правда, в ней «не умещаются» так называемые фразеологические сочетания или обороты типа *страх берет* и *гашеная известь*. Но они обладают иной семиотической характеристикой и, в частности, не являются синтаксически нечленимыми языковыми знаками, и потому не могут рассматриваться наравне с описанными выше «несомненными» фразеологизмами [9].

На первый взгляд противоречит фактам и второе утверждение. Иногда встречаются обороты, могущие претендовать на два или три места сразу (например: *за спиной, золотые руки, абсолютный нуль* и т. п.). Однако при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что перед нами не один, а два или три разных фразеологизма, только сходных по виду, т. е. фразеологизмы-омонимы [10].

* * *

Третий план, или план реалий, фразеологических клише во многом сходен с аналогичным планом пословичных изречений. Именно здесь, в плане реалий, находит свое отражение вся этническая, географическая, историческая и прочая специфика фразеологизмов. Например, русский фразеологический оборот *лаптем щи хлебать* содержит в себе название русской крестьянской обуви прошлых времен и название русского национального блюда. А немецкий фразеологизм *das Abendmahl* [*auf etwas*] *nehmen,* означающий «поклясться в чем-либо» (букв. «получить ужин»), хранит память о древнегерманском обычае «божьего суда», когда человеку, подозреваемому в преступлении, давали проглотить кусок черствого хлеба или сыра: если кусок застревал в горле, вина считалась доказанной [см. 69, А-28]. Именно реалии, взятые в качестве образов, делают фразеологизмы эмоционально выразительными, приближая их к художественной миниатюре. Одно дело, если мы просто говорим «много», «слаб» и «не дам», и

---

[9] Словосочетания этого типа будут рассмотрены нами в гл. IV настоящих Заметок. См. стр. 87 и сл.

[10] Ср. *за спиной* в смысле «тайно», «скрытно от кого-либо» (*«За спиной народа ведутся „неофициальные" переговоры...»*) и *за спиной* в смысле «быть, находиться на иждивении» (*«Жить за спиной у родителей»*).

совсем другое, если высказываем те же понятия с помощью оборотов *тьма тьмущая, мало каши ел* и *держи карман шире!*

Однако в отличие от реалий, используемых в пословицах и поговорках, предметно-образные элементы фразеологических клише не имеют сколько-нибудь существенного значения для их общего смысла.

Это хорошо видно на примере фразеологических оборотов, содержащих в своем составе слово «рука». Таких оборотов в указанном выше фразеологическом словаре русского языка [105] мы насчитали 168[11]. Шестнадцать из них представляют собой типичные фразеологические сращения, смысл которых не имеет к руке ровно никакого отношения (ср. *из рук вон*=«очень плохо», *играть на руку*=«способствовать» и т. п.). Сто тридцать три оборота, т. е. подавляющее большинство фразеологизмов «о руке», являются фразеологическими единствами с образной мотивировкой общего значения. Иначе говоря, в них образ руки либо вообще не связан со смыслом клише (ср. *большая рука*=«влиятельный человек»), либо связан с ним чисто условно: а) как символ действия (*набить руку*=«наловчиться что-либо делать», *марать руки*=«заниматься предосудительным делом» и т. п.) и б) как показатель жеста, сопровождающего те или иные душевные движения (*махнуть рукой*=«отчаяться делать что-либо», *развести руками*= «недоумевать» и т. п.). И только в девятнадцати оборотах, или менее чем в одной восьмой части их общего числа, речь действительно идет о руках: *из рук в руки* [передать какую-либо вещь], *от руки* [написать что-либо], *приложить руку* в значении «подписаться» и т. п. (см. Приложения, стр. 153).

Не менее показателен пример группы фразеологизмов разных по своему составу, но близких по смыслу, и в частности посвященных выпивке. Всего нам удалось подобрать 29 таких клише, в том числе 16 соответствующих глаголу «выпить» и 13 соответствующих категории состояния «быть пьяным» (см. Приложения, стр. 159). Почти половину из них (13 оборотов) составляют фразеологические сращения: *зашибить*

---

[11] При подсчете мы ориентировались как на лексический состав, так и на структурную, понятийную и функциональную характеристики фразеологизмов. Поэтому фразеологические обороты, различные по звучанию, но представляющие трансформы одного и того же клише (например: *брать* кого-либо *в руки, взять* кого-либо *в руки* и *возьми* себя *в руки*), считались нами за один фразеологизм. С другой стороны, фразеологические клише, сходные по внешнему облику, но разные по смыслу, учитывались нами два или три раза, в зависимости от числа своих основных значений. Так, оборот *приложить руку* в смысле «быть причастным к чему-либо» мы отличали от оборота *приложить руку* в смысле «подписаться под каким-либо документом» и считали их как два самостоятельных фразеологизма.

дрозда, насандалить нос, под шофе, под мухой и т. п., примерно столько же (14 оборотов) — фразеологические единства с образной мотивировкой общего значения: *залить за галстук, заглянуть в рюмку, под хмельком* и т. п., и только два являются единствами с прямой мотивировкой, т. е. имеют какие-то реальные признаки обозначаемой вещи: *смочить горло* и *замочить губы.*

Все это позволяет сказать, **что общий смысл фразеологизма в принципе не зависит от смысла составляющих его образов и, наоборот, смысл отдельных фразеологических образов не зависит от общего смысла фразеологизма.** Вот почему не приводят к успеху никакие попытки классифицировать фразеологические клише по составляющим их предметам (образам), а также по стержневым или опорным словам.

Указанная особенность фразеологизмов имеет существенное значение для всего их плана реалий, определяя ряд его характерных черт. В частности, только благодаря ей становится возможной известная всем неустойчивость фразеологических образов, их способность быстро «стираться» и исчезать (что, впрочем, нисколько не отражается на смысле самих фразеологизмов). Сто́ит вещи, фигурирующей в обороте, утратить свое реальное жизненное значение, как ее фразеологический образ тут же начинает тускнеть и вскоре пропадает совсем. Возьмем, к примеру, известный русский фразеологизм *попал впросак,* означающий «оказался в затруднительном положении». Чтобы увидеть в нем образ, надо предварительно познакомиться с этимологическими изысканиями С. Максимова [12] и представить себе старинное прядильное производство с его «просаками». В других случаях фразеологический образ можно увидеть, лишь разрушив само клише (например, сказав: «он в этом дворняжку съел») [13]. Такого глубокого «стирания» образа не могло бы произойти, если бы его смысл был органически связан со смыслом всего фразеологизма. Не случайно в пословичных изречениях утеря реалиями своего места в жизни не приводит к исчезновению образа (ср. *Болезнь входит пудами, а выходит золотниками*).

По той же причине (независимость общего смысла от смысла отдельных компонентов) оказывается возможным сохранение в составе фразеологизмов непонятных и обессмысленных слов, таких, как «лясы», «баклуши», «шоры» и т. п.

---

[12] Мы имеем в виду его очерк «Впросак попасть» из книги «Крылатые слова», СПб., 1899.

[13] К этому приему нередко прибегают писатели. Ср. у В. Маяковского: Если зуб на кого — отпилим зуб» или у А. Чехова: «Дело в шляпе с большими полями».

Собственно, этим и объясняется характерная для фразеологических клише (и только для них!) насыщенность устаревшими словами и оборотами, что, кстати сказать, придает фразеологизмам дополнительную ценность своеобразного исторического источника.

* * *

Так в основном выглядят фразеологические клише, рассмотренные в трех разных аспектах — собственно лингвистическом (грамматическом), логико-семиотическом и предметно-образном. Сопоставление этих языковых единиц с рассмотренными в предыдущей главе пословично-поговорочными клише показывает, что фразеологические обороты занимают промежуточное место между словами, с одной стороны, и пословицами и поговорками — с другой.

III

ГЛАВА

СВЕРХФРАЗОВЫЕ ЕДИНСТВА

Помимо различных клише типа фразеологизмов, пословиц и поговорок, не выходящих за пределы одного предложения, существует ряд клишированных языковых форм, представляющих собой замкнутую цепь предложений. Мы имеем в виду разного рода побасенки, анекдоты, басни, загадки, сказки и некоторые другие тексты, которые, подобно рассмотренным выше, употребляются в речи в заранее заданном виде. В отличие от пословиц, поговорок и фразеологизмов, ограниченных рамками предложения, мы называем эти клише сверхфразовыми единствами. Отношение сверхфразовых единств к разобранным ранее формам схематически можно изобразить так:

Таблица 10

Языковая конструкция	Тип клише
Элемент предложения	Фразеологизм
Незамкнутое предложение	Поговорка
Замкнутое предложение	Пословица
Цепочка предложений	Сверхфразовое единство

Обилие и разнообразие сверхфразовых единств, а также исключительная сложность многих из них (как в отношении формы, так и в отношении содержания) не позволяют сколько-нибудь подробно и всесторонне рассмотреть все эти клише на страницах одной сравнительно небольшой работы. Естественно, нам придется ограничиться рассмотрением лишь какой-то части материала и к тому же исследовать ее только с

отдельных сторон, наиболее существенных для интересующей нас общей теории. Поэтому мы, в частности, исключаем из круга подлежащих анализу форм все тексты «специального назначения» вроде заклинаний или молитв, а также плачи, обрядовые и иные песни, народные драмы и хороводы, где слово является лишь одним из составных элементов более широкого синкретического действа, и сосредоточиваем внимание на чисто повествовательных текстах поучительного характера, употребляемых в обычной речи и без какого-либо дополнительного (музыкального или драматического) сопровождения.

По той же причине мы рассматриваем указанные тексты в синхронии, отвлекаясь от их истории и считая достаточным основанием для изучения сам факт их бытования в речи или фольклорной традиции. И наконец, потому же мы обходим полным молчанием все вопросы, связанные с фонологическим уровнем текстов.

Все перечисленные и многие другие моменты (прежде всего отсутствие серьезной научной классификации повествовательных форм фольклора и недостаточная изученность этих форм) предопределяют неполный и в какой-то степени предварительный характер настоящей главы.

Первое, что бросается в глаза при ближайшем знакомстве со сверхфразовыми клише, по крайней мере с наиболее короткими из них — побасенками и анекдотами[1], — это их исключительное смысловое и внешнее сходство с пословичными изречениями.

Сравним грузинскую пословицу *Волку евангелие читают, а он в лес просится* с армянской, курдской или осетинской побасенкой *Волку евангелие читали, а он сказал: «Поторопитесь, стадо уходит»*. Или китайский афоризм *У холодного на уме одежда, у голодного — хлеб* с арабским анекдотом: *Голодного спросили: «Сколько будет одиножды один?» Он ответил: «Одна лепешка»*.

Недаром подобные клише обычно включают в сборники пословиц и поговорок [см. например: 81, 189 и 331; 76, 354; 73, 17; 81, 55 и 312] и в речи употребляют наравне с пословичными изречениями.

При более внимательном рассмотрении оказывается, что отмеченное сходство распространяется и на сверхфразовые

---

[1] Определение и более подробное описание побасенок и анекдотов будет дано ниже. См. также «Введение» к указанному ранее сборнику избранных пословиц и поговорок [19].

единства большего объема — на басни и сюжетные анекдоты, которые уже включают в специальные сборники басен или анекдотов, и даже на разного рода сказки — «животные», «новеллистические», «легендарные» и «волшебные». В этом нетрудно убедиться, сопоставив приведенные выше пословицу и побасенку о волке, которому читали евангелие, с немецкой народной басней о покаянной лисе («Лиса остается лисой»), сирийским сюжетным анекдотом об Иосифе и его друзьях («Царское поручение») и известной новеллистической сказкой о неверной жене («Жена в ларце» — сюжет № 895 по Указателю Аарне — Андреева). В упомянутой басне рассказывается о том, как *лиса покаялась в грехах и, став «набожной», начала исповедовать кур. Одну за другой она выманивала их в лес и съедала* [110, 25]. А вот несколько сокращенный пересказ сирийского анекдота: *Два друга пригласили некоего Иосифа в гости, а когда он пришел, начали поносить его. На другой день они извинились, сказали, что думают уже по-иному, и снова позвали его на обед. Но Иосиф сказал, что он, вероятно, опоздает, так как должен исполнить поручение царя — превратить одного эфиопа в белого. «Разве это возможно?» — удивились друзья. «Так же, как нечестивца превратить в праведника», — ответил Иосиф* [75, 151]. Изложение сказки о неверной жене приводим по Указателю: *Муж убеждается в неверности своей жены; опечаленный, он отправляется странствовать и встречается с другим мужем, которого жена обманула еще худшим образом; затем они встречают человека (богатыря, духа), который возит с собой свою жену в ларце, чтобы предохранить себя от измены; жена во время сна мужа приглашает к себе странников (или в ларце оказывается любовник)* [1, *895].

То же самое можно наблюдать и в ряду клише, начинаемом японской пословицей *Когда дерутся моллюск с бекасом, выигрывает рыбак.* В сходной с ней чеченской побасенке говорится: *«Пусть медведь с волком дерутся, а кувшин с маслом я съем», — сказала лисица* [81, 611]. В следующей за ней древнекитайской басне рассказывается, как *аист решил сожрать устрицу, а та прищемила створками его клюв. Противники ссорились до вечера: ни один не желал уступить. Кончилось дело тем, что пришел человек и поймал их обоих* [62, 102]. А венгерская животная сказка «Два жадных медвежонка» повествует о том, как *два братца-медведя пытались разделить найденный сыр. Разломить его на равные доли они не могли, а уступить друг другу никак не хотели. В результате сыр съела лиса* [51, 69]. К данному ряду непосредственно примыкает весьма распространенный эпизод многих волшебных сказок, посвященный драке духов или великанов из-за на-

следства и их обману со стороны положительного героя. В Указателе Аарне—Андреева этот эпизод выделен даже в качестве самостоятельного сюжета («Обманутые лешие», № 518). Приводим его краткое изложение: *Лешие (черти, великаны) дерутся из-за волшебных предметов (шапка-невидимка и пр.); герой завладевает ими и помогает царевичу выполнить предложенные ему задачи* [1, 518].

При достаточном усердии как этот, так и предыдущий ряды можно сделать еще более полными, включив в них недостающие типы сказок. Однако и в таком виде они вполне убедительно подтверждают высказанный тезис о смысловом сходстве различных структурных типов клише.

Характерно, что сходство между фразовыми и сверхфразовыми единствами не ограничивается одной смысловой стороной. Между ними обнаруживается чуть ли не полный изоморфизм. В побасенках, анекдотах, баснях, сказках, загадках и других сверхфразовых клише явственно различаются те же три плана, что и в рассмотренных ранее пословицах, поговорках и фразеологизмах: морфолого-синтаксический (план внешней конструкции), логико-семиотический и предметно-образный. И так же как это наблюдалось в пословицах, поговорках и фразеологизмах, каждый из названных планов сверхфразовых единств обладает известной степенью автономности.

Это хорошо видно на примере двух армянских средневековых басен, совпадающих по смыслу, но различных по реальному наполнению:

1. Гибель орла

Орел летел по небу, и поразили его стрелой. Он изумился, кто это сделал. Посмотрел, увидел стрелу и на ней свое перо и говорит: «Горе мне, ибо вот — от меня же причина моей смерти» [71, 111].

2. Топоры и деревья

Дровосеки взяли топоры, пошли в лес и стали рубить деревья. И говорят деревья: «Что это они делают?». А кипарис говорит: «Горе нам, братья, ибо рукоятки того, чем нас рубят, — от нас же» [71, 116].

Еще более показателен пример всемирно распространенных сказок о беге наперегонки: два животных — одно быстроногое и сильное, а другое медленное и слабое — состязаются в беге; и слабое, тихоходное животное обычно побеждает

своего соперника. При сравнении этих сказок обнаруживается:

1. Животные, участвующие в состязании, и среда, в которой состязание происходит, непостоянны и меняются от сказки к сказке. Иногда состязаются еж и заяц, иногда рак и лиса, иногда черепаха и антилопа, иногда ерш и лосось, иногда колибри и сокол, иногда бычок (рыба) и лось и т. д. А действие развертывается то на поле, то на дороге, то в воде, то в воздухе [64, 194; 68, 35; 91, 34; 1, 250; 116, 193; 93, 506].

2. Способ, с помощью которого слабая сторона побеждает своего противника, и соответствующее этому способу развитие действия также не всегда одинаковы. В одних случаях медленное животное использует внешнее сходство со своими сородичами, расставляя их вдоль пути от старта до финиша, в других оно использует силу своего противника, незаметно прицепляясь к его хвосту, в третьих — применяет ловушку, в четвертых — прибегает к помощи колдовства, в пятых — использует зазнайство соперника или его лень и т. д. [74, 133; 1, 30; 117, 376; 119, 36; 96, 21].

3. Смысловое содержание этих сказок или их основные идеи тоже не совпадают. Иногда смысл сказки о беге сводится к сентенции, что ум (или хитрость) важнее силы (или быстроты), иногда эта (или подобная) мысль сопровождается дополнительными соображениями о пользе внешнего сходства родичей, о необходимости сотрудничества и взаимной выручки и т. д. [94, 133; 49, 187; 66, 7]. Иногда же смысл повествования представляется совершенно другим: «Упорство всегда побеждает», или «Медленно, но верно — лучше, чем быстро, но беспорядочно», или «Зазнайство никогда не приводит к успеху» и т. п. [75, 162; 96, 21].

При этом сказки с разными персонажами, разной средой и разными способами достижения победы могут иметь совершенно одинаковый смысл (например, сказка индейцев таулипанг и арекуна из Гвианы «Черепаха и олень» и микронезийская сказка с острова Понапе о состязании саргана и краба — 113, 170; 114, 44), а сказки с одинаковыми персонажами и одинаковыми условиями состязания — разный смысл (например, латышская сказка «Еж и заяц» и сирийская сказка того же названия — 64, 194; 75, 162). Подобную картину мы уже наблюдали при разборе пословиц, поговорок и фразеологизмов.

Сходство фразовых и сверхфразовых клише проявляется и в ряде других моментов: характере мотивировки общего значения, наличии одинаковых уровней в пределах одного плана и некоторых других, о которых будет сказано в своем месте.

Однако между пословицами и поговорками, с одной стороны, и сверхфразовыми единствами — с другой, существует не только изоморфное соответствие, но и гомоморфизм. Последние значительно содержательнее первых. Всё, что есть в пословицах и поговорках, есть и в сверхфразовых клише, но не всё, имеющееся в сверхфразовых клише, имеется в пословичных изречениях.

Основные различия между фразовыми и сверхфразовыми единствами — количественные. В побасенках, анекдотах, баснях и сказках больше предложений, больше слов, больше ситуаций, больше действий и больше реалий. Но, как известно, количественные изменения с необходимостью ведут к качественным. Когда вместо одного предложения оказываются два, три и более, то автоматически отпадает вопрос о синтаксическом типе и синтаксической завершенности. По отношению к цепочке предложений эти признаки уже не подходят. Далее, одно предложение может быть либо частным, либо обобщенным, т. е. может сообщать о каком-то отдельном случае (например: *Индюк думал, думал да и сдох*) или выражать всеобщую истину, постоянное правило (например: *По одежке встречают, по уму провожают*); сверхфразовое же единство всегда представляет собой рассказ о единичном событии. С количественным ростом текста в нем происходят и другие изменения. Так, когда вместо одного эпизода появляются два и более, возникает новое качество, называемое сюжетом. И т. д. и т. п.

Чтобы лучше разобраться в структуре сверхфразовых единств, рассмотрим их, как ранее рассмотрели другие типы клише, раздельно по каждому из трех планов.

* * *

Сверхфразовые единства, избранные нами в качестве объекта исследования, довольно отчетливо различаются по своему объему и сложности. Самые маленькие и самые простые из них — побасенки представляют собой (изображают) одну элементарную сценку и состоят из ремарки и реплики персонажа или небольшого диалога персонажей, также обычно сопровождаемого ремарками:

Ослу сказали: «Давай отведем тебя в рай!» Он спросил: «А там есть чертополох?» [81, 336].

Никакого предварительного знакомства с персонажами (экспозиции), никакого развития действия (завязки, кульминации и развязки), т. е. никакой фабулы и сюжета здесь нет и в помине. Представлена одна небольшая «одномоментная» сценка — и всё.

Побасенка, даже самая протяженная, может быть без какой-либо утраты смысла и образов передана одним разговорным предложением[2]. В частности, приведенную выше можно изложить так: «Когда ослу предложили пойти в рай, он спросил, есть ли там чертополох». Не случайно побасенки большей частью помещают в сборники пословиц и поговорок.

Значительно больше по объему и значительно более сложны по строению — басни. В отличие от побасенок они не сводятся к одной сценке и, как правило, состоят из двух, трех, а то и большего числа эпизодов и включают в себя — пусть очень краткую — экспозицию персонажей, описание обстановки и какое-то развитие действия, а также заключение или вывод, т. е. уже обладают сюжетом, фабулой и другими элементами композиции. Типичным примером басни может служить следующий короткий рассказ хауса:

Две лягушки

Однажды две лягушки упали в калебас с молоком. Долго они барахтались там, но выбраться не могли. Одна из них сказала: «Сегодня моя жизнь окончилась».

Она перестала двигаться и утонула. А вторая лягушка продолжала бить лапами. Образовалось масло. Лягушка влезла на комок масла, подпрыгнула и выскочила из калебаса. Аллах сказал: «Поднимайся сам, и я помогу тебе» [96, 41].

Конечно, такой текст уже нельзя, не утратив многих подробностей, передать одним разговорным предложением. Но его общий смысл вполне укладывается в одну фразу (что обычно и делается в конце басни).

Наиболее сложны и обширны разного рода поучительные, или моралистические сказки[3], как животные, легендарные, так и волшебные. В них представлены уже все элементы композиционной структуры: развитый сюжет с более или менее подробным описанием исходной ситуации, с обязательной— и подчас весьма обстоятельной — завязкой, кульминацией и развязкой, а иногда даже с дополнительными «ходами»; фа-

---

[2] Оговорка насчет разговорности предложения вызвана тем, что эта речевая единица не имеет точно установленных границ и в письменных текстах бывает настолько пространной, что может вместить в себя целый рассказ. Однако в живой, разговорной речи предложение всегда ограничено довольно тесными рамками, о чем наглядно свидетельствуют народные пословицы.

[3] Поучительными, назидательными или моралистическими мы называем такие сказки, смысл которых сводится (или может быть сведен) к какому-либо поучению, выводу, вне зависимости от того, содержится ли этот вывод в самом клише.

була, нередко не совпадающая с сюжетом; традиционные сказочные повторы и замедления действия и многие другие компоненты, о которых нам придется еще говорить в дальнейшем. Характерным образцом такого типа сверхфразовых клише может служить всемирно распространенная сказка «О Правде и Кривде», известная еще в древнем Египте (сюжет № 613 по Указателю Аарне — Андреева), или сказка о жадной старухе типа пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке» (сюжет № 555), также распространенная по всему миру[4].

Особую группу сверхфразовых единств составляют загадки. По своей внешней структуре они ближе всего к побасенкам, но в отличие от них (как и от всех других описанных нами клише) требуют для своего полного воспроизведения двух участников диалога — загадчика и отгадчика. В этом отношении они приближаются к драматическим формам. Вот типичный пример загадки:

— *По горам, по долам ходит шуба да кафтан.* [*Кто это?*]— *Овца* [55, 121].

Все названные типы сверхфразовых клише — побасенки, басни, назидательные сказки и, наконец, загадки, подобно обычным пословицам и поговоркам, обладают образной мотивировкой общего значения. Иначе говоря, их общий смысл переносный; он опирается не на реальное содержание текста, а на созданный этим текстом образ. Так, в побасенках и баснях речь идет о животных, растениях или иных предметах, но каждому ясно, что имеются в виду люди, их взаимные отношения. Заведомо нереальны и все основные события сказки — вспомните пушкинское: *Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок* или разговорное *Сказки!* в смысле «неправда». Что касается загадки, то она вообще строится, как метафора, т. е. на перенесении признаков с одного явления на другое.

Но как обычным пословицам и поговоркам соответствуют афоризмы и присловья (см. стр. 11—12 настоящих Заметок), так и сверхфразовым клише переносного смысла — побасенкам, басням, поучительным животным, легендарным и волшебным сказкам, загадкам — соответствуют сходные по своей структуре сверхфразовые единства с прямой мотивировкой

---

[4] Тексты эти настолько хорошо известны, что нет никакой необходимости приводить или пересказывать их здесь. Сошлемся на некоторые, наиболее интересные варианты: 44, 16; 46, 43; 49, 107; 50, 47; 53, 211 и 252; 57, 175; 99, 51 и 101; 60, 85; 62, 185; 67, 146; 68, 115—122; 72, 363; 79, 34; 80, 62; 91, 238; 94, 85; 100, 68; 101, 91; 104, 96; а также 49, 19; 50, 37; 57, 195 и 204, 206, 226; 58, 98; 68, 75 и 76; 91, 57; 95, 59.

общего значения — анекдоты, шванки[5], бытовые и новеллистические сказки и шуточные вопросы.

Из сказанного не следует, что анекдоты, бытовые сказки и другие клише этого ряда не имеют или не могут иметь переносного смысла. Могут и часто его имеют. Но их общее значение основывается на реальном содержании текста, а в самом этом тексте всегда говорится о якобы правдоподобных вещах, будто бы имевших место в действительности.

Таким образом, по сумме описанных признаков можно уже дать предварительную классификацию сверхфразовых единств. Она представлена в табл. 11 (см. стр. 61).

Разумеется, данная здесь характеристика композиционной структуры сверхфразовых единств нуждается в дополнении, во всяком случае относительно наиболее сложных форм — сказок. И все же она дает правильное общее представление о предмете. Что же касается композиции сказок, то в ней помогает разобраться книга В. Я. Проппа «Морфология сказки» [22].

В свое время, изучая структуру волшебной сказки, советский ученый В. Я. Пропп пришел к ряду исключительно интересных выводов, свидетельствующих о плодотворности семиотического подхода к фольклорным формам. В частности, он показал, что:

1) В композиции сказки следует различать два разных структурных уровня — уровень системы или типовой, инвариантной формулы сказки и уровень данной манифестации или конкретного сказочного варианта[6].

2) Все волшебные сказки можно разложить на ряд инвариантных конструктивных элементов — так называемых «функций» или типов сказочных действий вроде *отправки героя из дому* или *борьбы с «вредителем»,* а также «соединительных» и других вспомогательных «моментов» вроде *утроения,* число которых сравнительно невелико и к тому же постоянно. (В полной волшебной сказке Пропп насчитал 36 конструктивных элементов, в том числе 31 функцию.) Для каждой категории сказки (подтипа) характерен тот или иной набор указанных элементов.

3) Некоторые конструктивные элементы волшебной сказки всегда выступают в прочной связи друг с другом, образуя более крупные композиционные единицы (мы их назвали

[5] Этим немецким словом мы называем сюжетные анекдоты типа известных народных рассказов о Ходже Насреддине или Тилле Эйленшпигеле, состоящие, подобно басням, из двух-трех и более эпизодов и тем самым отличающиеся от обычных (одномоментных) анекдотов.

[6] Применительно к пословичным изречениям, которые, как мы отмечали, изоморфны сказкам, это соответствует уровням языка и речи в их грамматической структуре.

«блоками»). Так, *запрет* всегда связан с *нарушением запрета,* а *встреча с дарителем* и *испытание героя* непременно влекут за собой *овладение волшебным средством*[7].

4) Конструктивные элементы располагаются в сказке не как попало, а в определенном и весьма строгом порядке. Фактически все волшебные сказки построены по одному и тому же плану. Отдельные отступления от общей схемы носят частичный характер и определяются конкретным набором элементов (т. е. соотносятся с подтипами).

5) Волшебная сказка обладает определенным числом персонажей, каждый из которых наделен точно очерченным кругом функций. В полной волшебной сказке таких персонажей семь: отправитель героя, герой, даритель волшебных предметов, вредитель, помощник, ложный герой, царевна или ее отец. Если кого-либо из них в сказке недостает, его функции согласно особым правилам возлагаются на имеющихся.

Следуя методу Проппа, легко убедиться в том, что все эти закономерности относятся не только к волшебным, но и ко всяким иным сказкам.

Так, композиция сказок о состязании, о которых мы говорили выше, тоже разлагается на отдельные конструктивные элементы и блоки. При этом оказывается, что для нее безразлично, к т о участвует в состязании, г д е это состязание происходит и даже к а к о в х а р а к т е р с а м о г о с о с т я з а н и я: в ряде сказок данного типа вместо бега или плавания наперегонки участники соревнуются в прыжках, полете в высоту, перетягивании, драке и других видах «спорта» [1, 221; 48, 82, 53, 170 и 172; 80, 44; 91, 217; 97, 48, 193].

Число конструктивных элементов сказки о состязании тоже постоянно, но здесь их еще меньше, чем в волшебной, — всего двенадцать, в том числе семь функций[8] и пять других компонентов композиции[9]. И все эти элементы расположены в строго определенном порядке[10].

---

[7] Если продолжить наше сравнение сказок с пословицами, то конструктивные блоки следует сопоставить с синтагмами, входящими в пословичное предложение.

[8] Эти функции таковы: *встреча персонажей-соперников, договор о состязании, подготовка к борьбе, ход борьбы, победа одного из соперников, вручение награды победителю и наказание побежденного.*

[9] Имеются в виду: *ориентировка во времени и пространстве* (безотносительно к конкретным условиям), *характеристика участников, повторение состязания и этиологический момент* («с тех пор пошло то-то и то-то»).

[10] Сначала сообщается, где и когда было дело (ориентировка), затем описываются участники состязания (иногда это совмещается со следующим элементом), потом идут первые пять функций, приведенные в прим. 8 (и в том же порядке), после них следуют повторные состязания (обычно это происходит по инициативе побежденного), затем идут две последние функции и, наконец, — этиологический момент.

Таблица 11

Общая конструкция сверхфразового единства	Характер мотивировки общего значения (и тип клише)	Иллюстративный пример
Д Короткая цепочка предложений, изображающая одну элементарную оценку, состоящую из реплики персонажа и «авторской» ремарки или из нескольких реплик, также обычно сопровождаемых ремарками. Может быть пересказана одним разговорным предложением	I Образная (побасенка)	*У вороны спросили*: «*Кто из птиц самый красивый*? *Она ответила*: «*Мой птенец*» [81, 90]
	II Прямая (анекдот)	*Голодного спросили*, *что тяжелее всего*; *он ответил*: «*Пустой желудок*» [81, 190]
Ж Цепочка предложений, изображающая две, три и более сценки, связанные единым смыслом и представляющие небольшое сюжетное повествование. Без утраты деталей не может быть пересказана одним разговорным предложением	I Образная (басня)	См. приведенную на стр. 57 басню хауса «Две лягушки»
	II Прямая (шванк)	См. приведенный на стр. 53 сирийский рассказ «Царское поручение» (о Иосифе и его друзьях)
И Длинная цепь предложений, изображающая ряд эпизодов, связанных единым смыслом и представляющих повествование с развитым (иногда многоступенчатым) сюжетом, традиционными сказочными формулами и приемами	I Образная (поучительная животная, легендарная и волшебная сказки)	См. описанные на стр 54—55 сказки о беге наперегонки (сюжеты № 250, 275 и др.); распространенную сказку о чудесном исцелении (сюжет № 785) и сказку «О Правде и Кривде» (сюжет № 613)
	II Прямая (поучительная бытовая и новеллистическая сказки)	См. приведенную в пересказе на стр. 53 сказку о неверной жене (сюжет №* 895) или известные сказки о ловких ворах (сюжет № 1525)
К (Особая группа) Короткая цепочка (обычно пара) предложений, представляющая элементарный диалог. Предполагает наличие двух участников — загадчика и отгадчика	I Образная (загадка)	*Ни окошек*, *ни дверей*, *полна горница людей*. [*Что это*?] — *Огурец* [55, 106]
	II Прямая (шуточный вопрос)	*После семи лет что козе будет*? — *Осьмой пойдет* [55, 251]

Подобно волшебным сказкам, сказки о состязании обладают своим особым набором персонажей с точно очерченным кругом функций. Только персонажей в этом сказочном типе не семь, а всего четыре: два соперника, заместитель одного из соперников и судья. Иногда функции некоторых из них, и чаще всего заместителя, выполняет несколько физических лиц.

Примерно то же самое можно сказать и о других типах сказок.

Все это приводит нас к выводу, что характеристику композиционной структуры наиболее сложных сверхфразовых единств, данную в табл. 11, следует дополнить такими признаками, как набор конструктивных элементов и блоков, порядок их следования, количество персонажей и круг функций последних. Только тогда можно будет говорить о более или менее полной их классификации.

Конечно, прежде чем подойти к ней, надо основательно разобраться в структуре всех типов сказок и по примеру Проппа установить их инвариантный состав. И хотя работа тут предстоит немалая, мы не сомневаемся, что она будет успешно проведена и рано или поздно такая классификация появится.

Однако и самая совершенная классификация сверхфразовых клише, в том числе сказок, по признаку композиционной структуры, взятая сама по себе, недостаточна для всестороннего суждения о них. Тот же Пропп прекрасно понимал это. Недаром он говорил, что морфологическое изучение сказок необходимо дополнить исследованием их социального содержания, трансформации и атрибутов (т. е., по нашей терминологии, реалий). Последним он даже отвел в своей «Морфологии сказки» отдельную главу, в которой, кстати сказать, показал, что и эти сказочные компоненты поддаются структурному анализу.

Итак, описание сверхфразовых единств должно быть продолжено. Согласно принятой ранее схеме обратимся к рассмотрению их в логико-семиотическом плане.

* * *

Во вступительной части настоящего раздела нам уже пришлось говорить об исключительном смысловом сходстве сверхфразовых и пословично-поговорочных клише и приводить соответствующие иллюстративные примеры. Остается добавить, что данное сходство оказывается более глубоким, чем это могло представиться с первого взгляда.

Дело в том, что все типы сверхфразовых единств, которые взяты нами в качестве объекта исследования, как и разобранные ранее пословицы и поговорки, **являются знаками тех или иных типических (жизненных или мыслимых) ситуаций,** которые (ситуации) они моделируют.

Это наглядно подтверждается языковой практикой: и басни, и поучительные сказки, не говоря уже о побасенках и анекдотах, подобно пословицам, часто вспоминаются (и говорятся) к случаю, «к слову» и с той же целью — для характеристики сложившейся или обсуждаемой ситуации. Иногда, впрочем, вспоминается (или говорится) не вся басня или сказка, особенно если она длинная или же хорошо всем известна, но только ее часть — яркое место, вывод, а то и просто название. Например, могут сказать в подходящем случае: *А Васька слушает, да ест!* — и каждый поймет, какая басенная ситуация имеется в виду. Или о чем-то скажут: *Это сказка про белого бычка* — и опять все догадаются, в чем суть сравнения. (Кстати, подобное усечение клише также известно нам по пословицам и поговоркам — см. прим. 9 на стр. 18.)

Мы не хотим сказать, что логический смысл всех сверхфразовых клише, в том числе и самых сложных из них, целиком сводится к такого рода «ситуативному» или «пословичному» знаку. Но такое значение он имеет. И поскольку это так, постольку сами они идентичны пословицам и поговоркам (со всеми вытекающими отсюда последствиями).

В частности, все наши сверхфразовые единства (вплоть до назидательных сказок) группируются в те же самые логико-тематические группы, что и пословичные изречения, и, подобно последним, образуют четыре логико-семиотические типа (или четыре высших инварианта), которые мы описали в первой главе настоящих Заметок (см. стр. 20—21). Мало того, сверхфразовые клише всех видов (как композиционных, так и логико-семиотических) подчиняются той же системе логической трансформации, какой подчиняются пословично-поговорочные клише.

Мы не станем вновь описывать эту систему: она достаточно подробно была освещена ранее (см. стр. 22—26). Приведем лишь несколько характерных примеров, показывающих, что она (эта система логической трансформации) распространяется и на сверхфразовые единства, включая басни и поучительные сказки.

Так, смысл многих сказок о судьбе (см. сюжеты №№ 930—934 по Указателю Аарне — Андреева), в том числе индийской волшебной сказки «Спор с Судьбой», сводится к утверждению, что «от судьбы не уйдешь», «что суждено, то и сбудется».

В ней рассказывается, как *царь Ланки—Раван поспорил с одной старухой (Судьбой), предсказавшей, что только что родившаяся девушка выйдет замуж за сына такого-то купца. Царь спрятал эту девушку в ящик на дне моря. Но сторожив-ший ее злой дух — ракшас не доглядел, девушка спаслась, и встретившийся ей нареченный взял ее в жены* [92, 449].

В то же время в другой индийской сказке — «Охотник и ворона» — «доказывается» прямо противоположное: *У одного охотника жила ворона. Она летала на небо, узнавала у бога (подслушивала), какая будет в предстоящем сезоне погода, и сообщала об этом своему хозяину. Он же, пользуясь добытыми сведениями, всегда обходил судьбу — если предстояла засуха, он выбирал для посевов низменные, влажные места; если грозили дожди, сеял на богаре* и т. д. Сказка завершается выводом: *Выходит, старанием да трудом можно и козни судьбы одолеть* [92, 94].

Обе эти сказки имеют многочисленные пословичные параллели из логико-тематической группы «Судьба и усердие»[11] высшего инварианта I𝔅 и, подобно соответствующим пословицам, относятся к разным рядам трансформов: вторая — к ряду А, а первая — к ряду Б.

А вот другой пример, на этот раз с бытовыми сказками, без каких-либо волшебных существ или предметов. Сказка о золотом козле (сюжет № 854) «доказывает», что деньги (богатство) — благо, что с ними все можно сделать: *получив деньги, герой в золотом козле* (в других вариантах — гусе) *проникает к царевне и добивается ее руки* [59, 17]. В противоположность ей другие сказки той же тематической группы утверждают, что деньги — зло (сюжет №*937), что в богатстве правды нет, оно портит людей (сюжеты №№ *796 I и 802). Один из этих сюжетов таков: *«Трое находят деньги; двое убивают третьего, не желая делиться с ним, но сами отравляются принесенной им провизией»* [1, *937]. Эти сказки также относятся к противоположным рядам трансформов (А и Б), но уже другого высшего инварианта — II𝔅 и, конечно, тоже имеют много пословичных параллелей[12].

Третий пример — шванк (сюжетный анекдот) о суде Ходжи Насреддина. Наряду с многочисленными рассказами о

[11] В этой группе собраны пословичные изречения, отражающие взаимозависимость между личным трудом и предначертанием свыше. Первой сказке соответствуют изречения типа *Хоть в сундук запрись — судьбы не минуешь,* а второй — типа *Прилежание — правая рука судьбы* [76, 207—208].

[12] Ср., например: *Против пуль из серебра крепости бессильны* и *Деньги — корень всех достоинств,* с одной стороны, и *От денег только горе* — с другой [76, 334 — 335].

правом и неправом суде, решающем то в пользу истца, то в пользу ответчика (иногда справедливо, иногда нет), существуют также повествования вроде названного шванка: *Двое обращаются к Насреддину* (в данном случае судье) *с изложением своего спора. Каждому из них Насреддин говорит, что тот прав. Жена Ходжи, слышавшая оба ответа, заявляет, что так не может быть, чтобы и истец и ответчик одновременно были правы. Ходжа отвечает ей: «Да, верно, жена, и ты тоже права»* [43, 128; 42, 84]. Этот шванк — типичный образчик трансформа ряда В, объединяющего утверждения двух противоположных рядов А и Б.

И наконец, последний пример — так называемые рассказы-дилеммы, которые не дают никакого утверждения, а заканчиваются вопросом: *«Кто же поступил хорошо?», «Как бы вы поступили на месте героя?»* и т. п. Характерным образцом может служить сказка народа лебамба «Кумбото-лягушка и две его жены» [108, 99] и шванк хауса «Кто же самый умелый?» [96, 44]. Рассказы-дилеммы, конечно, относятся к логическим трансформам ряда Г, т. е. к трансформам вопроса (см. Приложения, стр. 175 и 187).

Однако между логическим содержанием пословичных изречений, с одной стороны, и сверхфразовых единств — с другой, имеется и существенное различие. В последних, особенно в баснях, шванках и назидательных сказках, — несколько (иногда много) эпизодов, каждый из которых может моделировать свою особую ситуацию и, значит, может иметь свой собственный логический смысл. В пословицах этого не бывает. Там дается одно, иногда два отношения, причем обычно одного и того же типа (высшего инварианта) и одной и той же логико-тематической группы, т. е. моделирующие одну и ту же ситуацию, хотя и с помощью различных реалий (ср., например: *Дерево ценят по плодам, человека* [*ценят*] *по делам*). Изречения пословичного характера, которые объединяли бы две ситуации, относящиеся к разным логико-тематическим группам, а тем более к разным высшим инвариантам, встречаются крайне редко (см. примеры на стр. 27, прим. 20), а свыше двух не встречаются вообще.

Из этого сопоставления прежде всего следует, что сверхфразовые единства и в логическом отношении являются более сложными образованиями, чем пословицы и поговорки. Они объединяют в себе целый ряд (набор) элементарных логических ситуаций, соответствующих пословичным. Иначе говоря, сверхфразовые клише и в логико-семиотическом плане, как и в плане композиционном, могут быть разложены на отдельные инвариантные элементы.

Возьмем, к примеру, легендарную сказку хауса «Каждо-

му по заслугам». Вот вкратце ее содержание: *В одном городе жили три несчастных бедняка: горбатый, прокаженный и слепой. Однажды Аллах решил испытать их и дать каждому, что тот пожелает. Для этого он послал к ним ангела. Горбатый пожелал избавиться от горба и стать эмиром; прокаженный пожелал излечиться и стать богатым торговцем; слепой пожелал прозреть. Так все и произошло. Через год Аллах поручил ангелу проверить, как живут и как ведут себя эти люди. Оказалось, что первые два зазнались и плохо обошлись с божьим посланцем, который явился к одному под видом горбатого, а к другому — под видом прокаженного. Третий же встретил ангела, явившегося к нему в облике слепого, с уважением и сочувствием. Первых двух Аллах наказал, возвратив в прежнее состояние, а третьего наградил своей милостью* [96, 37].

В этой сказке много эпизодов, представляющих элементарные ситуации. Таков, например, эпизод встречи ангела с горбуном, таков же эпизод встречи ангела с прокаженным или со слепым и ряд других. Но так как некоторые из них однородны (вроде трех только что названных), т. е. моделируют сходные ситуации, мы объединили их в группы. Таких групп здесь три. Каждая из этих групп представляет собой один тип ситуаций или отношений между вещами:

1) Горбатый захотел избавиться от горба, прокаженный — выздороветь, слепой — прозреть: «Каждый желает получить то, чего у него нет». Эта ситуация относится к высшему инварианту I𝔅, к логико-тематической группе «Желаемое и имеющееся», к ряду Б (ср. соответствующий афоризм: *Слепой всегда о глазах мечтает*).

2) Первые два бедняка помимо выздоровления пожелали еще власти и богатства, третий, кроме зрения, не пожелал ничего, сказав, что всего остального добьется сам. Тут по меньшей мере можно увидеть жадность (неумеренность) первых бедняков и умеренность (нежадность) последнего. Обе эти ситуации относятся к высшему инварианту II𝔅, к логико-тематической группе «В меру или не в меру?», к ряду А (ср. соответствующие пословичные изречения: *Кто откусывает слишком большой кусок, может подавиться* и *Ешь в меру — и будешь сыт*).

3) Те персонажи, которые поступили плохо (пожадничали и неуважительно отнеслись к несчастным), были наказаны, а тот, кто поступил хорошо (проявил умеренность и отнесся с участием к слепому), был награжден. Эти ситуации относятся к высшему инварианту II𝔄 к логико-тематической группе «Акция и реакция», к ряду А (ср. соответствующие изречения: *Как постелишь, так и поспишь, Сделаешь зло людям —*

и тебе сделают и *Кто делает добро, тому добром воздается, Полюбишь работу — и она тебя полюбит*).

Впрочем, не следует думать, будто все логико-семиотические элементы сложного сверхфразового единства абсолютно равноправны, а само это единство представляет их алгебраическую сумму. Ни в коем случае. Сверхфразовое клише—это интегрированное единство, объединяемое какой-то общей мыслью, наиболее ценной по сравнению с прочими. В приведенной сказке хауса такой главной мыслью следует считать ту, что вытекает из последней, третьей группы ситуаций: «Каждый получает по своим заслугам». Недаром эта мысль вынесена в заголовок. Что же касается двух остальных, то при всей своей ценности и самостоятельности они в данном клише являются второстепенными, вспомогательными и лишь подготавливают слушателей (читателей) к восприятию главной.

Таким образом, в сложном сверхфразовом единстве значат (т. е. имеют значение или служат знаками) и отдельные содержащиеся в нем ситуации, и весь их набор в целом[13]. Причем именно общее значение, т. е. значение всего набора, является решающим для отнесения данного клише к тому или иному логико-семиотическому типу (или подтипу и группе).

В этом отношении весьма показателен пример двух композиционно сходных сказок о беге наперегонки — либерийской «Великое состязание» и сирийской «Еж и заяц», в которых рассказывается, как медленное и слабое животное победило своего быстроногого соперника. И в той и в другой сказке содержится мысль, что зазнайство и недооценка способностей противника не ведут к добру (победе). Но в первой эта мысль не главная. Зазнайство оленя лишь облегчило победу черепахи, однако не оно определило ее. Черепаха одолела оленя хитростью, «доказав», что ум (хитрость) важнее физической силы (быстроты). Во второй же сказке мысль о вреде зазнайства сделана главной. Заяц проиграл состязание потому, что переоценил свои силы и опоздал к финишу [86, 32; 75, 162].

В соответствии с последним тезисом следует уточнить вопрос о логической трансформации.

Когда на стр. 63—65 мы говорили о ней, то, конечно, имели в виду трансформацию основной, главной мысли (или ситуа-

[13] В этой связи следует заметить, что в разных вариантах «одной и той же» сказки (а точнее, одного и того же сюжета) могут быть сделаны разные логические акценты, т. е. выделены в качестве главных различные логико-семиотические элементы. А это дает по существу совершенно разные в логическом отношении тексты.

ции) сверхфразового единства. Теперь же мы можем добавить, что эта трансформация распространяется на все его логико-семиотические элементы, т. е. охватывает ситуации всех уровней значимости.

Любой второстепенный и третьестепенный эпизод сказки (басни, шванка) имеет противоположные (и другие) логические варианты. Так, иногда молодая царица рождает чудовище и за это подвергается изгнанию [1, 708], иногда же у нее рождается чудесный ребенок, но ее все-таки изгоняют [68, 283]. Иногда герой сам похваляется, что может добыть волшебный предмет [68, 168], иногда на него клевещут, будто он похваляется в этом [68, 170]. Иногда героиня отличается безобразной внешностью, не соответствующей ее сущности («Царевна-лягушка»), а иногда — чудесной, полностью соответствующей ее характеру («Василиса Прекрасная»). Иногда кокосы вырастают из головы человека [66, 113], а иногда человеческие головы возникают из кокосов [89, 30] и т. д. и т. п.

Все это, естественно, создает огромное разнообразие сверхфразовых, и особенно сказочных, клише. Среди них, как и среди пословичных изречений, можно найти любые логико-семиотические формы.

И наконец, есть еще одно очень важное смысловое отношение, в котором сверхфразовые клише и сходны и несходны с пословичными. Как в пословицах и поговорках, так в побасенках, анекдотах, баснях и поучительных сказках явственно различаются два разных смысловых уровня — уровень сентенций, или самих отношений между вещами, моделируемых в данном высказывании, и уровень модальных показателей, или оценки указанных отношений[14].

Каждое утверждение может быть истинным или ложным (V или $\overline{V}$), передавать возможные или невозможные в действительной жизни отношения (P или $\overline{P}$), носить всеобщий или единичный, т. е. невсеобщий, характер ($\forall$ или $\overline{\forall}$).

В пословицах и поговорках подобная оценка высказывания, как правило, содержится имплицитно. Она не может быть выражена специально, ибо всё клише ограничено одним предложением. О ложности пословичного высказывания можно догадаться либо по контексту, в котором оно употребляется, либо по несовместимости его реальных компонентов (например: *В наши-то веки, что приключилось: у пирога большущий хвост вырос!* или *Когда рак свистнет*). И только показатель всеобщности или единичности имеет, по крайней мере в некоторых языках, непосредственное формальное выражение:

---

[14] По своей логической природе эти показатели могут быть приравнены к кванторам.

изречения первого типа $(\forall)$ воплощаются в обобщенных предложениях, а изречения второго типа $(\bar{\forall})$ — в частных (см. стр. 10—11).

В сверхфразовых же единствах, особенно более сложных, напротив, эти оценки, как правило, выражены явно и воплощаются в особых устойчивых формулах (в том числе зачинах, концовках и присказках), перекочевывающих из текста в текст. И только иногда — в сказках-небылицах типа *Бывало, поехали сорок братьев отца крестить* — эта оценка специально не оговорена. Однако в таких текстах никакие оговорки и не нужны. Невозможность рассказываемого очевидна. Другое дело — с оценкой всеобщности или оценкой истинности.

О всеобщности и невсеобщности (единичности) повествования из самого текста клише ничего заключить нельзя: ведь все сверхфразовые единства построены как рассказы о единичных, конкретных случаях. Также нельзя, исходя из самого текста повествования, решить, истинно оно или ложно, т. е. происходило рассказываемое в действительности или нет. Вот тут-то и помогают «кванторы».

Если перед рассказом о необычайных похождениях героя говорится, что дело происходило, *когда мыши ели кошек* [25, 5], или что все это случилось *за деревянной скалой* [25, 7], то вряд ли кто-нибудь примет данное повествование за чистую монету. Иногда, впрочем, вымышленный характер рассказа более или менее затушеван. Показатели ложности могут выступать в скрытом виде и даже под видом показателей истинности. Так, иногда в конце сказки, отнесенной к давним временам или весьма отдаленным местам, рассказчик «в подтверждение правдивости» повествования сообщает, будто он сам лично был на свадебном пиру, *и ел, и пил, и плясал* вместе с героями [25, 11].

Характерно, что ни мифы, ни исторические предания никогда не сопровождаются подобного рода формулами — ведь все, что в них (мифах и этих преданиях) говорится, — истинная правда, какой бы странной и невероятной она ни казалась.

В свою очередь всеобщность и единичность повествования также выражаются специальными формулами. Мы имеем в виду «авторские» ремарки типа *как это всегда бывает в подобных случаях* или *но такого еще никогда не было.* Обычно эти формулы тоже отнесены к началу или к концу клише.

Подавляющее большинство показателей истинности или ложности, единичности или всеобщности представляет собой те же самые элементы сверхфразового единства, которые в композиционном плане осуществляют функции ориентировки

во времени и пространстве. Но есть и такие формулы, смысл которых ограничивается ролью кванторов и не имеет никаких композиционных функций. Таков, например, распространенный зачин турецких и некоторых иных сказок: *Было то или не было, но рассказывают...* и т. п.

* * *

Рассмотрение сверхфразовых единств в плане реалий также обнаруживает их исключительное сходство с пословичными изречениями. Потому в с ё, что говорилось о предметно-образном составе последних, включая вопрос об их классификации по реалиям (см. стр. 27—30), целиком и полностью относится к соответствующему плану сверхфразовых клише.

Как у пословиц и поговорок, так и у побасенок, басен и назидательных сказок все закономерности их внешней (морфолого-синтаксической или композиционной) и внутренней (логико-семиотической) структуры практически выявляются в конкретной, предметно-образной форме. Например, если в какой-нибудь сказке (шванке) действует хитрец, то это н е х и т р е ц в о о б щ е, а либо Ходжа Насреддин, либо Абу Нувас, либо Тилль Эйленшпигель, либо другой, но тоже совершенно конкретный сказочный персонаж. И состязаются в беге наперегонки не просто слабое и тихоходное животное с сильным и быстроногим, но либо еж с зайцем, либо черепаха со страусом, либо краб с сарганом. Подобными примерами из басен и сказок можно проиллюстрировать и другие особенности плана реалий, указанные в первой главе настоящих Заметок.

Но так как сверхфразовые единства, и особенно сказки, по своему объему значительно больше пословиц и поговорок, их предметный состав обладает и рядом дополнительных свойств, не отмеченных нами при описании пословичных изречений.

Прежде всего он отличается большей сложностью. И дело не только в том, что в пословицах и поговорках всего несколько (как правило, от двух до семи) предметно-образных элементов, а в сказках их насчитываются десятки и даже сотни. Важнее другое: в сложных сверхфразовых клише эти элементы составляют какую-то с и с т е м у, тогда как в пословичных изречениях они представляются скорее случайными[15].

---

[15] Конечно, эта случайность кажущаяся. Вспомните хотя бы отмеченные в своем месте парные противопоставления пословичных элементов (см. стр. 30). Однако пословицы и поговорки настолько малы, что уловить системность их образного состава можно лишь на материале всего пословичного фонда или хотя бы какой-то его части, например более или

Кроме того, элементы плана реалий сверхфразовых единств находятся в особых и нередко довольно противоречивых взаимоотношениях с элементами других планов. Так, подчас одни и те же герои, предметы и действия имеют совершенно другой смысл и даже другой облик, в зависимости от того, с какой функцией композиционного плана они связаны или в каком модальном ключе (т. е. с каким квантором) поданы.

Говоря о системе реалий, мы имеем в виду следующие виды организации предметно-образных элементов:

1) их группировку в пределах одного текста (клише);

2) их группировку в пределах данного типа текстов на одном языке («национальный канон»);

3) их группировку в пределах данного типа текстов на всех языках («интернациональный канон»);

4) национальную и локальную обусловленность фонда реалий (общий набор предметно-образных элементов во всех существующих текстах в пределах одного языка или одной локальной группы);

5) интернациональную основу (ядро) всех национальных и локальных фондов реалий (общие закономерности плана реалий, проявляющиеся во всех без исключения языках и географических зонах).

Перечисленные пять видов отношений соответствуют пяти основным уровням предметно-образного плана и одновременно пяти уровням системы реалий.

На первые три из них еще в 1927 г. обратил внимание В. Я. Пропп. Изучая атрибуты персонажей волшебной сказки, он обнаружил, что эти реалии образуют несколько основных «рубрик»[16] и ряд более мелких «вспомогательных» элементов [22, 96]. При этом Пропп подчеркнул, что хотя все атрибутивные элементы переменны, т. е. меняются от сказки к сказке, но и здесь наблюдается большая повторяемость [22, 97]. На основании указанных наблюдений Пропп выдвинул идею инвариантности атрибутов (т. е. реалий) и в частности установил наличие национального и интернационального канонов [22, 97—99].

Четвертый и пятый виды отношений исследованы в вышедшей в 1965 г. монографии Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова «Славянские языковые моделирующие системы». В этой кни-

---

менее обширном национальном сборнике. В крупных же текстах она сравнительно легко различима. Во всяком случае, фольклористы уже давно заметили национальную и локальную (географическую) специфику сказок, которая проявляется как раз в определенной системе реалий.

[16] В частности: 1) облик и номенклатура; 2) особенности появления; 3) жилище.

ге в связи с реконструкцией древнеславянского пантеона изложены принципы общей типологии реалий, и в частности подвергнут анализу набор основных семантических оппозиций, инвариантных для всех национальных и локальных систем.

Нетрудно убедиться, что все названные виды отношений предметно-образных элементов присутствуют не только в волшебных сказках или религиозных системах. Любой тип сверхфразовых единств имеет свою инвариантную формулу, свой типовой набор реалий. А каждое отдельное клише является конкретным предметно-образным вариантом данного типа.

Так, во всех сказках о состязании действие происходит в какой-то определенной местности, во всех есть главные (противоборствующие) персонажи, во всех заключается какой-то договор, во всех победитель получает какое-то поощрение, а побежденный наказывается, во всех (или почти во всех) упоминаются или используются какие-то местные обычаи, во всех (или почти во всех) в результате состязания что-то возникает и т. д. Но в каждой отдельной сказке каждый из этих типовых элементов имеет свой особенный и неповторимый облик, характерный только для данного языка и народа с их специфической «моделью мира».

Состязание героев микронезийской сказки происходит на отмели океана, сирийской — в степи, либерийской — в африканских джунглях, эскимосской — на берегу северной речки и т. д. и т. п. И сами герои меняются в зависимости от местных условий: у чукчей состязаются северный олень и кит, у мальгашей — кабан и хамелеон, у сималурцев — улитка и обезьяна, у жителей Китая буи — тигр и лягушка, у североамериканских индейцев кэддо — койот и черепаха и т. д. При этом у одних народов в состязании принимают участие обыкновенные животные, а у других, например у тех же кэддо или у негров хауса, — зооантропоморфные существа — полуживотные-полулюди. Далее, в сказке хауса победитель получает в награду царскую дочь, а в сказке американских негров — 50 долларов и т. д. и т. д. [114, 44; 75, 162; 86, 32; 93, 185; 97, 48; 90, 51; 74, 133; 53, 170; 111, 104; 88, 276; 115, 58].

Не менее существенной оказывается и другая отличительная черта плана реалий сверхфразовых клише, которую мы отмечали на стр. 71, а именно особый характер отношений предметно-образных элементов с элементами иных планов. Речь идет о своеобразной функциональной зависимости первых от последних. Это хорошо видно на трансформации облика известных фольклорных персонажей. Один и тот же герой, например какой-нибудь Молла Насреддин, в зависимости от смысла данного шванка выступает то умным, то глупым, то

богатым, то бедным, то холостым, то женатым, то молодым, то старым [см., например: 42, 102 и там же, стр. 287, 83, 136, 190, 58, 81, 186]. В этой связи особенно важным представляется нам наблюдение В. Я. Проппа о том, что атрибуты персонажей волшебной сказки связаны с ситуацией. Так, если «змеиха» по каким-либо причинам переносится в начало сказки, где по логике композиционного плана описывается семья героя, то она (змеиха) становится сестрой или другой родственницей этого героя. То же происходит с царевной, которая в таком случае выступает в качестве его (героя) сестры или жены [22, 95].

Таким образом, анализ предметного содержания сверхфразовых единств убедительно свидетельствует о том, что и в плане реалий этих клише есть свои строгие и вполне обозримые закономерности. А это в свою очередь означает, что предметно-образный план побасенок, басен и сказок поддается научной систематизации и классификации. Разумеется, для построения соответствующей системы классификации необходимо предварительно изучить инвариантный и конкретный предметный состав всех типов сверхфразовых клише и на этой основе составить «алфавит» определяющих элементов плана реалий, а также сформулировать правила его «грамматики».

* * *

Так в основном выглядят побасенки, анекдоты, басни, шванки и назидательные сказки, рассмотренные со стороны их композиционной, логико-семиотической и предметно-образной структуры. В каждом из этих аспектов раскрываются те или иные существенные черты названных сверхфразовых клише. Но ни один из планов, взятый сам по себе, не дает о них правильного общего представления. Только в своей совокупности могут они передать действительную картину. Вот почему подлинно научная классификация сверхфразовых единств, подобно классификации пословичных изречений и фразеологизмов, может строиться лишь как классификация комплексная.

В этом свете становится очевидной необходимость пересмотра и уточнения такого основополагающего понятия фольклористики, как мотив. В настоящее время под этим термином, столь же распространенным, сколь и неопределенным, разумеют любой составной элемент сверхфразового клише, независимо от того, единицей какого структурного плана данный элемент выступает. Но, как мы видели выше, в каждом

плане свои структурные элементы и, наоборот, каждый элемент обязательно относится к какому-то определенному плану. И смешение последних ведет только к путанице.

Возьмем самый лучший из существующих указателей фольклорных мотивов — пятитомный «Motiv-index of folk-literature» С. Томпсона. Включенные в него мотивы иногда отличаются друг от друга только своим реальным наполнением при полном совпадении смысла и композиционной функции (например, В 211.3 — «Говорящая птица» и В 211.4 — «Говорящий муравей»), иногда же — композиционной функцией или смыслом при совпадении реалий (например, К 912 — «Герой убивает ведьму» и G 512 — «Ведьма убивает героя»). То же самое относится и к Указателю сказочных сюжетов Аарне-Андреева, поскольку в нем фигурируют отдельные мотивы. Вот как представлены в этом указателе знакомые нам сказки о состязании: № 30. Бег вперегонки: *лиса устраивает так, что волк попадает в яму;* № 221. Выборы царя птиц: *хотят выбрать того, кто взлетит всех выше: королек прячется в оперении орла и оказывается выше его;* № 250. Состязание в плавании: *ерш прицепляется к хвосту лосося* (и т. д.), *выигрывает;* № 275. Лиса и рак: *бегут вперегонки; рак прицепляется к хвосту лисы;* № 1072. Бег вперегонки: *младший брат—заяц;* № 1074. Бег вперегонки: *другой человек стоит у конечного пункта.*

С другой стороны, в указателях не учитывается, что один и тот же реальный компонент клише в разных планах представляет разные элементы структуры. Так, например, блок двух функций композиционного плана волшебной сказки *предварительное испытание героя дарителем* и *овладение волшебным средством* в другом — логико-семиотическом — плане той же сказки может быть знаком ситуации типа II^{91} («Акция-реакция»): «каков поступок, таково и вознаграждение», а в плане реалий может представлять эпизод с изображением местных обычаев и воззрений (герой дунганской волшебной сказки, дровосек Цей-лан, ухаживает за каменным идолом, в благодарность за что камень наделяет его богатством — 54, 112).

Все это говорит о том, что так называемые мотивы следует различать по их отношению к тому или иному из разобранных нами планов (а может быть, и к отдельным их уровням). Только при этом условии можно будет учесть подлинный состав мирового повествовательного фольклора.

IV

ГЛАВА

СИНТЕТИЧЕСКИЕ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ КЛИШЕ

Обобщая сказанное в предыдущих главах, неизбежно приходишь к выводу, что все сложные (составные) клише, начиная от фразеологизмов и кончая поучительными сказками, составляют один последовательный ряд языковых форм. Схематически этот ряд изображен в табл. 12 (см. стр. 76).

Как видно из табл. 12, некоторые из входящих в указанный ряд клише, а именно оба структурных типа фразеологизмов наравне со словом представляют собой знаки отдельных вещей или понятий и выступают в качестве элементов предложения, другие — являются знаками отношений между вещами (т. е. знаками ситуаций) и выступают в виде отдельных предложений или их цепочек разной длины и сложности.

Первыми после слова в ряду сложных клише идут ф р а з е о л о г и з м ы (типы Ср и Е), также выступающие в качестве элементов предложения и играющие роль всех частей речи. Фразеологизмы могут иметь различную синтаксическую структуру — от элементарной именной синтагмы до небольшого сложного предложения.

За фразеологизмами следуют п о г о в о р к и (типы А и Б), представленные всеми видами незамкнутых частных предложений с эллипсисом или местоименной заменой подлежащего или второстепенного члена.

Третьими в нашем ряду идут п о с л о в и ц ы (типы В и Г), воплощаемые в различных замкнутых предложениях — как частных, так и обобщенных.

За пословицами следуют п о б а с е н к и (тип Д), представляющие собой одну элементарную сценку, которая состоит из реплик (или реплики) персонажей и «авторских» ремарок (или ремарки), но может быть передана одним разговорным предложением.

Далее идут б а с н и (тип Ж), представляющие уже небольшое сюжетное повествование, состоящее из двух, трех

Таблица 12

Тип клише	Слово	Фразеологизм (типы Ср, Е)	Поговорка (типы А, Б)	Пословица (типы В, Г)	Побасенка (тип Д)	Басня (тип Ж)	Поучительная сказка (тип И)
Знаковая природа	Знаки	вещей	З	наки	сит	уаци	й
Грамматическая (композиционная) структура	*Элемент предложения* от союза и предлога до сложного слова	*Элемент предложения* от элементарной синтагмы до небольшого сложного предложения	*Незамкнутое предложение* с эллипсисом или местоименной заменой одного из членов	*Замкнутое предложение* любого вида (за исключением номинативного)	*Короткая цепочка предложений* элементарная сценка, могущая быть сведенной к одному разговорному предложению	*Средняя цепочка предложений* небольшое сюжетное повествование из двух-четырех сценок. Без утраты деталей не может быть сведена к одному предложению	*Длинная цепь предложений* развернутое сюжетное повествование, состоящее из ряда эпизодов. Обладает традиционными сказочными формулами и приемами

или чуть большего числа эпизодов и не сводимое к одному разговорному предложению.

И замыкают ряд поучительные сказки (тип И), состоящие из целой цепочки эпизодов и представляющие развернутое повествование со сложным сюжетом, традиционными сказочными формулами и приемами.

Как можно заметить, в нашем ряду не нашлось места загадкам (тип К). И это не случайно. Загадки составляют особую группу языковых клише. И не только потому, что для их полного воспроизведения необходимо наличие двух участников диалога, но и потому, что по своей внешней (композиционной) структуре загадки близки к побасенкам (также состоят из короткой цепочки предложений и изображают какую-то элементарную сценку), а по своей внутренней (логико-семиотической) природе не сходны с ними, так как являются знаками отдельных вещей[1].

По совокупности основных различительных признаков, рассмотренных в предыдущих главах, все перечисленные типы языковых клише[2] получают следующую характеристику (см. табл. 13).

Из табл. 13 следуют, по крайней мере, такие выводы:

1. Каждый тип языковых клише обладает своим, свойственным только ему набором различительных признаков (при этом видно, каким именно).

2. Различие между предыдущим и последующим типами, как правило, равняется одному-трем признакам (из общего числа 21, включенных нами в таблицу). Так, фразеологические сращения отличаются от слов только тремя «полуплюсами» (вертикальные графы №№ 2, 19 и 21); поговорки типа А и Б от пословиц типа В — только синтаксической незавершенностью (вертикальная графа № 6); пословицы типа В от пословиц типа Г — только неупотреблением с квантором всеобщности (вертикальная графа № 16) и т.д. Это означает, что переход от одних форм к другим совершается более или менее

[1] Мы имеем в виду наиболее распространенный тип загадок, ответом на которые служит название какой-либо вещи (предмета или явления), например: *Красна девица сидит в темнице, а коса на улице.* [*Что это такое?*] — *Морковь* [55, 812]. Следует, однако, заметить, что в фольклоре многих народов существуют и загадки другого типа. Так, загадка народа бауле из Западной Африки: *У меня за болотом есть пригорелый кусок ямса.* [*Что это такое?*] — имеет отгадкой не предмет, а пословицу (т. е. знак ситуации): *У того, кто пойдет за болото, будут черные ноги* [45, 230]. Впрочем, подробное рассмотрение этого вопроса не входит в задачу настоящей работы.

[2] В том числе оба структурных типа фразеологизмов (сращения и единства), оба типа поговорок (А и Б) и оба типа пословиц (В и Г), взятые порознь.

Признаки по планам / Структурные типы клише	Морфолого-синтаксический план (I)										
	Делимость на самостоятельные элементы плана	Проницаемость	Функциональное соответствие частям речи	Наличие мотивировки общего значения	Наличие парадигматических форм	Синтаксическая завершенность	Попарное сопоставление конструктивных элементов	Сводимость к одному разговорному предложению	Наличие элементарного сюжета	Наличие развернутого сюжета	Необходимость двух участников для воспроизведения
0. Слово*	—	—	+	—	+	0	—	—	0	0	—
1. Фразеологические сращения (Ср)	—	⊥	+	—	+	0	—	—	0	0	—
2. Фразеологические единства (Е)	—	⊥	+	+	+	0	—	—	0	0	—
3. Поговорки типа А	+	+	—	+	+	—	⊥	0	0	0	—
4. Поговорки типа Б	+	+	—	+	+	—	⊥	0	0	0	—
5. Пословицы типа В	+	+	—	+	—	+	⊥	0	0	0	—
6. Пословицы типа Г	+	+	—	+	—	+	⊥	0	0	0	—
7. Побасенки (тип Д)	+	+	—	+	—	0	⊥	+	—	—	—
8. Басни (тип Ж)	+	+	—	+	—	0	⊥	—	+	—	—
9. Поучительные сказки (тип И)	+	+	—	+	—	0	+	—	—	+	—
10. Загадки (тип К)	+	+	—	+	—	0		—	0	0	+
№ вертикальной графы п/п	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11

Условные обозначения: (+) — наличие признака у всех форм (—) — отсутствие признака; (0) — несущественность или немыслимость

* Учитывая, что слова, подобно другим знакам языка, бывают самыми вием некоторых из рассматриваемых нами признаков (например, слово значения), мы избрали для сопоставления со сложными языковыми клише

** Под системностью в пределах данного типа клише подразумевается текстов данного класса.

клише в сопоставлении со словом

Логико-семиотический план (II)						План реалий (III)			
Знак вещи	Знаки ситуации	Членимость на элементарные ситуации	Наличие трансформов разных рядов	Употребление с квантором всеобщности	Различение истинности — ложности, возможности — невозможности	Наличие лексических вариантов	Наличие несамостоятельных компонентов	Системность в пределах данного типа клише**	Делимость на самостоятельные элементы плана
+	—	0	—	0	—	⊥	+	—	—
+	—	0	—	0	—	⊥	⊥	—	⊥
+	—	0	⊥	0	—	⊥	—	—	+
—	+	⊥	+	—	+	+	—	⊥	+
—	+	⊥	+	—	+	+	—	⊥	+
—	+	⊥	+	—	+	+	—	⊥	+
—	+	⊥	+	+	+	+	—	⊥	+
—	+	⊥	+	—	+	+	—	⊥	+
—	+	+	+	⊥	+	+	—	+	+
—	+	+	+	⊥	+	+	—	+	+
+	—				—	+	—		+
12	13	14	15	16	17	18	19	20	21

данного типа; (⊥) — наличие признака у части форм данного типа;
признака.

разными, и в частности отличаются друг от друга наличием или отсутст-
«двухэтажный» в отличие от слова «дом» обладает мотивировкой общего
простые (однокорневые) слова типа «дом», «лиса», «поле» и т. п.

наличие национального и интернационального канонов в наборе реалий для

постепенно по мере появления одних и исчезновения других признаков.

Вместе с тем между некоторыми соседними типами клише разница оказывается большей. Таков разрыв между фразеологизмами и поговорками, между пословицами и побасенками, между поучительными сказками и загадками. «Дистрибутивное расстояние» между этими типами равно нескольким единицам. Ниже мы попытаемся дать соответствующие количественные оценки. Пока же вернемся к основным выводам, вытекающим из табл. 13:

3. Некоторые типы клише обладают специфическими различительными признаками, присущими только им и несвойственными другим типам. Так, пословицы типа Г (и только они) всегда употребляются с квантором всеобщности; побасенки (и только они) могут быть сведены к одному разговорному предложению; басни (и только они) располагают элементарным сюжетом; сказки (и только они) имеют развернутый сюжет; а загадки (и только они) требуют для своего воспроизведения двух участников диалога.

4. Кроме того, каждый из типов клише обладает таким сочетанием двух или трех признаков, которого нет больше ни у одного из типов. Например, пословицы типа В отличаются синтаксической завершенностью при невозможности употребления с квантором всеобщности; фразеологические сращения — отсутствием мотивировки общего значения при возможной членимости на элементы предметного плана и т. д. Поэтому, чтобы определить тот или иной тип клише, совершенно не обязательно перечислять все его основные признаки — достаточно назвать один специфический или свойственное только данному типу сочетание двух или трех из них.

5. Некоторые признаки находятся в определенных (закономерных) отношениях друг с другом. Так, признак «Знак вещи» (вертикальная графа № 12) и признак «Знак ситуации» (вертикальная графа № 13) находятся в отношении дополнительного распределения. Иначе говоря, рассматриваемые нами языковые клише могут представлять собой либо знаки вещей, либо знаки ситуаций. В точно таких же отношениях состоят вертикальные графы № 12 («Знак вещи») и № 17 («Различение истинности—ложности и возможности—невозможности сообщения»), а графы №№ 13 и 17 полностью совпадают. Это означает, что языковые клише, являющиеся знаками вещей (и только они), не различаются по признакам истинности—ложности, возможности—невозможности, а клише, являющиеся знаками ситуаций (и только они), различаются по этим признакам. Отсутствие признака «Функциональное соответствие частям речи» (вертикальная графа № 3) о б я-

зательно предполагает наличие мотивировки общего значения (графа № 4), наличие лексических вариантов (графа № 18) и отсутствие в составе клише лексических элементов, не имеющих самостоятельного значения (графа № 19). А наличие того же признака («Функциональное соответствие частям речи») не обязательно сопровождается перечисленными выше свойствами.

Однако вернемся к пункту 2 и проведем некоторые подсчеты, позволяющие найти количественные критерии для оценки «дистрибутивного расстояния» между различными типами клише.

В табл. 13 учтен 21 признак, в том числе: 11—относящихся к морфолого-синтаксическому или композиционному плану (I), 6—относящихся к логико-семиотическому плану (II) и 4—к плану реалий (III). Если подсчитать, сколько признаков того или иного плана, обозначенных в таблице, относится к данному типу клише (+), сколько не относится к нему (—) и сколько нерелевантны или немыслимы для него (0)[3], то получится следующая картина (см. табл. 14).

Таблица 14

План / Структурный тип клише	I			II			III			Итого		
	+	—	0	+	—	0	+	—	0	+	—	0
0. Слова	2	6	3	1	3	2	1,5	2	0	4,5	11	5
1. Фразеологические сращения (Ср)	2,5	5,5	3	1	3	2	1,5	1	0	5	9,5	5
2. Фразеологические единства (Е)	3,5	4,5	3	1,5	2,5	2	1,5	2	0	6,5	9	5
3. Поговорки типа А	4,5	3,5	3	3,5	2,5	0	2,5	1,5	0	10,5	7,5	3
4. Поговорки типа Б	4,5	3,5	3	3,5	2,5	0	2,5	1,5	0	10,5	7,5	3
5. Пословицы типа В	4,5	3,5	3	3,5	2,5	0	2,5	1,5	0	10,5	7,5	3
6. Пословицы типа Г	4,5	3,5	3	4,5	1,5	0	2,5	1,5	0	11,5	6,5	3
7. Побасенки (Д)	4,5	5,5	1	3,5	2,5	0	2,5	1,5	0	10,5	9,5	1
8. Басни (Ж)	4,5	5,5	1	4,5	1,5	0	3	1	0	12	8	1
9. Поучительные сказки (И)	5	5	1	4,5	1,5	0	3	1	0	12,5	7,5	1
10. Загадки (К)	4	3	1	1	2	0	2	1	0	7	6	1

Как видно из табл. 14, в распределении «плюсов», «минусов» и «нулей» есть какой-то порядок. Так, число «плюсов» плана I с нулевого до девятого ряда неуклонно растет (с двух до пяти), а потом снова немного снижается (до четырех). Примерно то же наблюдается в планах II и III. Общее число

---

[3] Знак ⊥ мы считали как 0,5 «плюса» и 0,5 «минуса».

«плюсов» (по всем планам вместе) сначала быстро возрастает (с четырех в нулевом ряду до десяти в третьем ряду), потом держится около достигнутого уровня (до седьмого ряда), затем снова несколько возрастает (до двенадцати с половиной к девятому ряду) и только в последнем (десятом) ряду падает (до семи). Правда, последний ряд нельзя считать показательным, так как в нем несколько клеток общей дистрибутивной матрицы (табл. 13) остались пустыми из-за недостаточной изученности вопроса. Сходную картину можно наблюдать в распределении «минусов» и «нулей».

Далее, из табл. 14 видно, что наиболее резкие числовые скачки наблюдаются как раз на стыке наиболее резко отличных типов клише, а именно между рядами 2 и 3, 7 и 8, 9 и 10.

Разумеется, приведенные в табл. 14 данные страдают существенными изъянами. Во-первых, потому, что признаки, учитываемые нами, далеко не равноценны, и, во-вторых, потому, что в этих данных не находит никакого отражения место учитываемого признака: «плюс» в первой вертикальной графе и «минус» во второй дают такой же итог, как «минус» в первой и «плюс» во второй (1 и 1). И все-таки какое-то соответствие с моделью эти подсчеты отражают. Во всяком случае, тот факт, что резкие числовые скачки падают как раз на границы между более далекими типами, подтверждает их достоверность.

В этом свете заслуживает внимания то обстоятельство, что между словами, с одной стороны, и фразеологическими сращениями — с другой, числовая разница оказывается совсем незначительной (всего в две единицы). Это лишний раз свидетельствует о близости названных фразеологизмов к слову.

Кроме приведенных мы попытались произвести и другие расчеты. Каждый тип клише получил в табл. 13 то или иное число «плюсов», «полуплюсов» и «минусов», соответствующих определенным различительным признакам. Если каждый из этих знаков оценить соответственно его «весомости» в данной вертикальной графе, а потом сложить полученные оценки по горизонтальным рядам, то сумма этих оценок в пределах каждого ряда может дать количественную характеристику данного типа клише. При этом, естественно, наиболее редкий признак следует оценивать бо́льшим числом очков, а наиболее общий — меньшим. В самом деле, чем больше одинаковых признаков содержат разные типы клише, тем очевидно, ближе они друг к другу. Значит, часто встречающиеся признаки дают меньший вклад в «дистанцию» между типами, чем редко встречающиеся. Иначе говоря, «вес» признака будет обратно пропорционален его частоте.

Исходя из последнего соображения, мы оценивали каждый «плюс» и «минус» дробью, числителем которой являлось число сопоставляемых типов, а знаменателем — число данных знаков («плюсов» или «минусов») в данной вертикальной графе[4]. Так, вес одного «плюса» (или «минуса»), встречающегося у четырех типов клише из одиннадцати, считался нами равным $\frac{11}{4} = 2{,}75$ единицы, а вес «плюса» (или «минуса»), встречающегося у пяти типов из одиннадцати — $\frac{11}{5} = 2{,}2$ единицы. Наименьшую оценку получают признаки, свойственные большему числу типов клише. Например, признак, встречающийся в девяти с половиной случаях из одиннадцати [таков (+) в четвертой, восемнадцатой и двадцать первой вертикальных графах], весит всего $\frac{11}{9{,}5} = 1{,}16$ единицы. (Клетки с «нулями», разумеется, из расчетов выпадали.)

В результате соответствующих расчетов мы получили следующую количественную характеристику наших типов (табл. 15):

Таблица 15

№ ряда	Тип клише	Сумма оценок различительных признаков
0.	Слова	57,45
1.	Фразеологические сращения (Ср)	49,13
2.	Фразеологические единства (Е)	37,35
3.	Поговорки типа А	27,68
4.	Поговорки типа Б	27,68
5.	Пословицы типа В	27,31
6.	Пословицы типа Г	29,41
7.	Побасенки (Д)	35,31
8.	Басни (Ж)	31,61
9.	Назидательные сказки (И)	32,02
10.	Загадки (К)	30,91

Из табл. 15 видно, что наиболее близкие типы клише имеют и близкую числовую оценку. Так, например, все типы пословиц и поговорок оцениваются числами, находящимися между 27,31 и 29,41, т. е. в диапазоне равном 2,1 едини-

[4] При подсчете числа «плюсов» и «минусов» два «полуплюса» (⊥) считались равными одному «плюсу» и одному «минусу». Вес «полуплюса» определялся суммой весов «полуплюса» и «полуминуса».

цы, а все сверхфразовые единства (за исключением загадок) — числами, расположенными между 31,61 и 35,31. Интересно, что разница между баснями и назидательными сказками оказывается совсем незначительной: она составляет всего 0,41 единицы. Видимо, не случайно некоторые фольклористы относят назидательные сказки к жанру басен.

Как и в предыдущем случае, наибольшие числовые скачки совпали с границами между далекими друг от друга типами клише — фразеологизмами и поговорками, пословицами и сверхфразовыми единствами, а также (в порядке исключения) между фразеологическими сращениями и фразеологическими единствами. Впрочем, последнее обстоятельство, может быть, свидетельствует о том, что данные типы не так уж близки между собой, как это представляется с первого взгляда.

Таковы вкратце основные особенности десяти структурных типов сложных языковых клише, рассмотренных нами в трех предыдущих главах.

Однако этими десятью типами не ограничивается запас всех составных клише, употребляемых в языке. Помимо разобранных существует еще целый ряд языковых форм, анализ которых был отложен нами к концу работы.

Мы имеем в виду разного рода тексты, чрезвычайно похожие на пословицы, поговорки, фразеологизмы, загадки, побасенки, анекдоты, басни и сказки и, подобно всем им, нередко включаемые в соответствующие сборники и словари.

Именно такими клише являются, например, широко распространенные хозяйственные и медицинские наблюдения и рекомендации типа: *Арахис сажай на супесках, а пшеницу — на суглинках* и *Больному в еде не верь,* «правовые» изречения вроде: *Хлеб за хлеб, а за простороржу — ведро вина* (о потраве), естественные и суеверные приметы типа: *Собака траву ест — к дождю* и *Петухи во всю ночь поют — не к добру* и т. п.

По своей внешней (морфолого-синтаксической) структуре и по составу реалий эти формы, действительно, очень близки к пословицам и афоризмам, представляя собой различные синтаксические и коммуникативные типы замкнутых предложений. Однако по своему смыслу и по характеру употребления данные клише резко отличаются от пословичных. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить приметы, хозяйственные и медицинские рекомендации, приведенные в правом столбце, со сходными по структуре пословицами и афоризмом, помещенными в левом. (Для большей наглядности приводим близкие по реалиям изречения.)

Запоет петух или нет — все равно солнце взойдет	*Петух поет не вовремя — стужа умерится*
Мышь рыла-рыла и до кота дорылась	*Мышь одолевает перед голодным годом*
Кто много говорит, тот много и ошибается	*Кто мелко заборонит, у того рожь мелка*
Собака лает — ветер носит	*Собачий вой — на вечный покой (т. е. к покойнику)*

Изречения из левого столбца, хотя и говорят о тех же петухе, мыши, собаке и человеке, но явно **относятся не только к ним, а ко всем сходным ситуациям, которые они моделируют.** Именно поэтому они **допускают** и в большинстве случаев даже требуют расширительного толкования. Даже афоризм о человеке, который много говорит, т. е. клише с прямой мотивировкой общего значения, и то обычно понимается шире своего буквального смысла: «Всякий, кто много действует (работает, старается), много и ошибается». Сравниваемые же с ними изречения из правого столбца, напротив,. имеют **только один конкретный смысл и не допускают никакого расширительного толкования.**

Попробуем в любом из них заменить видовое понятие родовым (петуха —птицей, мышь — грызуном, рожь — злаком и т. д.) и сразу же убедимся в этом.

Далее, изречения из левого столбца при всех возможных толкованиях их компонентов сохраняют единый смысл. Так, пословицу *Собака лает — ветер носит* (или сходную с ней *Собака лает, а караван идет*) можно применить к какой-нибудь базарной сплетнице и к безответственному политикану или газетному писаке и злопыхателю. Во всех случаях (т. е. при любом толковании компонентов) ее смысл останется тем же самым: «Сколько данный субъект («собака») ни будет болтать («лаять»), его старания пропадут впустую («их унесет ветер») и дело не пострадает («караван продолжит свой путь»). Изречения же из правого столбца таким свойством не обладают. Их общий смысл целиком зависит от составляющих эти изречения слов (складывается из их смыслов) и тут же изменится при всяком ином толковании любого из них.

Иначе говоря, характер объединения простых знаков (слов) в сложные (изречения) в левом и правом столбцах неодинаков.

Сложные знаки (клише), помещенные слева, объединены куда более тесно, чем правые. Помимо непосредственной (грамматической и логической) связи составляющих их про-

стых знаков в них содержится какой-то дополнительный (переносный) смысл, общий для всего изречения в целом и уже по одному этому цементирующий его компоненты в некое синтетическое единство.

Исходя из сказанного, формы клише, соответствующие помещенным в левом столбце, мы будем называть синтетическими. В противоположность им формы, помещенные в правом столбце, назовем аналитическими.

Формы клише, получившие название аналитических (хозяйственные, юридические, медицинские изречения и приметы), обладают особыми, присущими только им свойствами, отличными от свойств параллельных синтетических форм (т. е. пословиц и афоризмов).

Прежде всего, они могут иметь только прямой (причем однозначный) смысл. *Лошадь храпит — к ненастью* — значит: именно лошадь, именно храпит и только к ненастью. Никакие замены и подстановки тут невозможны. Даже в тех случаях, когда кое-какие слова аналитического клише применяются в заведомо переносном смысле (как, например, словосочетание *вечный покой* в последней из наших примет), они все равно остаются однозначными, т. е. не могут толковаться по-разному (в данной примете их следует толковать «к покойнику», и только так).

Правда, некоторые аналитические клише можно иногда употребить в переносном смысле. Например, примету *Осенний туман — к холодному ветру* можно использовать для описания мрачной общественной ситуации. Но тогда это будет уже не примета, а омонимичная ей пословица. Приметы же, как таковые, не могут быть иносказательными. Этим они, как и другие аналитические формы, в корне отличаются от пословичных изречений.

Далее, аналитические клише имеют иную, чем пословицы и поговорки, систему логической трансформации. У них, например, принципиально не может быть логически несовместимых трансформов (т. е. трансформов других рядов, кроме ряда А). Исключение составляют лишь суеверные приметы (или поверья), поскольку они не основаны на правилах логики[5], да отдельные случаи, связанные с изменением взглядов на тот или иной предмет[6].

И наконец, в названных аналитических клише по сравнению с пословичными совершенно иную роль играют реалии,

[5] Ср. хотя бы две русские суеверные приметы: *Сам себя оплюешь — обнова будет* и *Сам себя оплевал — либо пьяну, либо биту быть* [85, 935].

[6] Например, изменение юридических норм по мере социального развития или изменение лечебных и гигиенических рекомендаций по мере развития общей и медицинской культуры.

которые выступают здесь не в качестве образов, а в своем основном значении. Этим, между прочим, объясняется и особая «чувствительность» реалий ко всяким местным и временным особенностям. Не только хозяйственные рекомендации северян и южан или правовые изречения людей разных социальных эпох не совпадают друг с другом, часто отличаются они и у жителей близких областей [7] или представителей смежных поколений[8].

Конечно, мы перечислили далеко не все специфические особенности хозяйственных, правовых, медицинских изречений и примет. Все эти клише еще ждут своего настоящего исследования. Однако и сказанного довольно, чтобы увидеть, что их отличия от пословичных изречений весьма существенны и к тому же касаются всех трех планов — языкового, смыслового и плана реалий.

Примерно то же самое, но с поправками «на специфичность» можно сказать и о других аналитических клише, синтаксически сходных с пословицами и поговорками, а именно о скороговорках (вроде *Стоит поп на копне, колпак на попе, копна под попом, поп под колпаком*), пустоговорках (типа *Я бы и тово, да вишь жена не тово, уж и я растово*) и некоторых сказочных формулах, представляющих отдельные вспомогательные конструктивные элементы, главным образом соединительные (вроде [*Имя-рек*] *шел, шел и повстречал* [*того-то*] и т. п.).

Помимо рассмотренных или названных выше хозяйственных и иных изречений, представляющих аналитические параллели к пословичным, в общем фонде сложных языковых клише есть немало аналитических форм, параллельных фразеологизмам, т. е. сходных с ними по грамматической структуре и функциям. Таковы, например, устойчивые именные и глагольные описательные обороты с ограниченной свободой сочетания слов типа *закадычный друг, зло берет, вести беседу, идти пешком* и некоторые другие клише, названные акад. В. В. Виноградовым фразеологическими сочетаниями.

В отличие от обычных фразеологизмов, являющихся синтетическими знаковыми формами, указанные фразеологические обороты, как и изречения разобранных выше типов (хозяйственные, юридические и т. п.), представляют собой формы аналитические и потому обладают рядом особых свойств.

---

[7] Ср. новгородскую рекомендацию: *Яровое сей до Егория* с ярославской: *Ранний яровой посев с Егория, поздний с Еремея* [82, 880].

[8] Так, за последние десятилетия появились клише, в которых фигурируют вещи, неизвестные ранее: автомашины, самолеты и т. п., например: *Машина любит ласку, уход и смазку* [85, 11].

В частности, фразеологические сочетания не различаются по характеру мотивировки общего значения: они всегда имеют строго прямой смысл. При этом они строятся по обычным языковым моделям, т. е. так же, как и свободные (переменные) сочетания слов. Кроме того, аналитические фразеологические обороты допускают какую-то замену компонентов[9], чего никак нельзя сказать об обычных фразеологизмах. Последнее свойство хорошо видно на примере оборотов, имеющих один и тот же смысл (в данном случае «умер»), но представляющих разные семиотические типы:

Таблица 16

Синтетические клише	Аналитические клише
1. Фразеологические сращения *сыграл в ящик* *дал дуба* *приказал долго жить* 2. Фразеологические единства *протянул ноги* *смежил очи* (в одном из значений) *отдал концы* (в одном из значений)	3. Фразеологические сочетания *ушел* | *из жизни* | *в мир иной* *отошел* | *в лучший мир* | *в вечность* | *богу душу* *отдал* | | *жизнь* *окончил* | *дни свои* | *жизненный путь* *лег* | *в гроб* *сошел* | *в могилу*

Интересно, что аналитические параллели имеют *все без исключения типы фразеологизмов*, как понятийные (Т, Ф и Сл), т. е. различающиеся характером дезигната, так и функциональные (Сщ, Пр, Г, Ми и др.), т. е. выполняющие роль разных частей речи. Приведем для примера некоторые из них (глагольные мы уже привели):

[9] Исключения не составляют, по-видимому, и обороты, содержащие слова с единичной сочетаемостью, такие, как *вверх тормашками, закадычный друг* и т. п., ибо их можно заменить сходными по смыслу клише, содержащими второй постоянный компонент в сочетании с третьим («новым»): *вверх ногами, близкий друг* и т. п.

Таблица 17

Понятийный тип фразеологизма	Функциональный тип	Синтетические клише (образцы)	Аналитические клише (образцы)
Т (фразеологизмы-термины)	Сщ (выполняющие роль существительных)	*куриная слепота* (бот.) *мертвая голова* (зоол.) *атомный вес* (хим.)	*гашеная известь* *атомный век* *северный полюс*
Ф (собственно фразеологизмы)	Ми (выполняющие роль местоимений)	*кто ни на есть* *каждая собака*	*не что иное* *тот или иной*
	Ч (выполняющие роль числительных)	*тьма-тьмущая* *сколько угодно*	*чертова дюжина* *за сорок*
Сл (служебные фразеологизмы)	Сз (выполняющие роль союзов)	*так как* *в течение*	*до того как* *с тех пор как*
	Пл (выполняющие роль предлогов)	*в силу* *по линии*	*вслед за* *независимо от*

Некоторые из фразеологических сочетаний имеют свои названия, например упомянутые выше глагольные и именные описательные обороты. Другие же, и в частности весь класс аналитических сочетаний, соответствующих фразеологизмам-терминам, и весь класс сочетаний, соответствующих служебным фразеологизмам, еще никак не названы. Нам думается, что первые можно окрестить сочетаниями-терминами, а вторые — служебными сочетаниями. Во всяком случае, их как-то следует отличать от сходных по грамматической структуре синтетических знаковых единиц.

Как показал анализ многих фольклорных сборников, аналитические параллели есть у всех известных нам типов син-

тетических знаковых клише, в том числе у загадок, побасенок, басен и поучительных сказок [10].

Загадкам (и шуточным вопросам) соответствуют народные арифметические (счетные) задачи и так называемые головоломки (т. е. задачи логические). Вот характерный пример счетной задачи. *Летело стадо гусей; попадается ему навстречу гусь и говорит: «Здравствуйте, сто гусей!» Они ему отвечают: «Нас не сто гусей, а как бы было еще столько, да полстолька, да четверть столька, да ты бы, гусь, с нами, то и было бы нас сто гусей». Сколько их летело?* [*Тридцать шесть*] [55, 2500]. Типичным примером головоломки может служить всемирно распространенная логическая задача о перевозке на другой берег трех объектов, из которых каждые два соседних не могут быть оставлены друг с другом без присмотра, а в лодку можно брать только одного из трех. Приведем эту задачу в ее западноафриканском варианте: *С чего начать перевозку, если тебе надо поочередно переправить на другой берег леопарда, овцу и клубень ямса?* [*Затем следует ответ*] [45, 220].

Побасенкам (и одномоментным анекдотам) соответствуют некоторые типы скороговорок, а также медицинских и иных «деловых» наблюдений и рекомендаций, представленных в виде элементарной сценки с репликами персонажей или коротким диалогом (конструктивный тип Д). В качестве образца такой скороговорки и одновременно пустоговорки[11] приведем следующую: *Худ идет на гору, худ идет под гору; худ худу бает: «Ты худ, я худ; сядь худ на худ; погоняй худ худом, железным прутом»* [82, 976]. Примером соответствующей «деловой» рекомендации (в данном случае медицинской) может служить азербайджанский народный текст «Четыре правила»: *Однажды Молла* [*Насреддин*], *произнося проповедь, сказал: «Люди, медицина признает четыре правила, и тот, кто будет точно следовать им, никогда не заболеет: ноги держите в тепле, а голову в прохладе. Следите за своей едой, много не размышляйте»* [42, 214].

Басням (и шванкам) соответствуют по меньшей мере на-

---

[10] Аналитические параллели имеют не только синтетические словосочетания, но и отдельные слова. Таковыми, на наш взгляд, являются слова-аббревиатуры типа *Дэка* (ДК—Дом культуры), *Цэка* (ЦК — Центральный Комитет) и т. п., распадающиеся на самостоятельные лексические элементы, а также, по-видимому, аналитические формы некоторых глаголов, например, форма будущего времени от глагола «читать» (*буду читать*).

[11] Скороговорка обычно является и пустоговоркой, т. е. не имеет реального смысла; пустоговорка же далеко не всегда может использоваться в качестве скороговорки, т. е. быть трудно произносимой.

родные рассказы о животных, не имеющие никакого иносказательного смысла, а содержащие только наблюдения над повадками зверей и объясняющие те или иные приемы охоты. Таковы, например, отдельные тексты из мифического цикла бушменов хадзапи о богах Ишоко и Хайнэ, посвященные ряду животных восточноафриканской саванны. Вот фрагмент одного из таких текстов: *Затем Ишоко сказал хадзапи: «Я покажу вам еще одну хорошую еду — страуса! Если вы заметите на песке много-много следов, смотрите внимательно — и вы найдете яйца! Если вам плохо видно, полезайте на высокое дерево и вы увидите самца-страуса. Он идет, чтобы сменить самку, которая сидит на яйцах». Один из мужчин-хадзапи тут же полез на дерево. Взобравшись наверх, он и в самом деле увидел самца-страуса. Тот уже сменил страусиху и сам высиживал яйца...* (далее сообщается, как следует подкрасться к птице и убить ее) [52, 43].

Близки к подобным рассказам и некоторые клишированные руководства бытового и производственного характера: как сделать ту или иную вещь, как приготовить то или иное блюдо и т. п. Сошлемся на тех же хадзапи. В упомянутом выше цикле немало текстов такого типа: *«Ну хорошо, — согласились хадзапи, — а из чего мы будем делать себе одежду?» — «Если у вас, — сказала Хайнэ, — хватит терпения и хитрости охотиться на ваших коз, то вы сможете делать одежду из их шкур! Вы разло́жите шкуру свали*[12] *на земле, закрепите ее колышками и почистите. Женщины удалят с нее шерсть. Они привяжут шкуру сверху и снизу к дереву и поскребут ножом. Потом хорошенько разомнут ее руками — и одежда готова! Можно повязывать ее на бедра!* [52, 50].

Что касается поучительных сказок, то им в ряду аналитических клише соответствуют распространенные «деловые» тексты, а также некоторые исторические предания вроде приведенных в Приложении народных рассказов о войне айяу и гуро или о столкновении хадзапи с масаями (см. стр. 195). (Мы говорим «некоторые», ибо отдельные фольклорные клише, которые также принято относить к историческим преданиям, обладают дополнительным переносным смыслом и по существу являются синтетическими.)

Итак, если свести все сказанное на последних страницах в одну общую таблицу, она приобретет такой вид (см. табл. 18):

[12] Сваля — местное название одного из видов антилоп.

Таблица 18

Сопоставление синтетических и аналитических форм клише, сходных по грамматической структуре

№	Синтетические клише	Аналитические клише
1.	Фразеологизмы	Моделируемые фразеологические сочетания Сочетания-термины Служебные сочетания
2.	Поговорки и присловья (типы А и Б)	Вспомогательные сказочные формулы типов А и Б „Деловые" изречения (хозяйственные, правовые, медицинские и пр.) типов А и Б
3.	Пословицы и афоризмы (типы В и Г)	„Деловые" изречения различного характера типов В и Г Поверья (суеверные приметы) типов В и Г Скороговорки типов В и Г
4.	Побасенки и анекдоты (тип Д)	„Деловые" тексты различного характера типа Д* Скороговорки типа Д
5.	Басни и шванки (тип Ж)	Рассказы о животных типа Ж „Деловые" тексты различного характера типа Ж
6.	Назидательные сказки— как волшебные, так и бытовые (тип И)	„Деловые" тексты различного характера типа И Некоторые исторические предания (тип И)
7.	Загадки и шуточные вопросы (тип К)	Счетные задачи (тип К) Головоломки (тип К)

* Помимо клише типа Д медицинского содержания, пример которого мы приводили на стр. 90, могут быть аналогичные сценки правового, хозяйственного и иного характера.

Судя по последней таблице, аналитических знаковых форм значительно больше, чем синтетических. И особенно много таких, которые соответствуют пословицам и афоризмам [13]. Их много и в абсолютном смысле. Так, в некоторых пословичных сборниках на каждые десять изречений приходится три аналитических.

[13] Вполне вероятно, что мы назвали еще не все.

Между тем аналитические клише очень плохо изучены. Это, впрочем, и не удивительно: ведь многие из них ранее даже не выделялись в самостоятельные типы. Возможно, теперь этот пробел как-то удастся заполнить.

Изучение аналитических клише и их сопоставление с синтетическими может пролить дополнительный свет на ряд сложных вопросов паремиологии и фольклористики, и в частности на вопрос о природе художественного начала в фольклорном тексте. В аналитических клише может быть всё, что и в сходных с ними по форме синтетических фольклорных произведениях, вплоть до рифмы и ритма. Тем не менее они не дают единого художественного образа. Их образность не поднимается выше чисто языкового уровня. Может быть, сущность художественного — в сочетании материального субстрата клише (планов I и III) с каким-то единым обобщающим смыслом (синтетическим знаком)? А может быть, художественный эффект возникает в результате взаимодействия (или одновременного действия на психику воспринимающего субъекта) прямого и переносного смысла клише? Ведь не случайно же именно синтетические тексты (и только они) воспринимаются как художественные[14].

Возвратимся, однако, к табл. 18. Все отмеченные в ней типы клише, как синтетические, так и аналитические, существуют и сами по себе, и в сочетании друг с другом. Причем сочетания эти могут быть самыми разными. Иногда в одном тексте соединяются два пословичных изречения (например: *Не играй с зайцем — устанешь, не играй с огнем — обожжешься*), иногда пословица (или поговорка) содержит в себе фразеологический оборот, употребляющийся и в других комбинациях (*Дома бесится, а в людях с у м а с х о д и т*). Во многих баснях и шванках содержатся отдельные пословицы, поговорки, приметы, правовые и хозяйственные изречения и другие синтетические или аналитические клише.

Клишированные тексты, представляющие собой соединение двух, трех и большего числа составных клише или включающие в свой состав сложные клише меньшего объема, мы будем называть с в е р х с л о ж н ы м и.

Сверхсложные языковые клише могут быть: 1) синтетическими (объединяющими в себе сложные синтетические формы); 2) аналитическими (объединяющими аналитические формы) и 3) смешанными (объединяющими как синтетические, так и аналитические формы).

К числу сверхсложных клишированных текстов относятся все сказки (ведь они, по определению, состоят из ряда эпизо-

[14] Ср.: Л. С. В ы г о т с к и й, Психология искусства, М., 1965, стр. 340.

дов, имеющих самостоятельный смысл), некоторые предания, рассказы о животных и многие клише других конструктивных типов, вплоть до фразеологических сочетаний, поскольку такие сочетания нередко содержат в своем составе отдельные «самостоятельные» фразеологизмы (сращения и единства).

Последнее можно видеть на следующем примере. Существует фразеологическое сочетание *бежать что есть мочи.* Как все аналитические фразеологические обороты, оно допускает замену компонентов. Ср., например: *мчаться что есть мочи,* или *бежать изо всех сил,* или, наконец, *мчаться изо всех сил.* Но второй компонент нашего сочетания (*что есть мочи* или *изо всех сил*) может быть заменен аналогичным по смыслу и функции фразеологическим сращением (а) или фразеологическим единством (б):

бежать	*сломя голову* (а)
мчаться	*со всех ног* (б)

В результате образуется сверхсложное фразеологическое сочетание, в состав которого входит синтетический знаковый компонент (фразеологизм).

Подобные сверхсложные фразеологические обороты обладают свойствами, отличными от свойств обычных синтетических фразеологизмов и от свойств обычных аналитических фразеологических сочетаний, ибо соединяют в себе некоторые черты и тех и других. Так, они, как аналитические, могут иметь противоположные трансформы (ср. *оставлять под спудом* и *извлекать из-под спуда*) и моделироваться по определенным правилам (в данном случае глагол в личной форме+ +фразеологизм: ср. *оставишь под спудом* и т. д.). В то же время эти сочетания, как и синтетические фразеологизмы, различаются характером мотивировки их общего значения (в данном случае, например, можно говорить об образной).

Уже из этих примеров видно, что сверхсложные клише заслуживают специального изучения, по крайней мере смешанные, т. е. объединяющие синтетические формы с аналитическими. Да и остальные тоже. О том свидетельствует наличие многих дополнительных по сравнению с другими сложными клише свойств сказок, с которыми мы столкнулись в третьей главе настоящих Заметок.

* * *

Заканчивая обзор сложных и сверхсложных клише, составляющих предмет фразеологии, паремиологии и фольклористики, следует сказать, что в соответствующих словарях и сборниках нередко встречаются тексты принципиально иного

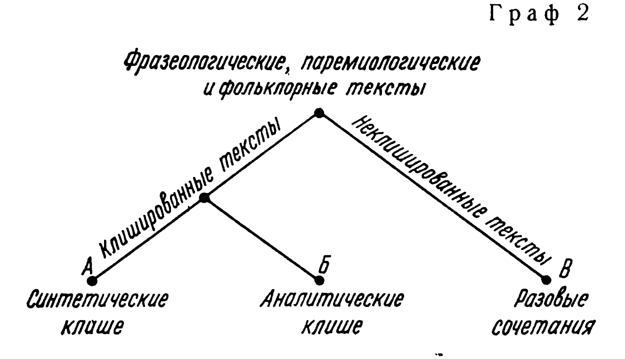
характера, хотя внешне и очень похожие на разобранные. Речь идет о разного рода высказываниях, напоминающих пословицы, забавных или поучительных историях, напоминающих шванки, занимательных былях, напоминающих бытовые сказки, и других единичных или разовых текстах, добросовестно записанных собирателями от сказителей, но не являющихся клишированными, а созданными «по случаю», для одного раза, только для данной беседы.

Вполне вероятно, что многие из таких текстов, будучи удачными, подхватываются и повторяются другими людьми и тем самым превращаются в клише. Но как бы там ни было, подобные единичные неклишированные тексты надо отличать от клишированных, вошедших в фольклорную традицию и живой, разговорный язык народа.

Таким образом, все тексты, входящие во фразеологические, паремиологические и фольклорно-повествовательные сборники, разделяются на две большие группы: 1) клишированные, т. е. многократно повторяемые в одном и том же виде и 2) неклишированные, или разовые, т. е. представляющие свободные сочетания слов и предназначенные для одной конкретной коммуникации.

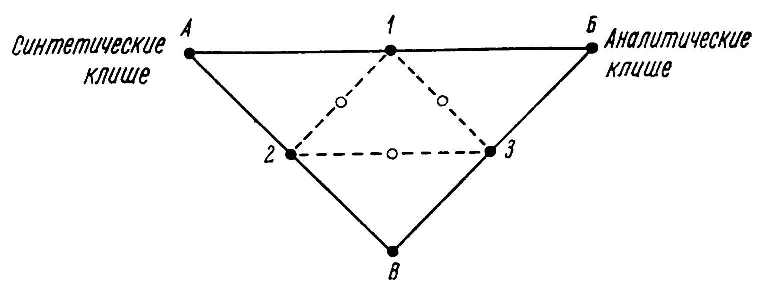
В свою очередь клишированные тексты тоже разбиваются на две группы: 1) синтетические и 2) аналитические. Взаимные отношения трех названных групп текстов схематически можно изобразить так:

Граф 2

Помимо указанных основных групп текстов существует еще ряд смешанных, являющих собой комбинацию основных. Их взаимные отношения представлены на следующей схеме:

Граф 3

Условные обозначения: 1 — смешанные клише (синтетические + аналитические); 2 — смешанные тексты, состоящие из синтетических клише и разовых сочетаний; 3 — смешанные тексты, состоящие из аналитических клише и разовых сочетаний; светлыми кружками обозначены возможные сочетания смешанных форм.

Примером смешанного текста может служить следующая ниже заметка из журнала «Наука и жизнь» (№ 4 за 1966 г.), представляющая собой разовое сочетание типа Ж (т. е. внешне соответствующее басне или шванку), которое содержит в своем составе клишированные элементы как синтетического, так и аналитического характера:

Случай в парке

Некая молодая особа, проходя поздним вечером через пустынный парк в городе Торонто, была подвергнута нападению бандита, пытавшегося вырвать у нее сумочку. Но не успел он моргнуть глазом, как оказался на земле, сбитый ударом кулака девушки. В бессознательном состоянии преступник был доставлен в ближайший полицейский участок. Когда девушку спросили, как ее фамилия, она ответила: «Я не хотела бы ее называть; боюсь, что после этого мне будет трудно выйти замуж» [121, 4].

* * *

В заключение наших Заметок коротко остановимся еще на двух моментах, связанных с предлагаемым подходом к оценке и классификации текстов, обычно включаемых во фразеологические и фольклорные сборники и используемых в речи в качестве готовых клише. Первый из них касается естественных оснований описанной системы, а второй — соотношения уровней языка, типов клише и наук, их изучающих.

С первого взгляда может показаться, что предлагаемая трактовка клишированных (и иных) текстов, начиная с простейших фразеологических оборотов и кончая сверхсложными повествованиями с развернутым сюжетом, при всем ее соответствии фактам основана на каких-то искусственных построениях.

Ни в коем случае. Все без исключения критерии, которыми мы руководствовались при разборе материала, и все сколько-нибудь существенные различительные признаки, послужившие основанием для группировки текстов, были почерпнуты нами в самом языке и фольклоре.

Возьмем, к примеру, вопрос о мотивировке общего значения клише.

Мы различаем тексты, обладающие и не обладающие такой мотивировкой, например: фразеологические сращения, смысл которых не вытекает из смысла составляющих их компонентов, и омонимичные названным фразеологизмам свободные (переменные) сочетания слов. Но то же самое делается и в фольклоре. Сошлемся хотя бы на известный немецкий народный шванк о справедливом черте. В этом шванке рассказывается, как *черт однажды явился на землю в расчете чем-нибудь поживиться и повстречал одного помещика-мироеда. Черт и помещик пошли вместе. Вскоре им встретилась пастушка, бранившая отбившуюся от стада овцу: «Ах ты негодница, — кричала пастушка, — чтобы тебя черт побрал!» — «Слышишь, что она говорит, — обратился помещик к черту, — ты можешь забрать у нее овцу». — «Нет, — отвечал черт, — она совсем этого не думает». То же повторилось, когда помещик и черт встретили женщину, бранившую озорника-сына. Но вот спутники повстречали какого-то крестьянина. При виде своего господина крестьянин отвесил земной поклон, а когда помещик отошел на несколько шагов, прошептал ему вслед: «Чтобы тебя черт забрал, мироед проклятый!» — «Ты слышал, что он сказал? — спросил черт у своего спутника. — Этот действительно так думает». Он схватил помещика за шиворот и уволок к себе в преисподнюю* [110, 11]. Как видно из данного текста (а подобных немало в фольклоре любого народа), фольклорная традиция отличает фразеологические сращения, и в частности бранные обороты междометного типа, от сходных с ними свободных сочетаний.

Далее, мы различаем клише с образной и с прямой мотивировкой. И это различие тоже осознается в самом фольклоре. Недаром В. Даль, определяя пословицу как иносказание, ссылался на народное изречение, утверждающее, что *голая* (т. е. прямая) *речь — не пословица* [8, 18]. О различении прямого и переносного смысла говорится во

многих сказках (см., например, сюжет № 915 по Указателю Аарне — Андреева), и в частности в русской народной сказке «Завещанье», записанной И. А. Худяковым. Так как эта сказка совсем маленькая, приведем ее полностью: *Жил-был мужик, умирает его отец и говорит: «Ты, мой сын, живи так, чтобы ты никому не кланялся, а тебе бы все кланялись и калачи бы ел с медом!» Умер отец, а этот мужик живет год, прожил сто рублей, никому не кланялся, и всё калачи ел с медом. Живет другой, прожил другую сотню, на третий год прожил третью сотню. И думает: «Что же это? Сотни-то у меня не прибавляются, а всё убавляются!» Приходит, рассказывает дяде. Дядя ему и сказал: «Ах ты! Выезжай-ко ты раньше всех на пашню, никому и не будешь кланяться, а тебе все будут кланяться. А приезжай домой поздно, тебе калач-то и будет казаться с медом»* [50, 37].

Не менее ясно осознается в фольклоре и то, что пословичные изречения являются знаками тех или иных типов жизненных (или логических) ситуаций. Это хорошо видно на примере бытовой, или новеллистической сказки народа телугу «Кошка Тенали Рамакришны». Вот ее краткое изложение: *Однажды царь дал своим приближенным по корове и кошке и приказал поить этих кошек коровьим молоком. Того, кто в три месяца сумеет лучше всех откормить свою кошку, он обещал щедро наградить. Поэт Тенали Рамакришна, у которого были больные дети, решил, что коровье молоко лучше отдавать им. Подоив корову, он вскипятил молоко, налил его в чашку и ткнул туда кошачью морду. Обжегшись, кошка зашипела и вырвалась из рук. С тех пор при виде молока она спешила удрать. Когда пришел срок, царь спросил гневно, почему кошка Рамакришны такая худая и страшная. Поэт ответил, что она совсем не пьет молока. Царь не поверил и велел поставить перед кошкой горшок с молоком. И что же? Кошка злобно зашипела, опрокинула лапой горшок и выбежала из дворца. Царь удивился и попросил Рамакришну рассказать, как было дело. После этого случая слова «Кошка Тенали Рамакришны» стали пословицей. Если теперь люди телугу видят, как кто-нибудь взрослый — мать, отец или старший брат — старается показать, что ребенок, который стоит рядом с ними, не любит сладких пирожных или красивых игрушек, они смеются и говорят: «Все понятно! Это же кошка Рамакришны!»* [92, 505].

Подобных сказок, басен и шванков, объясняющих возникновение и знаковый смысл различных пословичных изречений, можно привести сколько угодно.

Многие фольклорные тексты посвящены рассказу о том, как моделируются ситуации. Делается это обычно так: некто

(как правило, могущественный правитель) совершает неблаговидный поступок, однако сам не осознает всю глубину его несправедливости. Тогда шут или хитрец типа Насреддина поступает аналогичным образом, направляя действие против самого виновника. Тот сразу же понимает, в чем дело, и восстанавливает справедливость. Характерным примером такого текста может служить индийская сказка о хитроумном Бирбале. В ней, в частности, рассказывается, как *падишах Акбар обещал человеку, который простоит ночь в холодной воде, выплатить 100 золотых. Один бедняк согласился на это испытание и с трудом выдержал его. Однако падишах отказался платить, ссылаясь на то, что бедняк смотрел ночью на горевшую вдалеке свечу и согревался ее теплом. Тогда Бирбал, служивший советником у Акбара, поставил четыре высоких шеста, укрепил на них котелок с водой, а внизу под ним развел огонь. Он сказал, что не явится во дворец, пока не сварит в котелке кашу. На замечание падишаха, что на таком расстоянии от огня каша никогда не сможет свариться, Бирбал напомнил ему о происшествии с бедняком* [92, 495].

Наиболее простым случаем такого моделирования является известный рассказ о том, как хитрец расплачивается за запах пищи звоном монет. Нередко от подобных рассказов ведут свое начало пословицы и поговорки.

Достаточно широко освещен в фольклоре вопрос о вариативности языковых клише и логической трансформации запечатленных в них ситуаций. Этому посвящено много различных текстов, начиная с коротких изречений и кончая сказками. Сошлемся для примера на два сходных афоризма, говорящих о вариативности сказок: *У сказки семь начал* [73, 127] и *У сказки семь концов* [81, 451][15]. Что касается трансформации, то она лучше всего показана в повествованиях о прославленных хитрецах, попадающих в глупое положение. Таковы, например, многочисленные сказки о «самых хитрых» животных — лисе, пауке, зайце, кролике, черепахе, шакале и обезьяне, которых одурачивают другие (нехитрые) звери. Но пожалуй, наиболее показателен в этом отношении немецкий народный рассказ о том, как жители города Шильды (шильдбюргеры) из великих умников превратились в знаменитых глупцов [120, 182].

Таковы вкратце некоторые «естественные основания» предлагаемого нами подхода к толкованию и систематизации сложных языковых клише.

---

[15] Чтобы верно понять приведенные изречения, следует учесть, что число «семь» обычно используется в фольклоре в своем древнейшем значении, т. е. в смысле «много». Ср. русские пословицы: *Семь раз отмерь — один раз отрежь, Семеро одного не ждут* и т. п.

Перейдем теперь к вопросу о том, как соотносятся друг с другом уровни языка, типы клише и науки, их изучающие. Сразу оговоримся, что не собираемся разбирать этот вопрос сколько-нибудь подробно. Мы хотим только поставить его, поскольку такая постановка подготовлена предыдущим изложением.

Сопоставление разобранных нами типов клише (и вообще разных фольклорных текстов) между собой, и особенно соотношение их с дисциплинами, традиционно связываемыми с ними, обнаружило некоторые любопытные соответствия, на которые стоит обратить внимание. Приглядимся к соответствующей сводной таблице (см. табл. 19).

Острыми скобками обозначены границы уровней и дисциплин. Если такая скобка пересекает контурную черту таблицы, значит, данная дисциплина выходит за пределы схемы и распространяется также и на другие фольклорные и литературные жанры.

Под термином «семасиология» подразумевается раздел языкознания, изучающий смысловое значение слов и выражений.

Термином «поэтика в узком смысле» назван раздел теории литературы, занимающийся исследованием композиционных особенностей и языковых средств фольклорных и литературных произведений (в отличие от «поэтики в широком смысле» как науки о литературе вообще).

Под терминами «стилистика» и «риторика» подразумеваются соответствующие разделы языкознания и литературоведения, изучающие имеющиеся в языке и литературе (фольклоре) средства выразительности, только стилистика имеет дело (в нашем случае) с клишированными текстами, а риторика — с разовыми.

Все остальные названия используются в общепринятом смысле.

Как видно из таблицы, фольклористика (и литературоведение), с одной стороны, и паремиология (взятая в самых широких — практических — рамках) — с другой, совпадают друг с другом по охвату рассмотренных нами текстов. Правда, паремиология по существу ими и ограничивается, тогда как для фольклористики они составляют лишь часть изучаемого материала. Кроме того, паремиология делает основной упор на тексты до побасенок и загадок, а фольклористика — начиная от басен.

Далее, фольклористика оказывается дисциплиной более широкой, чем предмет, который она призвана изучать, т. е.

Таблица 19

Соотношение типов языковых клише, уровней языка и наук, их изучающих

Дисциплины плана содержания		< Семасиология	>	(иногда	даже) >				
			< (практически)	< фольклористика и литературоведение (в зависимости от генезиса текстов)					>
			< (практически)	< паремиология (собственно)		>	(практически)		>
			< фразеология (дисциплина)		>				
		< лексикология >							
Уровни плана содержания			< фразеология (инвентарь) в широком смысле		>				
		< лексика в широком смысле >							
		лексика в узком смысле	фразеология (инвентарь) в узком смысле	< фольклор и литература (в зависимости от генезиса текстов)					>
Клишированные тексты	синтетические клише	Слова (однокорневые и сложные)	**Фразеологизмы** (сращения и единства I и II)	**Поговорки** (и присловья) (типы А и Б)	**Пословицы** (и афоризмы) (типы В и Г)	Побасенки (и анекдоты) (тип Д)	Загадки (и шуточные вопросы) (тип К)	Басни (и шванки) (тип Ж)	Назидательные сказки (волшебные и бытовые) (тип И)
	аналитические клише	Аббревиатуры	Моделируемые фразеологические сочетания	Вспомогательные сказочные формулы, „деловые" изречения типов А и Б	„Деловые" изречения и скороговорки типов В и Г	„Деловые" тексты типа Д	Задачи, головоломки, „деловые" вопросы — — ответы	Рассказы о животных, „деловые" тексты типа Ж	Некоторые исторические предания, „деловые" тексты типа И
Неклишированные тексты	свободные (разовые) сочетания	———	Переменные синтагмы — элементы предложения	Переменные неполные предложения	Переменные полные предложения	Разовые сообщения типа сценки	Переменные вопросы с ответами	Небольшие разовые рассказы типа Ж	Развернутые разовые рассказы типа И
Уровни и дисциплины плана выражения		Морфология в узком смысле	< поэтика (дисциплина) в узком смысле						>
		< Морфология в широком смысле >							
			< синтаксис		>				
		< грамматика			>				
		< стилистика и риторика (дисциплина) в зависимости от характера текстов							>

фольклор. Дело в том, что наряду с собственно фольклорными произведениями она исследует также фразеологизмы, которые, вообще говоря, не входят в ее компетенцию.

В паремиологии различаются два диапазона: первый, основной, — собственно паремиология, предметом исследования которой являются различные изречения, в частности поговорки, пословицы и близкие к ним побасенки и загадки, а также соответствующие аналитические клише, и второй, более широкий, охватывающий дополнительно сходные с поговорками фразеологизмы, а также басни и сказки всех типов, поскольку они связаны с паремиями (либо изречения вытекают из них, либо сами они вырастают из изречений).

Судя по таблице, семасиология охватывает как лексику, так и фразеологию (инвентарь). Уже по одному этому ее трудно считать частью лексикологии.

Фразеология (дисциплина) и лексикология в значительной части совпадают. Но схема показывает и различия: лексикология распространяется на слова, а фразеология — на изречения типа пословиц и поговорок.

Между прочим, табл. 19 наглядно подтверждает высказывание Е. Д. Поливанова о том, что фразеология по отношению к лексике занимает такое же положение, как синтаксис по отношению к морфологии [см. 30, 19]. Пользуясь этой схемой, можно определить взаимные отношения и других уровней языка и филологических дисциплин.

Конечно, данная таблица, как и вообще всякая схема, обедняет действительность. Планы выражения и содержания, хотя и противостоят друг другу, на практике все время переплетаются и меняются местами: то, что в одном случае относится к содержанию, в другом служит лишь выразительным средством. На схеме это, естественно, не находит своего отражения. И все-таки в главном она верно передает суть дела.

* * *

Таковы в основных чертах наши соображения о принципах и путях построения универсальной теории клише.

V

ГЛАВА

О МОТИВИРОВКЕ ОБЩЕГО ЗНАЧЕНИЯ РАССМОТРЕННЫХ ЯЗЫКОВЫХ ФОРМ

Когда наши Заметки были уже написаны, нам показалось целесообразным дополнить их рядом соображений и уточнений, касающихся понятия мотивировки общего значения сложных языковых знаков. Как мы видели, это понятие является чрезвычайно существенным для классификации всех типов и видов текстов, рассмотренных нами. Между тем определение характера мотивировки некоторых языковых форм вызывает известные практические трудности, которые с помощью одной лишь интуиции не всегда можно одолеть. Совершенно очевидно, что помимо соответствующих общих описаний, данных в работе, характер мотивировки общего значения текстов следует определить более строго, опираясь на конкретные и четко различимые признаки. После того как все основные типы сложных языковых знаков уже описаны в какой-то единообразной системе и без особого труда могут быть охвачены единым мысленным взором, подобное определение стало практически доступным.

* * *

Напомним вкратце, что говорилось в двух предыдущих главах о языковой структуре текстов и формах их внутризнаковой связи.

Прежде всего, мы различаем несколько языковых конструктивных типов сочетания слов, т. е. сложных (или сверхсложных) знаковых образований:

1. Сочетания, образующие часть предложения. Таковы все фразеологические обороты и сходные с ними по функции свободные (переменные) синтагмы.

2. Сочетания, образующие предложения. Таковы, например, все пословицы и поговорки, приметы, омонимичные им свободные сочетания и вообще любые синтаксически правильные высказывания, обладающие соответствующей грамматической формой.

3. Сочетания, образующие короткую цепочку предложений, которая представляет элементарную сценку и может быть сведена к одному разговорному предложению. Таковы, например, побасенки, короткие (одномоментные) анекдоты и сходные с ними по структуре хозяйственные рекомендации или свободные сочетания вроде обычных информационных сообщений о каких-либо житейских событиях («Иванов сказал мне то-то и то-то. Я ответил, что целиком с ним согласен»).

4. Сочетания, образующие среднюю по длине цепочку предложений, которая представляет небольшое сюжетное повествование из нескольких сценок и которая не может быть сведена (без утраты деталей) к одному разговорному предложению. Таковы, например, басни, сюжетные анекдоты (шванки), некоторые «деловые» тексты и разного рода небольшие рассказы-были.

5. Сочетания, образующие длинную цепь предложений, которая представляет развернутое сюжетное повествование и состоит из целого ряда эпизодов. Таковы, например, все назидательные сказки, некоторые исторические предания, воспоминания свидетелей и участников знаменательных событий и разного рода репортажи.

6. Сочетания, образующие диалог, который состоит из вопроса и ответа. Таковы загадки, шуточные вопросы, счетные и логические задачи, «деловые» клише соответствующей формы и переменные вопросы с ответами.

Каждый из названных выше языковых конструктивных типов содержит тексты двух семиотических классов, в зависимости от характера связи составляющих данные тексты словесных знаков. К одному из них относятся все синтетические языковые клише, начиная от фразеологизмов и кончая назидательными сказками и загадками, а к другому — все аналитические клише, в том числе моделируемые фразеологические сочетания, разного рода хозяйственные изречения и другие «деловые» тексты, а также свободные сочетания слов и предложений, начиная от элементарных переменных синтагм и кончая большими фактографическими рассказами и интервью (за вычетом содержащихся в них «литературных» штампов).

Более точное соотношение перечисленных языковых, семиотических и паремиологических (или фольклорных) типов словосочетаний наглядно демонстрирует табл. 20.

Мы так детально изобразили соотношение перечисленных форм потому, что характер мотивировки общего значения

Таблица 20

Языковой тип сочетания	Семиотический тип (форма знаковой связи)	Паремиологический (или фольклорный) тип сочетания
Часть предложения (синтагма)	Синтетическая	Фразеологические сращения Фразеологические единства I Фразеологические единства II
	Аналитическая	Фразеологические сочетания Переменные синтагмы
Предложение	Синтетическая	Пословицы (и поговорки) Афоризмы (и присловья)
	Аналитическая	Приметы и другие „деловые" изречения Переменные предложения
Короткая цепочка предложений, представляющая элементарную сценку	Синтетическая	Побасенки Анекдоты (одномоментные)
	Аналитическая	Устойчивые „деловые" тексты Разовые сообщения
Средняя цепочка предложений, представляющая небольшое сюжетное повествование	Синтетическая	Басни Сюжетные анекдоты (шванки)
	Аналитическая	Устойчивые „деловые" тексты Небольшие разовые рассказы
Длинная цепь предложений, представляющая развернутое сюжетное повествование	Синтетическая	Назидательные волшебные сказки Назидательные бытовые сказки
	Аналитическая	Устойчивые „деловые" тексты Большие разовые рассказы
Диалог, состоящий из вопроса и ответа	Синтетическая	Загадки Шуточные вопросы
	Аналитическая	Счетные задачи, головоломки и устойчивые „деловые" тексты Переменные вопросы и ответы

всех интересующих нас текстов, как будет показано ниже, находится в определенной и строгой зависимости от их языковой и семиотической структуры. Впрочем, это и не удивительно, ведь само отнесение текста к тому или иному паремиологическому типу зависит от характера его мотивировки.

Итак, что же следует понимать под этим столь часто употребляемым нами термином?

В своем месте (см. стр. 11—12), говоря о пословично-поговорочных изречениях, мы отмечали, что названные клише распадаются на два класса по способу организации их общего смысла. У одних этот смысл непосредственно вытекает из смыслов составляющих данные тексты слов (например, у афоризма *Сколько мудрецов, столько и мнений* и т. п.), а у других — связан с ним через образ (например, у пословицы *Без луны звезды светят ярче* и т. п.). Один из таких способов, а именно тот, при помощи которого построена пословица «про луну и звезды», был назван нами образной, а другой (при помощи которого построен афоризм про мудрецов) — прямой мотивировкой общего значения.

Далее мы несколько раз дополняли данное определение, отмечая связь между прямым и переносным смыслами слов, зависимость характера мотивировки от наличия тех или иных компонентов и т. д. и т. п., и указывали, что оно относится ко всем языковым и семиотическим типам текстов.

Рассмотрим теперь этот вопрос более подробно, с учетом всех разобранных или упомянутых в предыдущих главах свойств и признаков, так или иначе связанных с мотивировкой общего значения.

Прежде всего отметим, что все подобные признаки разбиваются на две группы: 1) те, что относятся ко всему тексту в целом (например, наличие или отсутствие мотивировки его общего смысла) и 2) те, что относятся исключительно к его компонентам (например, наличие или отсутствие в данном тексте слов, употребляемых в прямом смысле). Признаки первой группы мы будем называть о б щ е т е к с т о в ы м и, а признаки второй — к о м п о н е н т н ы м и.

Разумеется, не все общетекстовые и компонентные признаки одинаково важны для настоящей главы. Поэтому мы остановимся здесь только на двенадцати наиболее существенных из них, которые в своей совокупности дают достаточно полное представление о характере и основных особенностях мотивировки.

Одним из таких общетекстовых признаков, безусловно, является л е к с и ч е с к а я и с и н т а к с и ч е с к а я к л и ш и р о в а н н о с т ь т е к с т а. Чтобы убедиться в его важности, достаточно сравнить какой-нибудь устойчивый (т. е. клиши-

рованный) фразеологический оборот, например *выносит сор из избы,* с омонимичным ему переменным (т. е. неклишированным) сочетанием слов. Смысловая разница между этими словосочетаниями оказывается огромной.

Другим существенным общетекстовым признаком следует считать наличие или отсутствие мотивировки, т. е. выводимость или невыводимость общего смысла текста из смысла составляющих данный текст слов. Например, пословица *Прямые деревья рубят раньше других* или афоризм *Сила места больше силы человека,* смысл которых тем или иным способом определяется смыслом их компонентов, резко отличаются от фразеологических сращений, к примеру *навострил лыжи* или *не солоно хлебавши,* смысл которых совершенно не мотивирован смыслом слов, образующих эти клише, т. е. никак не выводится из него.

Третьим и четвертым общетекстовыми признаками следует назвать возможность или невозможность переносного (или расширительного) толкования текста при наличии в нем прямых компонентов и возможность или невозможность прямого толкования текста — при наличии переносных компонентов (т. е. отдельных слов, имеющих переносный смысл).

Сравним для примера, пословицу *Когда много кормчих, корабль разбивается,* афоризм *Все беды человека от его языка* и примету *Утренний гость* (т. е. дождь) — *до обеда, вечерний гость — до утра.* Во всех трех приведенных изречениях имеются знаменательные слова, употребляемые в своем прямом смысле. В пословице это — «много», в афоризме — «все», «беды», «человек» и «его», в примете — «утренний», «обед», «вечерний» и «утро». Так вот, первые два изречения, т. е. пословицу «о кормчих и корабле» и афоризм о бедах человека, можно толковать в расширительном или переносном смысле. Под словом «кормчий», например, можно понимать учителя, опекуна или начальника и т. д., под словом «корабль» — ребенка, человека вообще, какое-нибудь дело и многое другое, под словом «язык» можно подразумевать слова, речь, болтовню и т. п. Что же касается приметы, то ее никак нельзя истолковать в переносном смысле. Ее общий смысл всегда будет таков: «Если дождь начался утром, он кончится до обеда, а если он начался вечером, то кончится (лишь) к утру».

С другой стороны, те же три изречения содержат слова, употребляемые (в рамках данного текста) в переносном, непрямом смысле. О соответствующих компонентах пословицы и афоризма мы только что говорили. Переносное слово («гость» в значении «дождь») содержится и в примете. Тем

не менее два из трех наших изречений могут употребляться (и употребляются) в прямом общем смысле (таковы афоризм и примета), а одно (пословица) — не может.

Пятым общетекстовым признаком является обязательность или необязательность метафорического толкования текста. Сравним какую-нибудь пословицу или побасенку (например: *Балка нужника упрекает мельничную сваю за грязь* или *Решето говорит шумовке: «Уж больно ты, сестрица, дырява»*) с любым афоризмом или анекдотом на ту же тему (например: *Человек замечает недостатки других, но только не свои* или *Араб арабу говорит: «У тебя лицо черное»*). И сразу же станет ясно, что пословица и побасенка требуют обязательного метафорического истолкования, тогда как афоризм и анекдот могут быть поняты и без него.

Последним, шестым, общетекстовым признаком оказалась обязательная или необязательная однозначность текста при условии его синтаксической членимости. Так, любое «деловое» изречение, например примета *Красный огонь в печи — к морозу, белый — к оттепели* или сельскохозяйственная рекомендация *Арахис сажай на супесках, пшеницу — на суглинках,* всегда понимается строго однозначно, тогда как любой афоризм, например *Каждый доволен своим умом,* и даже переменное сочетание слов, к примеру какое-нибудь неожиданное изречение оракула, не говоря уже о пословицах, допускают расширительное толкование и могут относиться к различным объектам.

Из числа наиболее существенных компонентных признаков в первую очередь следует назвать возможность или невозможность всех лексических компонентов текста иметь прямое значение. Легко убедиться, что одни тексты, в частности фразеологические сочетания вроде *идти пешком* или свободные (переменные) предложения типа *Мальчик читает книгу,* могут целиком состоять из одних прямых компонентов, т. е. слов, употребляемых в своем прямом смысле. О пословицах же такого сказать нельзя: они могут содержать лишь отдельные «прямые» слова (например: *Неудачника и на верблюде собака укусит*), а в своем подавляющем большинстве вообще не имеют ни одного прямого компонента (к примеру: *Стоячая вода протухает*).

Вторым компонентным признаком (а точнее, сразу двумя: вторым **а** и вторым **б**) является возможность или невозможность всех компонентов текста иметь переносное [а) метафорическое и б) метафорическое

плюс неметафорическое] значение. Тот факт, что некоторые тексты могут целиком состоять из одних переносных компонентов, следует хотя бы из только что приведенной пословицы «про стоячую воду». Противоположный пример являют различные «деловые» тексты, т. е. правовые, медицинские, хозяйственные и прочие наблюдения и рекомендации. Все они принципиально не могут содержать одни лишь переносные компоненты, хотя отдельные их слова бывают иносказательными [ср. *Много комаров — готовь коробов* (плетенок по ягоду), *много мошек — готовь лукошек* (по грибы)].

В свою очередь тексты, состоящие из одних переносных компонентов, могут резко отличаться один от другого по характеру самого смыслового переноса. Таково, например, различие между пословицами типа *Павшая корова — молочная* и афоризмами типа *Язык острее меча.* В первом случае имеет место исключительно метафорический перенос, а во втором — как метафорический (среднее слово), так и неметафорический перенос значения (два крайних слова)[1].

Третьим компонентным признаком следует считать обязательное или необязательное наличие в тексте хотя бы одного прямого компонента. Оказывается, что одни тексты, как, например, приметы или хозяйственные изречения, непременно содержат такой компонент. Другие же могут его и не иметь: таковы, к примеру, пословицы и афоризмы, наподобие приведенных в предыдущем абзаце.

Четвертым, не менее важным признаком является обязательное или необязательное наличие в тексте переносного компонента. Именно этот признак отличает фразеологические единства I, пословицы, поговорки и побасенки от всех других сложных клише и сходных с ними по языковой структуре текстов. Так, невозможно отыскать пословицу или поговорку, которые не содержали бы хотя бы одного слова, употребляемого в переносном смысле. Между тем все остальные тексты, имеющие вид предложения, вполне могут обойтись без него: ср., например, примету *Галки стаями летают — к дождю,* афоризм *Лучше быть вдовой храбреца, чем женой труса* или переменное предложение *Лермонтова убили, когда ему было двадцать шесть лет.*

И наконец, пятым существенным компонентным признаком будет возможность или невозможность многозначного толкования компонентов текста (хотя бы одного). По этому признаку различаются, напри-

[1] В данном примере два крайних слова употреблены в качестве метонимии. Однако в афоризмах встречаются и другие виды неметафорического переноса значений, в частности ирония, гипербола и литота.

мер, «деловые» тексты и сходные с ними афоризмы и переменные сочетания. Так, ни один лексический компонент сельскохозяйственной рекомендации *С Митрофания сей лен и гречу* нельзя понимать многозначно, несмотря на то что не все они прямые (имя святого Митрофания употреблено здесь в переносном смысле, как метонимическое обозначение 4-го июня). В то же время одно из слов афоризма *Старики своих бородавок не лечат,* сплошь состоящего из прямых компонентов, можно толковать многозначно: под «бородавками», в частности, можно понимать любые несерьезные заболевания.

Теперь разберем по указанным признакам все рассмотренные ранее (и сведенные в табл. 20) сложные и сверхсложные языковые знаки.

Начнем разбор с наименее сложных единиц, а именно тех, которые выступают в качестве частей предложения, т. е. разного рода фразеологических оборотов и соответствующих им элементарных переменных синтагм. Если взять верхнюю часть табл. 20 и дополнить ее двенадцатью вертикальными столбцами по числу существенных общетекстовых и компонентных признаков, а затем отметить знаками (+) и (—), какие признаки присущи тем или иным паремиологическим типам сочетаний, то получится следующая матрица (см. табл. 21).

В самом деле, все фразеологические сращения, независимо от их понятийных и функциональных типов[2], обладают только первыми двумя признаками — клишированностью и отсутствием мотивировки — и лишены всех остальных, так как не имеют никаких осмысленных компонентов.

В отличие от сращений фразеологические единства I, т. е. синтаксически нечленимые языковые обороты с образной мотивировкой общего значения (более или менее выраженной), имеют совершенно иной набор признаков: А. Общетекстовых: 1) они клишированы, 2) обладают мотивировкой, 3) допускают (и даже требуют) переносного толкования при наличии прямых компонентов, 4) не могут быть истолкованы прямо при наличии переносных компонентов, 5) обязательно употребляются в метафорическом смысле; Б. Компонентных: 1) все их компоненты не могут быть прямыми, 2) все их компоненты могут быть переносными, причем перенос будет метафорическим, 3) наличие прямого компонента для них не

[2] В том числе и фразеологизмы-термины, соответствующие существительным, вроде названия лампы *летучая мышь,* и собственно фразеологизмы, соответствующие глаголам, вроде *дал дуба,* и служебные фразеологизмы, соответствующие модальным словам, вроде *чего доброго,* и все прочие виды фразеологических сращений (см. Приложение, стр. 149).

Таблица 21

Дистрибуция общетекстовых и компонентных признаков для форм, выступающих в качестве элементов предложения

Языковой тип сочетания	Семиотический тип (форма знаковой связи)	Паремиологический (или фольклорный) тип сочетания	А. Общетекстовые признаки						Б. Компонентные признаки					
			1. Клишированность	2. Отсутствие мотивировки	3. Возможность переносного толкования при наличии прямых компонентов	4. Возможность прямого толкования при наличии переносных компонентов	5. Обязательная метафоричность общего значения	6. Обязательная однозначность текста при его синтаксической членимости	1. Все компоненты могут быть прямыми	2. Все компоненты могут быть переносными: а) метафорический перенос	2. Все компоненты могут быть переносными: б) метафорический + неметафорический перенос	3. Обязательно наличие прямого компонента	4. Обязательно наличие переносного компонента	5. Возможна многозначность компонентов (хотя бы одного)
Элемент предложения	синтетические	фразеологические сращения	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		фразеологические единства I	+	—	+	—	+	—	—	+	—	—	+	+
		фразеологические единства II	+	—	+	+	—	—	+	—	+	—	—	+
	аналитические	фразеологические сочетания	+	—	—	+	—	+	+	—	—	+	—	—
		переменные синтагмы	—	—	+	+	—	—	+	+	+	—	—	+
№ вертикального столбца			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

обязательно, 4) наличие переносного компонента для них обязательно, 5) отдельные их компоненты могут быть истолкованы в нескольких смыслах[3].

Фразеологические единства II, т. е. синтаксически нечленимые обороты с прямой мотивировкой общего значения, отличаются от единств I двумя общетекстовыми (4 и 5) и четырьмя компонентными (1, 2а, 2б и 4) признаками. Во-первых, единства II допускают прямое толкование при наличии переносных компонентов; во-вторых, не требуют обязательного метафорического переноса общего значения; в-третьих, могут содержать одни прямые компоненты; в-четвертых, могут состоять из одних переносных компонентов лишь при условии, что хотя бы один из них будет иметь неметафорический перенос смысла, и, в-пятых, для них не обязательно наличие переносного компонента.

Моделируемые фразеологические сочетания, т. е. устойчивые, но членимые языковые обороты, отличаются от фразеологических единств I четырьмя общетекстовыми (3, 4, 5 и 6) и пятью компонентными (1, 2а, 3, 4 и 5), а от фразеологических единств II — двумя общетекстовыми (3 и 6) и тремя компонентными (2б, 3 и 5) признаками. В частности, они не допускают никакого переносного толкования при наличии прямых компонентов, но допускают (и даже требуют) прямого толкования при наличии переносных компонентов; для них не обязателен (и даже недопустим) метафорический перенос общего значения и совершенно обязательна его однозначность. Далее, фразеологические сочетания могут содержать все прямые компоненты, но не могут состоять из одних переносных; для них обязательно наличие прямого компонента и не обязательно наличие переносного, и, наконец, они не допускают многозначного толкования хотя бы одного своего слова.

Переменные синтагмы, или свободные сочетания слов, синтаксически эквивалентные фразеологическим клише и, следовательно, выступающие в виде частей предложения, также имеют свой набор признаков, отличный от набора рассмотренных выше форм. Так, от фразеологических единств I они отличаются тремя общетекстовыми (1, 4 и 5) и тремя компонентными (1, 2б и 4) признаками, от фразеологических единств II — одним общетекстовым (1) и одним компонентным (2а), а от фразеологических сочетаний — тремя общетекстовыми (1, 3 и 6) и четырьмя компонентными (2а, 2б, 3 и 5) признаками. Прежде всего, переменные синтагмы не содержат

---

[3] Нам кажется нецелесообразным приводить здесь примеры, иллюстрирующие перечисленные признаки. Каждый, кто пожелает проверить сказанное, легко может сделать это сам, пользуясь данным в Приложении списком фразеологизмов всевозможных типов (см. стр. 149 и сл.).

постоянных лексических компонентов; во-вторых, они допускают как прямое, так и переносное толкование; в-третьих, они не требуют ни обязательного метафорического, ни обязательного прямого осмысления; в-четвертых, они могут состоять как из одних прямых, так и из одних переносных компонентов, и, наконец, в-пятых, отдельные их слова могут быть многозначными.

Как видно из табл. 21, каждый из описанных в ней типов сочетаний обладает своим неповторимым набором общетекстовых и компонентных признаков и при этом по крайней мере по одной паре упомянутых признаков находится в отношении дополнительной дистрибуции с любым другим типом той же языковой структуры. Все это позволяет четко разграничивать сходные по внешнему виду, но различные по существу сложные языковые знаки и создает практическое удобство для определения характера мотивировки, т. е. фактически для отнесения конкретных языковых форм к тому или иному семиотическому и паремиологическому типам.

Другой вывод, который напрашивается при первом же знакомстве с табл. 21, это — что существует определенная зависимость между набором компонентных и набором общетекстовых признаков как для каждого паремиологического типа, так и для их совокупности. В самом деле, отсутствие всех компонентных признаков, и только оно, соответствует наличию первого и второго общетекстовых, а наличие четырех компонентных (1, 2а, 2б и 5), и только оно, — отсутствию первого, второго, пятого и шестого общетекстовых. Иными словами, отсутствие всех компонентных признаков свидетельствует, что перед нами фразеологическое сращение, а возможность всех компонентов текста иметь как прямое, так и переносное значение и содержать отдельные многозначные слова при отсутствии всех других компонентных признаков говорит, что мы имеем дело с переменным, т. е. неклишированным, сочетанием. С другой стороны, для совокупности текстов, обладающих мотивировкой общего значения, т. е. для всех сочетаний слов, кроме фразеологических сращений, третий компонентный и шестой общетекстовой, а также четвертый компонентный и пятый общетекстовой признаки совпадают по распределению «плюсов» и «минусов». Это значит, что обязательное наличие прямого компонента всегда совпадает с обязательной однозначностью текста в целом, а обязательное наличие переносного компонента — с обязательной метафоричностью общего значения. В то же время пятый компонентный и шестой общетекстовой, третий компонентный и третий общетекстовой, четвертый компонентный и четвертый общетекстовой признаки находятся между собой в отношении

дополнительной дистрибуции. Иначе говоря, возможная многозначность хотя бы одного компонента исключает обязательную однозначность текста; обязательное наличие прямого компонента несовместимо с возможностью переносного толкования, а обязательное наличие переносного компонента — с возможностью прямого толкования общего значения.

Далее, из табл. 21 видно, что родственные в языковом отношении (в том числе, конечно, и совпадающие по своему лексическому составу) сложные знаки могут относиться к различным семиотическим и паремиологическим типам и, следовательно, иметь различный набор смысловых признаков. Другими словами, каждое словесное сочетание, выступающее в качестве элемента предложения, может иметь не один, а несколько разных смыслов. Действительно, легко показать, что любой фразеологический оборот может иметь лексический омоним в другом ряду клише и уж непременно имеет его в ряду переменных синтагм. Сравним, например, фразеологическое сращение *отдать концы* в смысле «умереть», фразеологическое единство II *отдать концы* в смысле «отчалить» (морской термин) и переменную синтагму *отдать концы* в буквальном смысле («[некто] о т д а л к о н ц ы каких-то вещей [своему приятелю]»). Как мы увидим дальше, то же самое можно сказать и о сочетаниях слов, выступающих в качестве целых предложений и их цепочек. А это, между прочим, означает, что по крайней мере для сложных языковых знаков омонимия является всеобщим свойством.

И наконец, табл. 21 показывает, что характер смыслового переноса компонентов (метафорический или неметафорический) имеет существенное значение для общего смысла текста. В частности, только метафорический перенос может сделать смысл всего словосочетания переносным, применение же иных тропов (метонимии, иронии, гиперболы и литоты) оставляет общий смысл прямым.

Точно такую же матрицу, какая изображена на табл. 21, только без первой горизонтальной строки, дают языковые формы, имеющие вид предложения (см. табл. 22). Первой строки, соответствующей фразеологическим сращениям, у этих форм нет потому, что их общий смысл всегда мотивирован смыслом компонентов.

Единственным существенным отличием данной матрицы от предыдущей следует считать то, что в с е описанные в ней сложные знаки обладают синтаксической членимостью и поэтому «минус» в шестом столбце в с е г д а о з н а ч а е т в о з м о ж н у ю н е о д н о з н а ч н о с т ь т е к с т а, тогда как в

предыдущей матрице «минус» мог означать и нечленимость текста.

Таблица 22

Дистрибуция общетекстовых и компонентных признаков для форм, выступающих в качестве предложения

Языковой тип сочетания	Семиотический тип сочетания	Паремиологический (или фольклорный) тип сочетания	А. Общетекстовые* признаки						Б. Компонентные* признаки					
			первый	второй	третий	четвертый	пятый	шестой	первый	второй		третий	четвертый	пятый
										а	б			
Предложение	синтетические	пословицы (и поговорки)	+	—	+	—	+	—	—	+	—	—	+	+
		афоризмы (и присловья)	+	—	+	+	—	—	+	—	+	—	—	+
	аналитические	«деловые» изречения	+	—	—	+	—	+	+	—	—	+	—	—
		переменные предложения	—	—	+	+	—	—	+	+	+	—	—	+
№ вертикального столбца			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

* Обозначение общетекстовых и компонентных признаков, представленных в данной таблице под порядковыми номерами, дано в табл. 21.

Нам думается, нет никакой нужды разбирать здесь табл. 22, ибо она идентична предыдущей (без первой ее строки)[4]. Скажем лишь, что при ее помощи легко определить, к какому семиотическому и паремиологическому типу относится интересующее нас изречение или соответствующее ему переменное сочетание слов в форме предложения.

Возьмем для примера самые «трудные» случаи:

а) изречение *Доброе слово опускает саблю,* все компоненты которого имеют переносный смысл, что свойственно и пословицам, и (реже) афоризмам;

---

[4] Что касается иллюстративных примеров, то читатель может найти их в Приложении (см. стр. 131, 191 и 200).

б) изречение *Каков корень — таковы и побеги,* содержащее как прямые, так и переносные компоненты, что также свойственно и пословицам, и (чаще) афоризмам;

в) изречение *Одна рюмка при жизни лучше трех на поминках,* состоящее из одних прямых компонентов, что наиболее характерно для «деловых» текстов, но нередко наблюдается и у афоризмов;

г) пословицу и омонимичную ей примету *Сильный дождь долго не идет;*

д) переменное сочетание и омонимичную ему пословицу *Банан дважды не плодоносит.*

Разберемся сначала с изречением *Доброе слово опускает саблю.* Как видно из таблицы, все компоненты могут быть переносными и у афоризма и у пословицы. Однако для пословицы обязателен исключительно метафорический перенос их значения, тогда как для афоризма — метафорический плюс неметафорический. В данном случае два слова, а именно «слово» и «сабля», употреблены в качестве метонимии[5] (т. е. имеют неметафорический перенос). Следовательно, перед нами не пословица, но афоризм.

Теперь рассмотрим изречение *Каков корень — таковы и побеги.* И у пословицы и у афоризма могут быть частично прямые, а частично переносные компоненты. Однако афоризм допускает при этом прямое толкование текста, а пословица не допускает. С другой стороны, пословица требует обязательной метафоричности общего смысла, а афоризм не требует. Данное изречение явно не может быть истолковано прямо: побег, строго говоря, никогда не бывает таким же, как корень (он может лишь соответствовать ему по качеству или по природе). К тому же в данном изречении речь, конечно, идет не о реальном корне и реальных побегах, а о более общих и важных вещах, лишь своим отношением друг к другу напоминающих корень и побеги (ср. со сходным по смыслу изречением *Какова мать, такова и дочь* или близким ему *Яблоко от яблони недалеко падает*). Иными словами, мы имеем здесь случай метафорического переноса общего значения, т. е. перед нами не афоризм, а пословица.

Изречение *Одна рюмка при жизни лучше трех на поминках* с первого взгляда можно расценить и как «деловую» рекомендацию, и как афоризм, поскольку и тот и другой типы клише могут состоять из одних прямых компонентов. Но если учесть, что афоризм допускает многозначность хотя бы одного из них, а «деловые» тексты этого не допускают, то сразу ста-

[5] Первое означает речь и духовное начало вообще, а второе — оружие и, шире, всякую материальную силу.

нет ясно, что перед нами не «деловой» текст, а афоризм. В самом деле, в приведенном изречении слово «рюмка» может означать и рюмку водки, и бокал вина, и вообще любое жизненное благо. Ни в одном «деловом» изречении такое невозможно: там каждое слово строго однозначно.

С двумя последними текстами (примеры **г** и **д**), представляющими случаи омонимии, можно правильно разобраться, лишь учитывая их речевой контекст, потому что именно в речи, и только в ней (по крайней мере в речи отправителя сообщения), лексическая омонимия снимается[6].

Если, к примеру, речь идет о сильном дожде и кто-то спрашивает, скоро ли он кончится, то приведенное ему в ответ изречение *Сильный дождь долго не идет* будет не пословицей, а кстати сказанной приметой, так как только примета имеет прямой и однозначный смысл (говорит о продолжительности сильного дождя и имеет в виду продолжительность сильного дождя), между тем как пословица лишь использует образ дождя, на самом же деле посвящена совсем не ему, а зависимости между силой и продолжительностью каких-либо процессов вообще. Если же речь идет о человеке, который весьма энергично взялся за какое-то дело, и кто-нибудь по его адресу заметит: *Сильный дождь долго не идет,* то в данном случае приведенное изречение будет уже не приметой, а пословицей, так как только пословица требует обязательного метафорического осмысления и не допускает прямого, однозначного толкования.

Точно таким же образом можно различить пословицу и омонимичное ей переменное сочетание слов. Когда кто-то описывает банан как определенный ботанический вид и при этом, в частности, сообщает, что «банан дважды не плодоносит», то мы воспринимаем взятые в кавычки слова в их непосредственном смысле — как один из элементов описания соответствующего вида растений. Но если те же слова («банан дважды не плодоносит») сказаны в переносном смысле и означают, что действие, о котором идет речь, нельзя повторить, то это уже будет пословица (ср. сходную *Глухому две обедни не служат*).

Перейдем теперь к сложным знакам, выступающим в виде короткой цепочки предложений, которая представляет элементарную сценку, т. е. к побасенкам, одномоментным анекдотам и соответствующим им по языковой структуре «деловым»

[6] Разумеется, если не считать выражений, специально рассчитанных на так называемую «игру слов».

клишированным текстам и разовым (т. е. неклишированным) сообщениям.

Дистрибутивная матрица для этих сверхфразовых форм (см. табл. 23) оказывается аналогичной двум предыдущим, т. е. тем, которые представлены в табл. 21 и 22.

Таблица 23

Дистрибуция общетекстовых и компонентных признаков для форм, выступающих в виде короткой цепочки предложений (сценки)

Языковой тип сочетания	Семиотический тип сочетания	Паремиологичес-кий (или фольк-лорный) тип сочетания	А. Общетекстовые признаки: первый	А: второй	А: третий	А: четвертый	А: пятый	А: шестой	Б. Компонентные признаки: первый	Б: второй а	Б: второй б	Б: третий	Б: четвертый	Б: пятый
Короткая цепочка предложений	синтетические	побасенки	+	—	+	—	+	—	—	+	—	—	+	+
		анекдоты (одномо-ментные)	+	—	+	+	—	—	+	—	[—]	[+]	—	+
	аналитические	«деловые» тексты-клише	+	—	—	+	—	+	+	—	—	+	—	—
		разовые сценки	—	—	+	+	—	—	+	+	+	—	—	+
№ вертикального столбца			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Примечание. В данной и следующих таблицах «плюсы» и «минусы», взятые в рамку (сплошную и пунктирную), указывают на признаки, отличные от тех, которые имеются в матрицах для предыдущих форм текстов.

Все, что отличает последнюю таблицу от предпоследней, заключено в девятом и десятом столбцах (второй **б** и третий компонентный признаки) второй горизонтальной строки, т. е. строки, касающейся анекдотов. В отличие от афоризмов или от фразеологических единств II, одномоментные анекдоты вообще не могут состоять из одних переносных компонентов и соответственно непременно имеют в своем составе прямые компоненты. Во всем остальном данная матрица абсолютно

тождественна предыдущей, в чем легко убедиться, обратившись к примерам, приведенным в Приложении (см. стр. 160 и сл.).

Сверхфразовые единства, представленные диалогом, состоящим из вопроса и ответа, т. е. загадки, шуточные вопросы, разного рода народные задачи, соответствующие по форме «деловые» клишированные тексты и переменные вопросы с ответами, дают сходную матрицу (см. табл. 24).

Таблица 24

Дистрибуция общетекстовых и компонентных признаков для форм, выступающих в виде диалога (вопрос и ответ)

Языковой тип сочетания	Семиотический тип сочетания	Паремиологический (или фольклорный) тип сочетания	А. Общетекстовые признаки						Б. Компонентные признаки					
			первый	второй	третий	четвертый	пятый	шестой	первый	второй: а	второй: б	третий	четвертый	пятый
Диалог (вопрос и ответ)	синтетические	Загадки	+	—	+	—	+	—	—	[—]	—	[+]	+	+
		Шуточные вопросы	+	—	+	+	—	—	+	—	[—]	[+]	—	+
	аналитические	Задачи, головоломки	+	—	—	+	—	+	+	—	—	+	—	—
		Переменные вопрсcы с ответами	—	—	+	+	—	—	+	+	+	—	—	+
№ вертикального столбца			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Как видно из таблицы, распределение общетекстовых и компонентных признаков у описанных в ней форм почти полностью совпадает с распределением тех же признаков у побасенок, одномоментных анекдотов и близких к ним по языковой структуре сверхфразовых единств, описанных в табл. 23.

Единственное отличие касается загадок. В противоположность побасенкам они не могут состоять из одних переносных компонентов и соответственно обязательно содержат хотя бы один прямой компонент (по меньшей мере о т в е т должен

быть прямым)[7]. В таблице это находит свое выражение в восьмом и девятом столбцах (второй **а** и четвертый компонентные признаки) первой горизонтальной строки, где вместо «плюса» предыдущей таблицы стоит «минус», а вместо «минуса» — «плюс».

Таким образом, каждая из трех последних таблиц (22, 23 и 24) вносит какой-то свой, новый элемент в исходную схему (табл. 21), оставаясь в то же время аналогичной ей по всем основным параметрам.

Если все четыре приведенные дистрибутивные матрицы свести воедино, получится следующая таблица (см. табл. 25 на стр. 122—123).

Несколько иную картину дает распределение общетекстовых и компонентных признаков у так называемых сверхсложных языковых знаков, т. е. таких, которые представляют комбинацию сложных, — независимо от того, каким способом эта комбинация осуществлена: простым объединением самостоятельных словосочетаний в одно большее или же включением одного из них в состав другого в качестве неотъемлемого компонента[8].

Прежде всего в части, относящейся к элементам предложения, нет строки, соответствующей фразеологическим сращениям, ибо последние, по определению, не разлагаются на компоненты и, следовательно, не могут быть сверхсложными. А это в свою очередь означает, что для сверхсложных форм нерелевантен второй общетекстовой признак. И если мы оставили его в таблице, то лишь для того, чтобы не менять порядка их нумерации.

Далее, во всех первых строчках всех языковых типов, начиная с третьего («Короткая цепочка предложений») и кончая пятым («Длинная цепь предложений»), будет один лишний «плюс» по сравнению с матрицами всех ранее рассмотренных, т. е. сложных, форм. Мы имеем в виду знак (+) в девятом столбце табл. 26 (второй **б** компонентный признак), который (+) означает, что сверхсложные побасенки, басни и назидательные волшебные сказки могут состоять из одних переносных компонентов, причем характер переноса может быть не только метафорическим (как, например, у пословиц и слож-

---

[7] Мы имеем в виду обычные загадки (см. прим. 1 на стр. 77).

[8] Ср., например, пословицы: *Лед ломается там, где тоньше; овчина рвется там, где сгнила* и одномоментный анекдот *Батька, ты пирог съел? — Ей-богу не я. — А хочешь еще? — Хочу.* О сверхсложных клише см. на стр. 93—94 настоящей работы.

ных побасенок), но и метафорическим плюс неметафорическим (как у афоризма типа *Доброе слово опускает саблю*). Это объясняется тем, что соответствующие сверхсложные тексты могут содержать в своем составе афоризмы или фразеологические единства II с неметафорически переносными компонентами, а наиболее крупные из них (например, сказки) — такого же типа анекдоты и шванки.

Во всем остальном дистрибуция смысловых признаков у сверхсложных форм полностью совпадает с их распределением у форм сложных (см. табл. 26 на стр. 126—127).

Действительно, сверхсложные фразеологические единства I вроде *открыл зеленую улицу, вылетел в трубу* или *прижал к ногтю* по двенадцати общетекстовым и компонентным признакам практически ничем не отличаются от обычных (сложных) фразеологических единств I, т. е. таких, как *виляет хвостом, язык заплетается, медвежий угол, одним словом* и т. п. Они также клишированы и не лишены мотивировки; допускают переносное толкование при наличии прямых компонентов и не допускают прямого при наличии переносных; требуют обязательного метафорического осмысления; не могут состоять из одних прямых и могут состоять из одних переносных компонентов, причем перенос будет метафорическим; не обязательно имеют прямой компонент и обязательно имеют переносный, и, наконец, хотя бы один из их компонентов может быть неоднозначным.

Точно такое же совпадение со сложными формами (по распределению признаков) можно видеть и у сверхсложных фразеологических единств II (ср., например, *Московская железная дорога* и просто *железная дорога, идут нога в ногу* и просто *нога в ногу*), и у сверхсложных фразеологических сочетаний (вроде *мчится что есть мочи* или *бежит изо всех сил*), а также у сверхсложных пословиц (вроде *Поросенок яичко снес, курочка объягнилась*), поговорок (*Дома бесится, а в людях — с ума сходит*) или афоризмов (*Умный женится, а дура замуж идет*) и т. д.

Впрочем, все это легко поддается проверке по табл. 26, так что нет смысла производить здесь соответствующий разбор: каждый желающий может справиться с ним самостоятельно, пользуясь приведенными примерами.

Чуть труднее установить совпадение (по набору общетекстовых и компонентных признаков) сверхсложных текстов со сложными, когда дело касается наиболее крупных сверхсложных форм, а именно басен, сюжетных анекдотов, сказок и сходных с ними (по языковой структуре) аналитических текстов. Причина в том, что у названных крупных форм простейшим составным компонентом обычно служит не отдельное сло-

Таблица 25

Характер мотивировки общего значения сложных знаковых форм
(Дистрибуция общетекстовых и компонентных признаков)

Языковой тип сочетания	Семиотический тип (форма знаковой связи)	Паремиологический (или фольклорный) тип сочетания	А. Общетекстовые признаки						Б. Компонентные признаки					
			1. Клишированность	2. Отсутствие мотивировки	3. Возможность переносного толкования при наличии прямых компонентов	4. Возможность прямого толкования при наличии переносных компонентов	5. Обязательная метафоричность общего значения	6. Обязательная однозначность текста при его синтаксической членимости	1. Все компоненты могут быть прямыми	2. Все компоненты могут быть переносными: а) метафорический перенос	2. Все компоненты могут быть переносными: б) метафорический + неметафорический перенос	3. Обязательно наличие прямого компонента	4. Обязательно наличие переносного компонента	5. Возможна многозначность компонентов (хотя бы одного)
Элемент предложения	Синтетич.	Фразеологические сращения	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		Фразеологические единства I	+	—	+	—	+	—	—	+	—	—	+	+
		Фразеологические единства II	+	—	+	+	—	—	+	—	+	—	—	+
	Аналитич.	Фразеологические сочетания	+	—	—	+	—	+	+	—	—	+	—	—
		Переменные синтагмы	—	—	+	+	—	—	+	+	+	—	—	+

			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Предложение	Синтетич.	Пословицы (и поговорки)	+	—	+	—	+	—	—	+	—	—	+	+
		Афоризмы (и присловья)	+	—	+	+	—	—	+	—	+	—	—	+
	Аналитич.	«Деловые» изречения	+	—	—	+	—	+	+	—	—	+	—	—
		Переменные предложения	—	—	+	+	—	—	+	+	+	—	—	+
Короткая цепочка предложений	Синтетич.	Побасенки	+	—	+	—	+	—	—	+	—	—	+	+
		Анекдоты одномоментные	+	—	+	+	—	—	+	—	[—]	[+]	—	+
	Аналитич.	«Деловые» сценки-клише	+	—	—	+	—	+	+	—	—	+	—	—
		Разовые сценки	—	—	+	+	—	—	+	+	+	—	—	+
Диалог (вопрос и ответ)	Синтетич.	Загадки	+	—	+	—	+	—	—	[—]	—	[+]	+	+
		Шуточные вопросы	+	—	+	+	—	—	+	—	[—]	[+]	—	+
	Аналитич.	Задачи, головоломки	+	—	—	+	—	+	+	—	—	+	—	—
		Переменные вопросы с ответами	—	—	+	+	—	—	+	+	+	—	—	+
№ вертикального столбца			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

во (хотя и такие случаи возможны), но конструктивный элемент композиционного плана[9] («мотив»), т. е. чаще всего целая сценка или эпизод.

Возьмем для примера уже известную нам басню хауса «Две лягушки» (см. стр. 57). Она состоит из нескольких компонентов, большинство из которых представляет собой сложные языковые знаки: 1) *Однажды*; 2) *Две лягушки упали в калебас с молоком. Долго они барахтались там, но выбраться не могли;* 3) *Одна лягушка сказала: «Сегодня моя жизнь окончилась». Она перестала двигаться и утонула*; 4) *А вторая лягушка продолжала бить лапами. Образовалось масло. Лягушка влезла на ком масла, подпрыгнула и выскочила из калебаса;* 5) *Аллах сказал: «Поднимайся сам, и я помогу тебе».* Как мы видим, здесь по меньшей мере пять компонентов. Первые четыре из них (рассказ «о лягушках») имеют метафорически переносный смысл, а последний («мораль») — прямой. Вся же басня в целом явно представляет собой аллегорию и, конечно же, повествует не о лягушках и сосуде с молоком, а о людях и их различном отношении к судьбе.

Если теперь разобрать приведенную басню по нашим двенадцати признакам, то окажется, что она целиком совпадает с обычными (сложными) побасенками, описанными в табл. 23 или соответствующей части табл. 25. Однако возможен и такой случай, когда включенный в басню прямой компонент будет метонимией или иным видом тропа (кроме метафоры). Поэтому в соответствующем (девятом) столбце табл. 26 у нас и стоит знак (+).

Проделав аналогичную операцию с какой-нибудь назидательной волшебной сказкой типа сказки о жадной старухе (сюжет № 555 по Указателю Аарне — Андреева) или сказки о Правде и Кривде (сюжет № 613), мы убедимся, что и там дело обстоит точно так же[10].

Таким образом, дистрибутивная матрица для сверхсложных форм (табл. 26) принципиально ничем не отличается от соответствующей матрицы для форм сложных (табл. 21—25). Поэтому все основные выводы, которые были сделаны нами из предыдущих таблиц (см. стр. 110—120), полностью относятся и к последней. Но из самого этого факта (совпаде-

---

[9] См. гл. III, стр. 59 и сл.

[10] Следует, однако, лишний раз подчеркнуть, что это относится только к назидательным или поучительным сказкам и не касается тех, которые строятся по описанной В. Я. Проппом схеме, будь то собственно волшебные вроде сказки об Иване-царевиче (сюжет № 550 по Указателю Аарне — Андреева), героические вроде сказки о Победителе Змея (сюжет № 300) или животные вроде сказки о Волке и Козлятах (сюжет № 123 по тому же Указателю).

ния выводов) следует еще одно важное заключение: все рассмотренные нами языковые формы, и в первую очередь все клишированные синтетические тексты, как сложные, так и сверхсложные, в смысловом отношении оказываются близкими друг к другу и потому нередко выступают в речи в одной и той же функции.

Между прочим, на это обстоятельство обратил внимание еще А. А. Потебня. В своих лекциях по теории словесности, читанных им в Харьковском университете в 80-х годах прошлого века, он говорил, что басни, пословицы и поговорки фактически используются в речи как постоянные сказуемые при переменных подлежащих [21, 10]. И, подчеркивая смысловое сходство названных форм, высказал идею о «свертывании» и «развертывании» текстов, т. е. сведении басен и сказок к пословицам или поговоркам и, напротив, развитии пословиц и поговорок в большие сюжетные повествования [там же, стр. 91—98][11]. Именно на этой основе Потебня пришел к чрезвычайно важному и, как нам кажется, еще по достоинству не оцененному выводу о том, что привычный (пословичный и басенный) художественный образ «дает нам... возможность замещать массу разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами» [там же, стр. 97].

Впрочем, это уже выходит за рамки нашей нынешней темы и будет обсуждено в специальной статье.

В заключение считаем необходимым остановиться на одном, казалось бы чисто техническом, вопросе и объяснить читателю, почему мы изменили обозначение прямой и образной мотивировки общего значения текстов (индекс I сменили на II, а индекс II — на I) по сравнению с нашей предыдущей книгой [см. 19].

Как было показано выше, пословицы с поговорками и афоризмы с присловьями (а соответственно и другие пары клишированных художественных текстов) допускают переносное толкование. Но полнее и ярче это свойство выражено как раз у пословиц и поговорок (в других языковых типах — у образных фразеологизмов, побасенок, басен, загадок и волшебных назидательных сказок). К тому же именно они составляют подавляющее большинство текстов своего языкового типа. Но и

[11] Во избежание недоразумений отметим, что «развертывание» текста следует отличать от внешне сходного с ним «дополнения». «Дополнение» обязательно меняет смысл текста (ср., например: *Тише едешь — дальше будешь...* от того места, куда едешь или *Пьяному море по колено...* а лужа по шею, тогда как при «развертывании» исходный смысл полностью сохраняется.

Таблица 26

Характер мотивировки общего значения сверхсложных знаковых форм (Дистрибуция общетекстовых и компонентных признаков)

Языковой тип сочетания	Семиотический тип (форма знаковой связи)	Паремиологический (или фольклорный) тип сочетания	А. Общетекстовые признаки: 1. Клишированность	А. 2. Отсутствие мотивировки	А. 3. Возможность переносного толкования при наличии прямых компонентов	А. 4. Возможность прямого толкования при наличии переносных компонентов	А. 5. Обязательная метафоричность общего значения	А. 6. Обязательная однозначность текста при его синтаксической членимости	Б. Компонентные признаки: 1. Все компоненты могут быть прямыми	Б. 2. Все компоненты могут быть переносными: а) метафорический перенос	Б. 2. б) метафорический + неметафорический перенос	Б. 3. Обязательно наличие прямого компонента	Б. 4. Обязательно наличие переносного компонента	Б. 5. Возможна многозначность компонентов (хотя бы одного)
Элемент предложения	Синтетическая	Фразеологические единства I	+	—	+	—	+	—	—	+	—	—	+	+
		Фразеологические единства II	+	—	+	+	—	—	+	—	+	—	—	+
	Аналитическая	Фразеологические сочетания	+	—	—	+	—	+	+	—	—	+	—	—
		Переменные синтагмы	—	—	+	+	—	—	+	+	+	—	—	+
Предложение	Синтетич.	Пословицы (и поговорки)	+	—	+	—	+	—	—	+	—	—	+	+
		Афоризмы (и присловья)	+	—	+	+	—	—	+	—	+	—	—	+
	Аналитич.	«Деловые» изречения	+	—	—	+	—	+	+	—	—	+	—	—
		Переменные предложения	—	—	+	+	—	—	+	+	+	—	—	+

			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Короткая цепочка предложений	Синтетич.	Побасенки	+	−	+	−	+	−	−	+	[+]	−	+	+
		Анекдоты (одномоментные)	+	−	+	+	−	−	+	−	[−]	[+]	−	+
	Аналитич.	«Деловые» сценки-клише	+	−	−	+	−	+	+	−	−	+	−	−
		Разовые сценки	−	−	+	+	−	−	+	+	+	−	−	+
Средняя цепочка предложений	Синтетич.	Басни	+	−	+	−	+	−	−	+	[+]	−	+	+
		Шванки (сюжетн. анекдоты)	+	−	+	+	−	−	+	−	[−]	[+]	−	+
	Аналитич.	«Деловые» тексты-клише	+	−	−	+	−	+	+	−	−	+	−	−
		Небольшие разовые рассказы	−	−	+	+	−	−	+	+	+	−	−	+
Длинная цепь предложений	Синтетич.	Назидательные волшебные сказки	+	−	+	−	+	−	−	+	[+]	−	+	+
		Назидательные бытовые сказки	+	−	+	+	−	−	+	−	[−]	[+]	−	+
	Аналитич.	«Деловые» тексты-клише	+	−	−	+	−	+	+	−	−	+	−	−
		Большие разовые рассказы	−	−	+	+	−	−	+	+	+	−	−	+
Диалог (вопрос и ответ)	Синтетич.	Загадки	+	−	+	−	+	−	−	[−]	−	[+]	+	+
		Шуточные вопросы	+	−	+	+	−	−	+	−	[−]	[+]	−	+
	Аналитич.	Задачи, головоломки, «деловые» тексты	+	−	−	+	−	+	+	−	−	+	−	−
		Переменные вопросы-ответы	−	−	+	+	−	−	+	+	+	−	−	+
№ вертикального столбца			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

это не все. Если уж обозначать прямую мотивировку индексом I, то тогда следует отнести этот индекс опять же не к афоризмам (и соответственно «прямым» фразеологизмам, анекдотам, шуточным вопросам и т. д.), а к «деловым» текстам, ибо последние куда более «прямы», чем афоризмы. Однако «деловые» тексты, как мы видели, тоже не являются первыми, если и начинать отсчет с другой стороны (т. е. не со стороны пословиц), и, что особенно важно, вообще не относятся к числу художественных или относятся к ним условно. Так что «само собой разумеющееся» утверждение о естественной первоочередности афоризма перед пословицей (и соответственно других «прямых» художественных клише перед образными) является весьма сомнительным, а новая система обозначений — более обоснованной.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ТЕКСТЫ (ОБРАЗЦЫ)

РУССКИЕ ПОСЛОВИЧНЫЕ ИЗРЕЧЕНИЯ РАЗЛИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЫ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В СБОРНИКЕ В. И. ДАЛЯ (82)

ПОГОВОРКИ

Конструктивный тип А

(Незамкнутые частные предложения с эллипсисом или местоименной заменой главного члена)

I Собственно поговорки

IA1+... а[1]	Пустил козла в огород.
IA1+... б	Метил в ворону, а попал в корову.
IA1+! а	Жди у моря погоды!
IA1+! б	Влез по пояс, полезай и по горло.
IA1+? б	Хорошо летаешь, да где-то сядешь?
IA1—... а	Он по яйцам пройдет, ни одного не раздавит.
IA1—... б	В чужом глазу видит пылинку, а в своем и бревна не замечает.
IA1—! а	Зарубай, сглаживай, да никому не сказывай!
IA1—! б	Не сули собаке пирога, а кинь краюху!
IA2+... а	На что ни взглянет — все вянет.
IA2+... б	Молодец против овец, а против молодца — сам овца.
IA2+! а	Толки воду, чтоб пыль шла!
IA2+! б	Сам накрошил, сам и выхлебай!
IA2+? а	Невидаль — корову купил: будет ли на лето трава?
IA2—... а	Невелика болячка — да сесть не дает.
IA2—... б	Молока не хлебнет в пятницу, а молочнице и в великую субботу не спустит.
IA2—! а	Не учи хромать, у кого и так ноги болят.

II Присловья

IIA1+... а	Он нашему слесарю троюродный кузнец.
IIA1+... б	Был свой, а стал чужой.
IIA1+! а	Знай сметку, умирай скорчась!
IIA1+! б	Умел дитя родить, умей и научить!
IIA1+? а	А чего я там не видал?
IIA1+? б	Дéла пытаешь аль от дела лытаешь?

[1] О значении индексов см. в табл. 5 на стр. 16—17.

IIA1—...а	Он трех не перечтет.
IIA1—...б	Пó миру не ходим и нищим не подаем.
IIA1—! а	Возьми калачи, да только делом не волочи (т. е. в суд)!
IIA1—! б	Не спеши карать, спеши миловать!
IIA1—? а	Аль ты слова не доищешься?
IIA2+...а	Мое дело — сторона, а муж мой прав.
IIA2+...б	Сам стар, да душа молода.
IIA2+! а	Пей да людей бей, чтоб знали, чей ты сын.
IIA2+! б	Пьем да людей бьем: знай наших, поминай своих!
IIA2+? а	Аль забыли, как в старину любили?
IIA2+? б	Что исхудал: сам лежал аль над болью сидел?
IIA2—...а	Садила пять, вынула шесть; одного нет как нет.
IIA2—...б	Родился — не торопился: не спешить стать и умирать.
IIA2—! а	Сват, не сват, а в горох не лезь!
IIA2—! б	Не спрашивай: пьет ли, спрашивай: каков во хмелю.
IIA2—? а	Кабы криком брать, кого б мы к рукам не прибрали?

Конструктивный тип Б

(Незамкнутые частные предложения
с эллипсисом или местоименной заменой второстепенного члена)

I. Собственно поговорки

IБ1+...а	У него лень за пазухой гнездо свила.
IБ1+...б	И жарко, и зябко, и холодно, и парко (и костоломно).
IБ1+! а	Дай бог быть тебе полковником, да не в нашем полку!
IБ1+? а	С твоей ли рожей в собор к обедне?
IБ1—...а	Его сразу не похоронишь.
IБ1—...б	Умом не раскинешь, пальцами не растычешь.
IБ1—! а	Не запрягши, не погоняй!
IБ1—! б	Не подымай меня высоко, да и не опускай низко.
IБ1—? а	У меня ль дети не воры?
IБ2+...а	Ему на боку дыру вертят, а он: ха-ха!
IБ2+...б	Седина в голову, а бес в ребро.
IБ2+! а	Не к роже платочек, утрись рукавичкой!
IБ2+! б	Сперва ты меня повози, а там я на тебе поезжу.
IБ2+? а	Что мне прясть, коли готового страсть?
IБ2—...а	Болит [мой] бок девятый год, не знаю которо место.
IБ2—! а	Хоть к обедне не поспеть, а походки не потерять.
IБ2—! б	Буде меня любишь, так и собаку мою не бей.
IБ2—? а	На что [ему] и меч, коли некого сечь?

II Присловья

IIБ1+...а	Всякого нета припасено с лета.
IIБ1+...б	Ума [у него] палата, да денег ни полуполы.

IIБ1+! а	Чтоб тебе ежа против шерсти родить!
IIБ1+! б	Положи, господь, камешком, подыми перышком.
IIБ1+? а	Куда тебя нелегкая занесла?
IIБ1+? б	Что вашему пригожеству до нашего убожества?
IIБ1—...а	Я у него на крестинах не бывал.
IIБ1—...б	Ума [у него] нет, а сердце (т. е. злость) есть.
IIБ1—! а	Мной хоть полы мой, да не называй мочалкой!
IIБ1—! б	Не хвали меня в очи, не брани за глаза!
IIБ1—? а	Неужто тебе это чучело не надокучило?
IIБ2+...а	За черта отдай ее, и того уходит (переживет).
IIБ2+...б	Ровно у гусака: сердце маленькое, а печенка большая.
IIБ2+! а	Правда твоя, правда, а ну-тка, ложись!
IIБ2+! б	На добре — спасибо, а за грех — поплатись!
IIБ2+? а	На что отец, коли сам молодец?
IIБ2+? б	Всяк о себе (заботится), а кто же обо мне?
IIБ2—...а	Его поздно учить: распашонка на нем уже не сойдется.
IIБ2—...б	Свои женихи не берут, а за чужого идти не хочется.
IIБ2—! а	Нам негоже, так вот тебе боже (небоже)!
IIБ2—! б	Любо — так к венцу, не любо — так к отцу!
IIБ2—? а	Я ли не хозяин, у меня ль ворота бороной не запираются.
IIБ2—? б	Жена ль моя не баба, дети ль мои не ребята?

ПОСЛОВИЦЫ

Конструктивный тип В

(Замкнутые частные предложения)

I Собственно пословицы

IВ1+...а	Узда дороже лошади.
IВ1+...б	Ладила баба в Ладогу, а попала в Тихвин.
IВ1+! а	Пасись, коза, на привязи!
IВ1+? а	Что, брат, облизался?
IВ1+? б	Кто дятла прозвал дровосеком, желну бортником?
IВ1—...а	Хороша дудка, да не гудёт.
IВ1—...б	Бывали у вороны большие хоромы, а ныне и кола нет.
IВ1—! а	Не суйся, середа, наперед четверга!
IВ1—? а	Дядя горох, не видал ли ты моих коров?
IВ2+...а	Хвалилась синица, что море зажжет.
IВ2+...б	Аршин на кафтан, да два на заплаты.
IВ2+! а	Постой, татарин, дай саблю вынуть.
IВ2+! б	Марфуша — покушай, Макавей — поговей.
IВ2+? а	Ярко лучина горела, да где она?
IВ2+? б	Как так: корова черная, а молоко белое?

IВ2— . . . а	Слепой слепого водит, оба зги не видят.
IВ2— . . . б	Пошел бы журавль в мерщики, да не берут, а в молотильщики не хочется.
IВ2—! а	Не смейся, горох, не лучше бобов!
IВ2—? а	Не стало свéчи, что ж зажéчи?

II Афоризмы

IIВ1+. . . а	Дедушка много знал, да помер.
IIВ1+. . . б	Хорошо гостит девка, а и того лучше дома сидит.
IIВ1+! а	Сам сделай, да и похвастай!
IIВ1+! б	Оправь бог правого, выдай виноватого!
IIВ1+? а	Что за счеты промеж своих?
IIВ1— . . . а	Федот, да не тот.
IIВ1— . . . б	Полонён вскрикнет, а убит — никогда.
IIВ1—! а	Пей, кума, да не пропей ума.
IIВ1—! б	Пей вино, а не брагу; люби девку, а не бабу.
IIВ1—? а	Улита, знать, ты не бита?
IIВ2+. . . а	Стало плохо: указчиком Аноха (т. е. дурак).
IIВ2+. . . б	Урод: голова по маковку, а ноги по самые пятки.
IIВ2+! а	Хорошо тебе, матушка, за батюшкой жить, пожила бы за чужим мужиком!
IIВ2+! б	Ты, матушка, грози; а ты, девушка, гуляй!
IIВ2+? а	А где тот хлеб, что вчера съели?
IIВ2+? б	Под гору-то так, да в гору-то как?
IIВ2—. . . а	Пошло дело на лад, и сам ему не рад.
IIВ2—. . . б	Фома не без ума, Ерема не без промысла.
IIВ2—! а	Не спеши, куманёк, не вздут огонёк.
IIВ2—! б	Уроди боже побольше, а не посеяно ни горсти.
IIВ2—? а	Сегодня не тает, а завтра — кто божье знает?
IIВ2—? б	Хорошего не стало — худое осталось, худого не станет — что останется?

Конструктивный тип Г

(Замкнутые обобщенные предложения)

I Собственно пословицы

IГ1+. . . а	Из одного дерева и икона и лопата.
IГ1+. . . б	Маленькая рыбка лучше большого таракана.
IГ1+! а	Всякий пест знай свою ступу!
IГ1+! б	Поезжай на неделю, а хлеба бери на две.
IГ1+? а	Будто одни шубники (скорняки) в шубах ходят?
IГ1— . . . а	Огонь маслом не тушат.
IГ1— . . . б	Без топора не плотник, без иглы не портной.

IГ1—! а	Солома с огнем не дружись!
IГ1—! б	Не торопись ехать, торопись кормить!
IГ1—? а	Чем шелудивого брить, не лучше ли опалить?
IГ1—? б	Чем старый серп зубрить, не лучше ли новый купить?
IГ2+... а	Был бы запевала, а подголоски найдутся.
IГ2+... б	Лиха беда почин: есть дыра будет и прореха.
IГ2+! а	Кто лапти плетет, тот умей и концы хоронить!
IГ2+! б	Меньше жмурься, так больше увидишь.
IГ2+? а	Одни сласти есть — горечи как узнаешь?
IГ2— ... а	В дождь избы не кроют, а в ведро и сама не каплет.
IГ2— ... б	Ни праведный без порока, ни грешный без покаяния (не остаётся).
IГ2—! а	Не прикидывайся овцою — волк съест.
IГ2—! б	Пусть не будет муки в закроме, не переводился бы печеный хлеб.
IГ2—? а	Что тому святому молиться, который не милует?

II Афоризмы

IIГ1+... а	Лучше ногою запнуться, нежели языком.
IIГ1+... б	Худой мир лучше доброй драки.
IIГ1+! а	Дай бог меж людьми быть любви!
IIГ1+! б	Отыми, господи, руки да ноги, да покинь (оставь) разум!
IIГ1+? а	Зачем богатому умирать?
IIГ1— ... а	Ум бороды не ждет.
IIГ1— ... б	В ч е р а не догонишь, а от з а в т р а не уйдешь.
IIГ1—! а	От тюрьмы да от сумы никто не отрекайся!
IIГ1—! б	Счастью не верь, а беды не пугайся!
IIГ1—? а	Над кем пословица не сбывается?
IIГ2+... а	Что кого веселит, тот про то и говорит.
IIГ2+... б	Умный любит учиться, а дурак учить.
IIГ2+! а	Дай бог тому честь, кто умеет ее снесть!
IIГ2+! б	Худое житье: встань — побежи, а хорошее — ляг, полежи!
IIГ2+? а	Все девушки хороши — а отколь берутся злые жены?
IIГ2+? б	Как так: муж дьяк, а жена попадья?
IIГ2— ... а	Нет такой вещи, чтобы не пригодилась к месту.
IIГ2—... б	Кто нужды не видал, и счастья не знает.
IIГ2—! а	Чего нет, того и не спрашивай!
IIГ2—! б	Потерял — не сказывай, нашел — не показывай!
IIГ2—? а	Для чего не воровать, коли некому унять?
IIГ2—? б	Спроси у ветра совета, не будет ли ответа?

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ НАРОДОВ ВОСТОКА

(Образцы пословичных изречений, относящихся к четырем высшим логико-семиотическим инвариантам, каждый из которых представлен одной логико-тематической группой)[1]

ВЫСШИЙ ЛОГИКО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ I𝔄
(Отношение между вещью и ее свойствами)

Логико-тематическая группа

Неизменность — изменчивость

А. Все вещи постоянно сохраняют свои свойства и ни при каких обстоятельствах не превращаются ни во что другое (при этом нейтральные по качеству вещи остаются нейтральными, хорошие — хорошими, а плохие — плохими)

oα

Как кошку ни брось, она на ноги станет (армян.[2]).

И через тысячу преград вода все равно течет в море (кит.; сх. телугу).

Сколько бы раз мужчина ни женился, он женится на женщинах одного склада (кор.).

Воробей и до ста лет будет прыгать (япон.).

oβ

Далеко разольется река, но русла не оставит (тамил.).

Кошка хоть в Мекке побывает, мяукать не отучится (индонез.).

Хоть в Мекку повези, острота чеснока не пройдет (чечен.; сх., но с окончанием: «сладким не станет» — лак.).

Огонь гаснет, но не остывает (др.-инд.).

Сколько ни встряхивай короткую одежду, она длинной не станет (вьетн.).

Бревно, хоть и попадет в реку, все равно не станет крокодилом (бауле).

Короткому не быть длинным (чуваш.).

Чан кадушкой не станет (осет.; сх. про камень и воду — хауса).

---

[1] Материал данного приложения взят из источника 76. Оттуда же заимствованы и все употребляемые ниже индексы подгрупп (А, Б, В, aα, aβ и др.), соответствующие трансформам первого, второго и третьего классов.

[2] В скобках указана национальная или языковая принадлежность изречений. Соответствующие данные приведены в сокращенном виде (список условных сокращений см. в конце настоящего Приложения, на стр. 148).

аα

Золото останется золотом, хоть сунь его в дерьмо (араб.; сх. про драгоценный камень или алмаз в грязи и сточной канаве — татар., др.-инд., сингал., малаял.).

Алмаз и в грязи блестит (кор., турец., индонез.; сх. про золото в грязи — тадж.; сх. про золото ночью и в земле — монг.).

Жемчуг и в грязи сохраняет цену (армян.).

Как ни мути родник, он все равно очистится (осет.).

И на навозной куче цветок цветет своим цветом (тамил.)

аβ

Золото и в земле цены не теряет (турец.; сх. про золото и чистое золото, которое не ржавеет, не портится, не боится ни земли, ни огня — ассир., вьетн., кит., тамил., персид., армян., пушту, монг.; сх., но с дополнением про ум, который не гниет и не стареет,— кирг., уйгур.; сх., но с дополнением про камень, который не размокает, — турец.; сх., но с дополнением про славу, которая не забывается,— монг.).

Сколько собака ни лакает из моря, оно не загрязнится (тат.).

Если золото упадет в грязь, оно не станет бронзой (турец.).

Лошадь никогда не сможет стать ослом (хинди).

бα

Сколько навоз ни суши, он будет вонять (монг.).

Вырядись хоть в белый шелк, тень будет черной (монг.).

Ворона от рождения черна и вырастет — черной останется (телугу).

Вода всегда течет вниз (пушту; сх. бенгал., тамил.; сх. про воду с крыши — вьетн.).

Отрубишь змее голову, будет хвост извиваться (башкир.; сх. кубач.).

Змея и в бамбуковой палке пытается извиваться (кит.).

Хвост собаки останется загнутым, даже если выпрямлять его в колодке (араб.).

Собаку сколько ни бей, она все равно к костям тянется (индонез.).

Как высоко камень ни брось, он упадет на землю (индонез.; сх. про прыгающую антилопу, а также про цаплю — амхар.).

Волку евангелие читают, а он в лес просится (груз.).

Дикую курицу хоть с золотого блюда корми, все равно в лес убежит (индонез.).

Осел остается ослом, даже если везет казну султана (араб.).

Сорок раз побывал осел в Иерусалиме, да остался все тем же ослом (армян.; сх. про осла, вернувшегося из Мекки и путешествия, — курд., пушту, тадж.).

Обезьяна и с короной на голове — обезьяна (япон.).

Пес остается псом, если даже он вырос среди львов (араб.).

У свиньи хоть хвост, хоть уши обрежь, она свиньей останется (турец.).

Воду сколько ни толки — водой останется (груз.; сх. про переливание — тамил.; про сбивание, а также про кипячение — осет.).

бβ

С угля черноту не смоешь (бенгал.; сх., но с добавлением: «и розовой водой» — индонез.).

Черная шерсть от мытья не белеет (кубач.; сх. про войлок—персид.).

Ворона белой не станет, если даже искупается (лак.; сх., но с окончанием: «хоть мой ее розовой водой» — индонез.; «сколько ни три ее песком» — груз.).

Темная вещь от стирки не побелеет (лезг.).

Змея не станет прямой, хоть посади ее в бамбуковую трубку (япон.).

Как тюк ни уминай, он легче не станет (тамил.).

Алоэ сладким не сделать (суахили).

Чистую воду сколько ни кипяти — жирной не станет (туркм.).

Сколько ни шлифуй черепицу — драгоценным камнем не станет (япон.).

Ослу хоть уши подрежь — все равно газелью не станет (турец.; сх. про осла и арабского скакуна — турец.).

Сколько ни бей осла, он не станет мулом (армян.; сх. про осла и коня — пушту, персид.).

Наденешь на осла седло — все равно лошадью не станет (лезг.; сх. про осла и нарядную сбрую — бенгал.).

Сколько осла ни мой, все равно коровой не станет (непал.).

Хоть тысячу лет ухаживай за кустом осоки — все равно сад не вырастет (каракалп.).

Сколько ни взбивай воду, масла не собьешь (татар.).

Мякину хоть под песню толки — она рисом не станет (тамил.).

И самому большому быку не стать королем (кор.).

Сколько бы ворона ни каркала, соловьем не станет (калм.).

Глина не станет фарфором, чужой человек — братом (узб.).

Черный войлок белым не станет, старый враг другом не сделается (туркм.).

Из жерди обод не выгнешь, из осленка коня не вырастишь (чечен.).

Не бывать чугуну сталью, не бывать вороне соколом (кирг.).

вα

Лев остается львом, даже если ослабли его когти; собака остается собакой, даже если она выросла среди львов (араб.).

Как высоко пыль ни бросай — вниз падает, как ни опрокидывай светильник — пламя вверх стремится (монг.).

Вода всегда течет вниз — дым всегда поднимается кверху (мальгаш.; сх. про воду и человека — кит.).

вβ

Заверни гроздь плодов в шелк — она от этого дороже не станет; заверни жемчужину в лохмотья — ее ценность не уменьшится (бенгал.).

Б. Все вещи, в том числе нейтральные, хорошие и плохие, постоянно меняют свои свойства и могут превращаться из одних в другие

оα

Душа человека в день двенадцать раз переменится (кор.).
Вечные снега, и те сдвигаются (осет.).
Живущие — неизбежно умрут, встретившиеся — расстанутся (япон.).
И горячая вода остывает (вьетн.).
Даже море меняет место (осет.).
Состарившись, люди снова становятся детьми (япон.).
И к камню старость подкрадывается (груз.).
Старая кошка и лисой может стать (вьетн.).
Уехал в белых штанах, вернулся в черных шароварах (чуваш.).
Было время, когда и для нее соловьи пели (япон.).
Как водосточный желоб: иногда полон, иногда пуст (араб.).
Неустойчив, как мартовская погода (турец., армян.).

оβ

Цвет лица не бывает постоянным (япон.).
Лиса два раза в капкан не попадается (турец.).
В течение дня тень не падает дважды на одно место (кор.).

аα

С годами невестка тоже становится свекровью (кор.).
И белое превращается в черное (вьетн.).
Беркут, состарившись, становится мышеловом (кирг.; сх. казах.).

бα

В темнице враги становятся друзьями (персид.).
Если отполировать, так и черепица станет драгоценным камнем (япон.).
От ударов палки и медведь станет муллой (тадж.).
Если долго преследовать труса, он станет храбрым (казах.).
Загнанная мышь отваживается кусать кошку (япон.).

вα

С людьми бывает то же, что с вареным рисом: когда его достают из котла, зернышки со дна поднимаются наверх, а зернышки сверху падают на дно (мальгаш.).

В. Одни вещи изменчивы, другие — неизменны

оα

Можно изменить свою судьбу, но нельзя нарушить кровное родство (кор.).

Внешность можно изменить, характер уносят в могилу (индонез.).
Внешность не привычка — ее не изменишь (индонез.).

бα

Змея меняет кожу, но не меняет нрава (персид; сх., но с окончанием: «а не повадки» — азерб.).

ВЫСШИЙ ЛОГИКО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ I𝔅
(Отношение между вещами)

Логико-тематическая группа

Производитель и блага

А. Производитель благ и сами блага неразрывно связаны: каждый производитель обладает и пользуется теми благами, которые он производит

аα

У земледельца — зерно, у скотовода — мясо (кит.; сх. кирг.).

Горшечник пьет воду из горшка (турец.).

Повар всегда сыт (вьетн.).

Первым пробует мед пасечник (осет.).

аβ

Пастуху да молока не пить! (непал.)

Б. Между производителем благ и самими благами нет неразрывной связи; ни один производитель не обладает и не пользуется теми благами, которые он производит (или обладает и пользуется негодными)

аα

Игла других одевает, а сама голая (араб.; сх. тадж.; сх. про портного и его спину — турец.).

Плетущий циновки спит на холодном ка́не (кит.; сх., но с окончанием: «на голой земле умирает» — тамил.).

Красильщик в некрашеных шароварах ходит (япон.; сх. про шапочника с непокрытой головой — осет.; про парикмахера непричесанного — япон.).

Продающий веер обмахивается рукой (кит.).

У булочника слуга и собака всегда голодны (груз.).

Горшечник пьет воду из треснувшего кувшина (персид.; сх.: «ест из черепков» — суахили; сх., но с дополнением про штопальщика, который ходит оборванным, и про башмачника, который ходит босым, — араб.).

Сам делал гробы, а умер — похоронили на циновке (вьетн.).

Дверь плотника всегда сломана (араб.).

У кровельщика крыша дырявая (бенгал.).

У сапожника башмаки всегда худые (армян.; сх. турец.; сх. про сапожника и сапоги — азерб.; про башмаки без каблука — персид.).

aβ

У меховщика шубы не бывает (турец.).

У кузнеца никогда нет хорошего ножа (вьетн.; сх. про нож для бетеля — вьетн.).

У плотника дом без крыши (турец.).

У оружейника в ножнах клинка не бывает (даргин.).

Ткачу кушак не достается (узб.).

Умерший гробовщик без гроба остался (абхаз.).

Ткач бязи не получает бязи (кирг.).

Кожевник остается без плети, а плотник — без топорища (адыг.).

Сапожник — без сапог, а портной — без рубашки (курд.; сх. про башмачника — осет.).

Гадалка своей судьбы не знает (осет.; сх. про предсказателя — япон.).

В доме гончара не найдешь целой посуды (пушту).

В доме плотника нет скамейки, у ворот прорицателя черти песни поют[3] (кит.).

Пирожник сам пирожков не ест (япон.).

Парикмахер сам себе прически не делает (япон.).

Лекарь не может лечить самого себя (зулу; сх. про врача, не думающего о своем здоровье,— япон.).

Носильщики паланкинов в них не ездят (япон.).

В. Иногда производитель благ обладает производимыми им благами, иногда — не обладает; иногда он пользуется ими, иногда — нет

aα

Лепешечник умирает [с голоду], а из-за пазухи у него сыплются лепешки (кирг.).

ВЫСШИЙ ЛОГИКО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ II 𝔄

(Отношение между свойствами вещей в зависимости от отношения самих вещей)

Логико-тематическая группа

Акция и реакция

А. Каждая акция вызывает соответствующую реакцию

oα

Что в лесу крикнешь, то и в ответ услышишь (татар.; сх. хакас.).

Что в котел крикнешь, то он и ответит (осет.; сх. про кувшин — груз.).

[3] В старом Китае прорицателей приглашали отгонять от домов нечистую силу.

Как постелишь, так и поспишь (гагауз.; сх. груз.).

Что сделаешь, то в ответ получишь (непал.; сх. хинди).

Как ты относишься к своему отцу, так твой сын отнесется к тебе (уйгур.).

Дашь — получишь, посеешь — пожнешь (казах.).

Посадишь тыквы — получишь тыквы, посадишь бобы — получишь бобы (кит.).

Посадил коноплю, коноплю и получишь (кит.).

Как трудишься, так и ешь (эрзя).

аα

Кто делает добро, тому добром воздастся (вьетн.).

Много дающая рука много получает (кирг.).

Работаешь до пота — ешь вкусно (татар.).

Полюбишь работу — и она тебя полюбит (узб.).

Того, кто любит, тоже начинаешь любить (монг.).

аβ

Нельзя платить за помощь кровью, а хитростью — за благодеяние (бурят.).

Не плюй в колодец, из которого пил (т. е. не будь неблагодарным) (араб. и иврит).

В родник, откуда пьют воду, камень не бросают (лак.).

Не загрязняй колодец, даже если он тебе не нужен (кор.).

Напившись из колодца, не забудь о том, кто его выкопал (уйгур.; сх. про плоды и того, кто их вырастил,— кит.; вьетн.).

На сосок дойной коровы не плюют (армян.).

Съел соль — солонку не разбивай (тат.).

бα

Сделаешь зло людям — и тебе сделают (вьетн.).

Ты топил людей, и тебя утопили (иврит).

Око за око, зуб за зуб (др.-евр.; сх. про огонь, но с добавлением: «по привету ответ» — чуваш.).

Лягают того, кто тебя лягнул (зулу).

Волк расплачивается за долги шкурой (осет.).

Злому ослу — тяжелая ноша (лак.).

Жадной собаке — горячую лепешку (чуваш.).

Посеешь «если бы» — вырастет «кабы» (туркм.).

бβ

Если посеял просо — не жди пшеницы (каракалп.; сх. про ячмень и пшеницу — туркм., груз.; сх. про просо и бобы — кит.).

Посадил тыкву — персиков не жди (вьетн.).

Посеяли «может быть» — не взошло (армян.).

Один раз солжешь — никогда больше не поверят (индонез., кирг.).

Потерявшему доверие человеку не верят, даже если он утверждает, что соевый соус делают из соевых бобов (кор.).

У лжеца загорелся дом — никто не поверил (азерб., араб., уйгур., персид., татар., армян.).

Когда лгун правду говорит, никто не верит (адыг.).

Не делай зла — не будешь в вечном страхе (шумер.; сх. даргин.).

Не делай зла — не будешь его жертвой (турец.).

вα

Люблю того, кто любит меня; отвергаю того, кто отвергает меня (суахили).

вβ

Посадишь сливы — не вырастет персик, посадишь тыквы — не вырастут бобы (кит.).

Б. Каждая акция вызывает несоответствующую реакцию

оα

Один говорит о горах, другой — о садах (тат.; сх. о кобылице и верблюде — кирг.; о верблюде и козе — монг.; о курице и утке — вьетн.).

аα

Камни бросают в то дерево, которое приносит плоды (турец.).

Поведи меня туда, где делающий добро добро нашел (осет.).

Берегись каждого, кому ты сделал добро (турец.).

Сделал добро, а в ответ врага нажил (курд.).

Скажи глухому «здравствуй» — он тебя обругает (кирг.).

Тут речь про свадьбу, а он толкует о похоронах (кор.).

Глотает сладкое, а плюет кислым (кор.).

Высосав молоко, укусил грудь (телугу).

У кого на груди приютился, тому и бороду выдергал (бенгал.; сх. про сидящего на коленях — турец.).

Твоей ложкой ест, а ручкой тебе же в глаза тычет (лезг.).

Неблагодарный плюет в ту миску, из которой ест (турец.).

Сеял пшеницу — взошел чеснок (армян.).

Перекопал гору, а выкопал мышь (хинди).

бα

Дерево дает тень даже тому, кто его срубает (малаял.).

Больше молока получает тот ребенок, который больше плачет (тамил.).

Посеяв ячмень, пожинает пшеницу (даргин.).

Посеял редиску, а выросла репа (турец.).

Стреляет криво, а попадает прямо (о речи хитреца) (татар.).

бβ

В бесплодное дерево никто камней не бросает (армян.; сх. про дерево и палку — чечен.).

В. Иногда акция вызывает соответствующую реакцию, иногда — несоответствующую

вα

Добром за добро платит каждый, добром за зло — настоящий человек (татар.; сх., но с окончанием про героя — каракалп.).

ВЫСШИЙ ЛОГИКО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ II 𝔅

(Отношение между вещами в зависимости от наличия у них определенных свойств)

Логико-тематическая группа

Свое или чужое?

А. Свое (родное, привычное) — хорошее, а чужое — плохое; свое лучше чужого

аα

Каждому свое луной кажется (кирг., туркм.).

Каждому свой ум нравится (турец., араб.).

Всякому своих мыслей достаточно (монг.).

И маленький холм считает себя горой (турец.).

И лук себя фруктом считает (персид., тадж.).

Каждый мнит себя богатырем (кирг.).

Каждая птица наслаждается своим пением (араб.).

И медведь думает, что он красив (эрзя).

Когда спросили, чья голова красивее, черепаха высунула свою (адыг.).

Свое дело — самое важное (хинди).

Лягушке ее головастик — что солнца луч (осет.).

Для ворона вороненок — из золота сделан (тамил.).

И сова думает, что ее птенцы красивы (ассир.; сх. про ворону — лезг.; про грача — адыг.).

Когда предложили принести самую красивую вещь, ворона притащила своего птенца (чечен.).

Ворона называет своих детей беленькими, еж своих детей — мяконькими (казах.; сх. башкир., туркм.; сх. про медведя и ежа — татар.; про жука и ежа — узб.).

И ежу его ежата кажутся гладкими (кор.).

Холм, на котором стоишь, кажется высоким (чечен.; сх. про гору — кит.).

Лучший бог тот, которому мы поклоняемся (япон.).

Каждая птица любит свое гнездо (лак.).

Всякая птица стремится в свое гнездо (гагауз.).

Родная страна — страна-цветок (пушту).

Всякому своя родина кажется Кашмиром (пушту).

Земля, на которой родился,— золотая; вода, которую сызмальства пил,— целебная (монг.).

На родной стороне даже дым сладок (татар.).

На родине и простой хлеб кажется жирной грудинкой (амхар.).

На родине и птицы родные (эрзя).

Из родных мест и ворона приятна (кор.).

Человек на родине — все равно что лев в лесу или крокодил в реке (амхар.).

aβ

Свое изделие не имеет изъяна (туркм.).

Из своего рта запаха не замечаешь (япон.; сх. калм.).

Свои нечистоты не пахнут (кор.).

Креветка не знает, что она горбата (индонез.).

Верблюд своего горба не видит (турец., армян.; сх. про глаза и ресницы — тамил., япон.).

Корова не чувствует тяжести своих рогов (хинди, амхар., араб.; сх. про быка, буйвола, козу, барана — турец., индонез., гагауз., пушту, туркм., абхаз.).

Курдюк для овцы не груз (армян.; сх. про барана — турец.).

Для птицы крыло — не бремя (турец.).

Большая голова — не груз (хауса).

Слону не тяжела его шкура (зулу).

Кто сидит в навозе — вони не чувствует (кит.).

У сапожника нет носа, у кабатчика — ушей (т. е. привычные неудобства перестают замечать) (бенгал.).

бα

Чужой огонь холоднее снега (пушту).

В чужом рисе всегда кость попадается (япон.).

Сосед всегда храпит громче (кор.).

Чужое горе — после обеда (татар.).

Чужое страдание можно терпеть хоть три года (япон.).

В чужом краю даже заяц съест твоего ребенка (араб.).

бβ

Жизнь на чужбине — не жизнь (турец.).

вα

Родина — мать, чужбина — мачеха (лак., осет., чуваш.; сх. про родную и чужую сторону — татар.).

От родины веет теплом, а от чужбины — холодом (бурят.).

На чужбине еще больше родину ценят (пушту).

Самое дорогое для человека на чужбине — родина (араб.).

На чужбине дороже богатств родная сторона (башкир.).

Как бы ни было сладко жить на чужбине, всегда тянет к родной стороне (татар.).

В гостях хорошо, а дома лучше (эрзя).

Как ни плохо бедняку дома, на чужбине хуже (суахили).

вβ

Чужая пакость сразу видна, а своя — не видна до смерти (кирг.).

Чужая спина видна, а своей не видно (япон.).

Человек замечает недостатки других, но только не свои (иврит).

В чужом глазу и соломинка кажется верблюдом, а в своем целый лист не заметен (араб.).

Глаза видят на тысячу ли, да не видят своих ресниц (кит.).

Свои подмышки не пахнут, пахнут чужие (бенгал.).

Мети снег у своего дома и не беспокойся об инее на соседском (кит.).

Над чужой лысиной смеется, а своей плеши не видит (монг.).

Говорит о сорняках в чужом саду, когда у самого растут под самым порогом (индонез.).

Если наш сын в вашего камнем кидает — так он же еще ребенок; а если ваш в нашего — то это судебное дело (араб.).

Голый над раздетым посмеялся (тадж.).

Балка нужника упрекает мельничную сваю за грязь (кор.).

Морские разбойники обвиняют горных разбойников в преступлениях (япон.).

Верблюд не знает, что у него шея кривая, но упрекает в том же змею (туркм.).

Два во́рона удивляются черноте друг друга (монг.).

вγ

Свой черный хлеб лучше чужих пирогов (татар.; сх. про хлеб и плод — тадж.).

Чем чужое хорошее, лучше наше плохое (турец.).

Своя борона лучше чужого плуга (чечен.).

Свой полтинник дороже московского рубля (чуваш.).

Одна твоя корова лучше, чем десять соседских (армян.).

Мой привычный ад лучше твоего непривычного рая (кирг.; сх. уйгур.).

Лучше дома иметь половину, чем целое на чужбине (хинди).

Чем быть шахом в Мисре, лучше быть нищим в своей стране (туркм.; сх. про султана в чужой стране и подметку в своей — казах.; сх. про падишаха и пастуха — узб.).

Чем у чужих в достатке, лучше в своем доме в бедности (осет.).

Глоток воды на родной земле лучше, чем мед на чужбине (араб.).

В родном краю и холст мягок, в незнакомой стороне и шелк грубее холста (монг.).

Лучше дождь из кинжалов и копий в родной стране, чем дождь из золота и серебра на чужбине (индонез.).

Земля родной стороны дороже золота чужбины (монг.).

ба[1]

Человек без родины — соловей без сада (тадж.; сх., но с иным окончанием: «без песни» — татар.; сх., но с иной второй частью: «что земля без семени» — амхар.).

Кто не живет на родине, не знает вкуса жизни (осет.).

Разлучившийся с другом плачет семь лет, расставшийся с родиной плачет всю жизнь (татар., туркм., калм.; сх. про народ — узб.).

Б. С в о е (п р и в ы ч н о е) — п л о х о е, а ч у ж о е — х о р о ш е е; ч у ж о е л у ч ш е с в о е г о

аα

Свой огурец горьким кажется (тат.).

И своя собака иногда кусает (япон.).

Иногда и свой груз бывает в тягость (турец.).

Для тощей лошади и хвост в тяжесть (азерб.).

Для усталого коня уздечка тяжела (монг.).

Рога оленя — его враги (тат.).

Под самой лампой темно (кор., хинди; сх. про маяк и свечу — япон., кор., турец.).

аβ

В своей пагоде и Будда не кажется святым (вьетн.).

К кому привыкли, к тому нет уважения (абхаз.).

Соседи колдуна не верят в его силу (кор.).

Храмовая кошка богов не боится (тамил.).

Живя около пагоды, начинаешь и Будду звать братцем (вьетн.).

Свет свечи не падает на ее основание; достоинства человека незаметны для близких (казах.; совпадает с первой частью — каракалп., груз.; сх. про светильник — персид., ассир.; сх. со второй частью, но про талант — кор.).

Лягушка недовольна затхлым прудом (тадж.).

Еще из яйца не вылез, а ему уже яичная скорлупа не нравится (турец.).

бα

Соседская курица выглядит гусем (лак., турец.; сх., но с окончанием про индюка — татар.).

Пирог в чужих руках кажется большим (чуваш.).

С этой горы кажется, что та гора высока (кит.).

Как светильник: светит только тем людям, что сидят не прямо под ним (араб.).

вα

Чужой осел кажется сильнее своего (пушту)

В чужой каше и бобы крупнее (кор.).
Цветы соседа красивее (япон.).
Кусок у соседа кажется жирнее (тадж.).
У соседа рис вкуснее (япон.).

вγ

Ячмень у соседа вкуснее риса дома (япон.).

В. И свое — хорошее и чужое; иногда лучше свое, иногда — чужое

вα

Умному весь мир родина (чечен.).

вγ

Свои дети кажутся всегда лучше чужих, а жена — хуже (кор.).
Конь нравится свой, а жена чужая (чечен.).
Свой ум и чужое богатство всегда сильно преувеличивают (хинди).
На чужом поле рис кажется лучше; свои дети кажутся краше (кит.; сх. про дочь и урожай — кор.).
Для причитаний свои хороши, для почитания — чужие (туркм.).
Угощать хорошо чужих, горевать со своими (кирг.; сх. япон.).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

абхаз. — абхазский
адыг. — адыгейский
азерб. — азербайджанский
амхар. — амхарский.
араб. — арабский
армян. — армянский
ассир. — ассирийский
башкир. — башкирский
бенгал. — бенгальский
бурят. — бурятский
вьетн. — вьетнамский
гагауз. — гагаузский
груз. — грузинский
даргин. — даргинский
др.-евр. — древнееврейский
др.-инд. — древнеиндийский
индонез. — индонезийский
казах. — казахский
калм. — калмыцкий
каракалп. — каракалпакский
кирг. — киргизский
кит. — китайский
кор. — корейский
кубач. — кубачинский
курд. — курдский
лак. — лакский
лезг. — лезгинский
малаял. — малаяльский
мальгаш. — мальгашский
монг. — монгольский
непал. — непальский
осет. — осетинский
персид. — персидский
сингал. — сингальский
тадж. — таджикский
тамил. — тамильский
татар. — татарский
тат. — татский
турец. — турецкий
туркм. — туркменский
узб. — узбекский
уйгур. — уйгурский
хакас. — хакасский
чечен. — чеченский и ингушский
чуваш. — чувашский
шумер. — шумерский (и аккадский)
япон. — японский

Названия других народов и их языков приведены полностью (зулу, хинди и др.).
сх. — сходная (-ый, -ое, -ые).

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ В РУССКОЙ РЕЧИ

(Образцы фразеологических оборотов различных конструктивных, понятийных и функциональных типов)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРАЩЕНИЯ

СрТСш[1]: летучая мышь (фонарь) (обыд.)[2]; персона грата (дипл.); перпетуум-мобиле (физ.); статус-кво (юр.); модус вивенди (юр.); терра инкогнита (в значении «неизведанная область») (научн.).

СрТПр: нек плюс ультра (в значении «самый лучший, непревзойденный» (филол.); ин-фолио («размером в полный лист») (издат.); ин-кварто («размером в четверть листа») (издат.).

СрТГ: извлечь корень (мат.); возвести в квадрат (мат.); нота бене! (в значении «заметь, обрати внимание») (филол.).

СрТН: а тéмпо («в прежнем темпе») (муз.); а капелла («без музыкального сопровождения» — о хоровом пении) (муз.); гонорис кауза («за заслуги» — о присвоении ученой степени) (научн.); про и контра (филол.).

СрТКс: церебральная кома («бессознательное состояние, вызванное нарушением мозговой деятельности») (мед.); ин виво («в естественном состоянии, в жизни») (биол.); ин витро («в неестественном состоянии», «в пробирке, в условиях опыта») (биол.); ин стату насценди («в состоянии возникновения») (хим.).

СрФСщ: березовая каша; синий чулок; шарашкина контора; мокрая курица; красная нить; краеугольный камень.

СрФПр: лыком шит; так себе (в значении «ничего особенного не представляющий»); не ахти какой (в значении «не особенно хороший»); невесть какой (в том же значении).

СрФЧ: тьма-тьмущая; видимо-невидимо; туча-тучей (в значении «очень много»); сорок сороков (в том же значении); имя же им легион (в том же значении); с гулькин нос (в значении «очень мало»).

СрФМи: кто ни на есть; какого рожна? (в значении «чего еще [надо]?»); куда ни кинь (в значении «что ни возьми», «к чему ни обратись»).

СрФГ: дал дуба; заморил червячка; задал стрекача; навострил лыжи; бьет баклуши; заправляет арапа; лезет в бутылку; снимает стружку.

СрФН: очертя голову; до зарезу; ни бум-бум; до положения риз; на широкую ногу; на попа; не ахти как (в значении «не особенно хорошо»); так себе (в том же значении); как раз; у черта на рогах.

СрФКс: Кондрашка хватил [кого-либо]; карачун пришел [кому-либо];

---

[1] Объяснение индексов, употребляемых в данном и следующем приложениях, см. в табл. 9 на стр. 45—46.

[2] Список условных сокращений см. в конце данного приложения, на стр. 152.

собаку съел [в чем-либо]; на взводе (в смысле «пьян», «возбужден»); не в своей тарелке; дым коромыслом; кишка тонка [у кого-либо].

СрФМж: мать честна́я! черт возьми! скажи на милость! скажи пожалуйста! вот те и на! вот те и раз! вот так клюква!

СрСлМд: шутка сказать; как-никак; чего доброго; стало быть; все-таки.

СрСлСз: так как; даром что; тем не менее; таким образом (в значении «следовательно»).

СрСлПл: в силу; во имя; на счет (в значении указателя объекта).

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНСТВА

I

(С образной мотивировкой общего значения)

ЕIТСщ: вершина угла (мат.); фокус затемнения (мед.); входные ворота инфекции (мед.); лихорадочная волна (мед.); клиническая картина (мед.); усадочная раковина (техн.); ручей штампа (техн.).

ЕIТПр: тяжело протекающий [болезненный процесс] (мед.); бурно протекающая [форма лейшманиоза] (мед.); высокой точности [отливка] (техн.).

ЕIТГ: сложить оружие (воен.); сводить к минимуму (научн.); наре́зать червяков (техн.); сбавить газ (техн.); вывести формулу (научн.); построить теорию (научн.).

ЕIТН: на высоте приступа (мед.); на высоких цифрах [держится t°] (мед.); в разгаре болезни (обыд.).

ЕIТКс: [произошло] снижение защитной реакции [у кого-либо] (мед.); сошел с ума [кто-либо] (обыд.); потерял зрение [кто-либо] (обыд.).

ЕIФСщ: медвежий угол; заблудшая овца; ясный сокол; подводные камни; птица высокого полета; первые шаги.

ЕIФПр: кожа да кости; туча-тучей (в значении «очень мрачный»); нечист на руку, песок сыплется [из кого-либо]; мало каши ел.

ЕIФЧ: сколько угодно; на один зуб (о еде); с три короба; хоть пруд пруди.

ЕIФМи: до нитки [спустить] (в значении «всё»); на каждом шагу; вечная история (в значении «то же самое, что и всегда»); ни черта́ (в значении «совершенно ничего»); ни шиша́ (в том же значении).

ЕIФГ: выносит сор из избы; пришел к шапочному разбору; виляет хвостом; жует жвачку; поставил на ноги (в значении «сделал самостоятельным»); высоко держит знамя; трещит по всем швам; прикусил язык; положил под сукно.

ЕIФН: курам на смех; капля по капле; рукой подать; всеми фибрами души; за спиной (в значении «тайно»); положа руку на сердце; с пеной у рта; из-под палки.

ЕIФКс: язык заплетается [у кого-либо]; мороз по коже пробегает [у кого-либо]; небо с овчинку показалось [кому-либо]; глаза на лоб лезут [у кого-либо]; лед растаял [между кем-либо] (в смысле «исчезло чувство недоверия, отчужденности между ними»).

ЕIФМж: хоть в гроб ложись; держи карман шире!

ЕIСлМд: одним словом; в самом деле; кто его знает; как сказать (как выражение невозможности утверждать что-либо с уверенностью); что и говорить (в смысле «вне всякого сомнения»).

ЕIСлСз: благодаря тому что; в течение; в силу того, что; ввиду того что; несмотря на то что.

ЕIСлПл: по линии; глядя по; в лице; за спиной (в значении «сзади, позади»); невзирая на; несмотря на.

II

(С прямой мотивировкой общего значения)

ЕIIТСщ: атомный вес (хим.); верблюжья колючка (бот.); неустойчивый стул (мед.); умеренный климат (геогр.); утопический социализм (фил.); формальная логика (фил.); тормозной барабан (техн).; глухая полость (техн.).

ЕIIТПр: бесконечно малый (мат.); общественно полезный (полит.); общественно опасный (юр.); строго специфические [реакции] (биохим.); искусственно состаренный (техн.); механически обработанный (техн.).

ЕIIТГ: поставить пиявки (мед.); сдать кровь (мед.); поставить клизму (мед.); стать на якорь (мор.); отдать концы (мор.); взять высоту (воен.); поставить опыт (научн.); сделать анализ (хим.); набирать высоту (авиац.); назначать припуски (техн.).

ЕIIТН: под давлением (техн.); на флоте (мор.).

ЕIIТКс: упал в обморок [кто-либо] (обыд.); [наступило] общее истощение [у кого-либо] (мед.).

ЕIIФСщ: глухая тетеря; морской волк; канцелярская крыса; вольная птица; важная птица.

ЕIIФПр: тяжел на подъем; что надо (в значении «очень хороший»); косая сажень в плечах (в значении «могучий сложением»); с головой (в значении «умный»).

ЕIIФЧ: всего ничего (в значении «очень мало»); несть числа (в значении «очень много»); счету нет (в том же значении); невесть сколько (в обоих значениях: а. «не очень-то много» и б. «очень много»).

ЕIIФМи: каждая собака; ни одна собака; другое (иное) дело; и дело с концом (в значении «всё»); что делать? (в смысле «ничего [не поделаешь]»); друг друга (в значении «один [из названных] другого»).

ЕIIФГ: выучил назубок; выплакал все глаза; поминает лихом.

ЕIIФН: из рук в руки [передать что-либо]; друг за другом [идти].

ЕIIФКс: не по себе [кому-либо] (как выражение плохого душевного или физического самочувствия, а также неудобства); лишился рассудка [кто-либо]; во гневе [находится кто-либо].

ЕIIФМ: избави господи! упаси бог! помилуй бог! хоть убей (как выражения невозможности что-либо понять или сделать).

ЕIIСлМд: может быть; право слово; собственно говоря; по крайней мере; ни много ни мало; не в обиду будь сказано.

ЕIIСлСз: вместе с тем; вместо того чтобы; между тем как; едва только (лишь); чуть лишь (только); по мере того как.

ЕIIСлПл: следом за; по причине.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

авиац.	— авиационный	муз.	— музыкальный
биол.	— биологический	науч.	— общенаучный
биохим.	— биохимический	обыд.	— употребляемый в обыденной речи
бот.	— ботанический	полит.	— политический
воен.	— военный	техн.	— технический
геогр.	— географический	физ.	— физический
дипл.	— дипломатический	фил.	— философский
издат.	— издательский	филол.	— общефилологический
мат.	— математический	хим.	— химический
мед.	— медицинский	юр.	— юридический
мор.	— морской		

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ «О РУКЕ» И О ПЬЯНСТВЕ

168 ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ «О РУКЕ»

Фразеологические сращения

1. **В руку** (кому-либо) — пойти на пользу кому-либо.

2. **Держать руку** (кого-либо) — быть сторонником кого-либо.

3. **Играть на руку** (кому-либо) — косвенно содействовать кому-либо.

4. **Из рук вон** — употребляется как выражение крайней степени некоторых отрицательных свойств.

5. (Кому-либо) и **карты в руки** — употребляется в значении «кто-либо располагает всеми возможностями для чего-либо».

6. **На руку** (кому-либо) — употребляется в значении «совпадает с желанием кого-либо».

7. **На широкую руку** — щедро, не скупясь.

8. **Не класть охулки на руку** — не упускать своей выгоды.

9. **Не рука** (кому-либо) — кому-либо не подобает, не следует, не имеет смысла что-либо [делать].

10. **Не с руки** (кому-либо) — кому-либо нежелательно, не имеет смысла или не подобает что-то [делать] (ср. «Не рука» — № 9).

11. **Не с руки** (кому-либо) — кто-то или что-то не подходит, не годится кому-либо [для каких-то целей].

12. **Под рукой** — тайно, незаметно для других.

13. **По́д руку** [говорить] — некстати, не вовремя, мешая занятому чем-либо.

14. **По руке** (что-либо кому-либо) — вполне подходит, соответствует по своим свойствам.

15. **С руки** (кому-либо) — кто-то или что-то подходит, годится кому-либо [для каких-то целей] (ср. «Не с руки» во 2-м значении — № 11).

16. **Сошло с рук** (что-либо кому-либо) — кто-либо остался безнаказанным за какой-то проступок.

Фразеологические единства I

17. **Бить по рукам** — заключать соглашение, сделку.

18. **Брать в руки** (кого-либо) — подчинять себе кого-либо, воздействовать на кого-либо.

19. **Брать голыми руками** (кого-либо, что-либо) — овладевать, захватывать без особого труда.

20. **Большая рука** (кто-либо) — влиятельный по своему положению человек.

21. **Большой руки** — обладающий высшей степенью какого-либо качества, отъявленный.

22. **Валится из рук** — не удается, не ладится из-за отсутствия соответствующего настроения или сил.

23. **В руках** (кто-либо у кого-либо) — в зависимом, подвластном положении.

24. **В руках** (что-либо, у кого-либо, чьих-либо) — во владении, в распоряжении кого-либо.

25. **Выпустить из рук** (что-либо) — упустить, не суметь воспользоваться чем-либо.

26. **Горит в руках** (что-либо, у кого-либо, в чьих-либо) — выполняется быстро, ловко, успешно.

27. **Греть руки** (на чем-либо) — нечестно наживаться.

28. **Гулять по рукам** — передаваться от одного человека к другому.

29. **Давать волю рукам** — драться, бить, трогать, хватать кого-либо.

30. **Давать по рукам** (кому-либо) — решительно пресекать чьи-либо нежелательные действия.

31. **Давать** (даю) **руку на отсечение** — с полной убежденностью ручаться за что-либо.

32. **Держать себя в руках** — сдерживать порывы своих чувств, сохранять самообладание.

33. **Держать руки по швам** — дрожать, трепетать перед кем-либо.

34. **Живой рукой** — очень быстро, молниеносно.

35. **Забирать** (брать) **в свои руки** — захватывать что-либо или принимать на себя руководство чем-либо.

36. **Запускать руку** (во что-либо или куда-либо) — присваивать, обычно что-либо казенное, общественное.

37. **Золотые руки** (кто-либо) — мастер своего дела.

38. **Золотые руки** (у кого-либо) — употребляется в значении «кто-либо умеет смастерить все, за что он ни возьмется».

39. **Из вторых рук** [узнать что-либо] — [узнать что-либо] через посредников.

40. **Из первых рук** [узнать что-либо] — [узнать что-либо] непосредственно от кого-либо, без посредников.

41. **Из рук в руки** — от одного к другому, от одних к другим [ходить, переходить и т. п.].

42. **Из третьих рук** [узнать что-либо] — то же, что «из вторых рук» (см. № 39).

43. **Иметь руку** — располагать связями, пользоваться влиятельной поддержкой.

44. **Легкая рука** (у кого-либо) — употребляется в значении «кто-либо отличается удачливостью в любом начинании».

45. **Лизать руки** (кому-либо, у кого-либо) — угодничать, унижаться перед кем-либо.

46. **Марать руки** (о кого-либо, обо что-либо) — ввязываться в предосудительную историю, нестóящее дело.

47. **Мастер на все руки** — человек, умеющий делать всё.

48. **Махнуть рукой** (на кого-либо, на что-либо) — перестать обращать внимание на кого-либо, перестать делать что-либо.

49. **Мозолить руки** — много трудиться, работать физически.

50. **Набивать руку** (в чем-либо, на чем либо) — приобретать умение, сноровку в каком-либо деле.

51. **На живую руку**—наспех, кое-как [делать что-либо].

52. **Накладывать руки** (на кого-либо) — умерщвлять кого-либо.

53. **Накладывать руку** (на кого-либо, на что-либо) — подчинять своему влиянию кого-либо, присваивать или захватывать что-либо.

54. **На руках** (кто-либо у кого-то) [находится] — кто-либо [находится] на попечении, иждивении или содержании у кого-то.

55. **На руках** (кто-либо у кого-то) [умирает] — кто-либо [умирает] в присутствии кого-то.

56. **На руках** (что-либо у кого-либо) — во владении, в распоряжении у кого-либо (ср. «в руках» во 2-м значении — № 24).

57. **На скорую руку** — быстро, без большой затраты времени [делать что-либо].

58. **На скорую руку** — наспех, кое-как [делать что-либо] (ср. «На живую руку» — № 51).

59. **Не покладая рук** — усердно, без устали, не переставая [делать что-либо].

60. **Не с руки** (кому-либо) — кому-либо физически неудобно, неловко (несподручно) что-то делать из-за особого расположения объекта действия по отношению к действующей руке.

61. **Не так большой руки** (что-либо) — не очень значительное.

62. **Нечист на руку** (кто-либо) — вороват, плутоват.

63. **Носить на руках** (кого-либо) — проявлять большое внимание к кому-либо, баловать, предупреждать его желания.

64. **Обагрить руки в крови** — быть причастным к убийству.

65. **Остаться без рук** — сильно устать, дойти до изнеможения от работы [руками].

66. **Отбиваться руками и ногами** (от чего-либо) — решительно, наотрез отказываться от чего-либо.

67. **Отбиться от рук** — перестать подчиняться кому-либо, перестать слушаться кого-либо.

68. **Отдавать в руки** (кого-то или что-то — кому-либо, в чьи-либо) — передавать кого-то или что-то во владение, распоряжение или подчинение кому-либо.

69. **Отдавать руку** [и сердце] (свою кому-либо) — соглашаться стать женой кого-либо.

70. **Отдать руку** (чью-либо кому-либо) — согласиться отдать кому-либо в жены свою дочь или другую подопечную.

71. **Отказать в руке** (кому-либо) — не дать согласия на брак.

72. **Отсохни** [у меня] **руки и ноги** — клятвенное заверение в том, что сказанное — правда.

73. **Пачкать руки** (о кого-либо, обо что-либо) — то же, что «Марать руки» (см. № 46).

74. **Первой руки** — то же, что и «Большой руки» (см. № 21).

75. **Плывет в руки** (что-либо) — что-либо достается легко, без труда.

76. **Под веселую руку** — в состоянии радостного возбуждения.

77. **Под горячую руку** — в состоянии возбуждения, раздражения или гнева.

78. **Поджавши руки** — ничего не делая, бездельничая.

79. **Поднимать руку** (на кого-либо) — вступать в борьбу с кем-либо: порицать его или покушаться на его жизнь.

80. **Подписываться обеими руками** (под чем-либо) — охотно и полностью соглашаться с чем-либо.

81. **Под пьяную руку** — в состоянии опьянения.

82. **Под руками** (у кого-либо) — поблизости, рядом.

83. **Под рукой** (у кого либо) — то же, что «Под руками» (см. № 82).

84. **Позолотить руку** — дать денег за гадание.

85. **Положа руку на сердце** [говорить] — совершенно искренне высказывать что-либо.

86. **Попасть в руки** (кого-либо, чьи-либо, кому-либо) — оказаться в чьем-либо владении, распоряжении и т. п.

87. **Попасть под руку** (кому-либо) — случайно оказаться поблизости от кого-либо и тем самым мочь быть легко использованным.

88. **По рукам!** — употребляется в значении «решено, договорились!».

89. **Правая рука** (чья-либо, кого-либо, у кого-либо) — первый помощник, главное доверенное лицо.

90. **Предлагать руку** [и сердце] (кому-либо) — просить кого-либо стать своей женой.

91. **Прибирать вожжи к рукам** — сосредоточивать в своих руках власть, руководство.

92. **Прибрать к рукам** (кого-либо) — подчинить себе, заставить повиноваться.

93. **Прибрать к рукам** (что-либо) — присвоить или захватить что-либо, завладеть чем-либо.

94. **Приложить руки** (к чему-либо, к кому-либо) — серьезно заняться кем-либо или чем-либо.

95. **Приложить руку** (руки) (к чему-либо) — быть причастным к чему-либо, чаще предосудительному.

96. **Пройти через руки** (кого-либо, чьи-либо) — быть какое-то время в ведении кого-либо.

97. **Пропускать мимо рук** (что-либо) — упускать что-либо, лишаться чего-либо, вовремя не заметив.

98. **Прóсится в руки** (что-либо) — то же, что «плывет в руки» (см. № 75).

99. **Просить руки** (чьей-либо) — обращаться к родителям девушки с просьбой выдать дочь замуж.

100. **Протянуть руку** (к чему-либо) — покуситься на что-либо, пытаться поживиться чем-либо.

101. **Разводить руками** — недоумевать, не знать, как поступить в затруднительных обстоятельствах.

102. **Развязать руки** (кому-либо) — дать кому-либо полную свободу действия.

103. **Рука в руку** (с кем-либо) — вместе, как единомышленники [действовать].

104. **Рука не дрогнет** (у кого-либо) — у кого-либо хватит решимости, смелости сделать что-либо.

105. **Рука не налегает** (у кого-либо) — у кого-либо не хватает решимости сделать что-то.

106. **Рука не поднимается** (у кого-либо) — то же, что «Рука не налегает» (см. № 105).

107. **Рука об руку** (с кем-либо) — то же, что «Рука в руку» (см. № 103).

108. **Рука с рукой** — то же, что «Рука в руку» (см. № 103).

109. **Руки горят** (у кого-либо) — кто-либо испытывает неодолимое желание что-либо сделать.

110. **Руки коротки** (у кого-либо) — у кого-либо нет возможности сделать что-то.

111. **Руки не доходят** (до кого-либо, до чего-либо) — у кого-либо нет времени или возможности заняться чем-то или кем-то.

112. **Руки не отвалятся** (у кого-либо) — с кем-либо ничего не случится, если он что-то сделает.

113. **Руки не поднимаются** (у кого-либо) — то же, что «Рука не налегает» (см. № 105).

114. **Руки опускаются** (у кого-либо) — у кого-либо пропадает всякое желание или способность действовать.

115. **Руки отваливаются** (у кого-либо) — кто-либо очень устал от работы [руками].

116. **Руки отнимаются** (у кого-либо) — то же, что «Руки опускаются» (см. № 114).

117. **Руки прочь!** (от кого-либо или чего-либо) — требование невмешательства в какие-либо дела.

118. **Руки чешутся** (у кого-либо) — кто-либо испытывает желание действовать [руками], подраться с кем-либо или заняться каким-нибудь делом.

119. **Рукой не достанешь** — употребляется в значении «недосягаем, недоступен для кого-либо» (о человеке, занимающем высокое положение).

120. **Рукой подать** (до чего-либо) — совсем близко.

121. [Само] **идет в руки** (что-либо кому-либо) — то же, что «Плывет в руки» (см. № 75).

122. **Сбыть с рук** (что-либо, кого-либо) — продать что-либо, избавиться от чего-либо, кого-либо.

123. **Своя рука** — свой человек, единомышленник, который может помочь чем-либо.

124. **Связывать по рукам** (кого-либо) — лишать возможности кого-либо

свободно действовать или ставить его поступки в зависимость от определенных условий.

125. **Связывать руки** — то же, что «Связывать по рукам» (см. № 124).

126. **Сильная рука** — влиятельный покровитель.

127. **С легкой руки** (чьей-либо) — по чьему-либо примеру, почину, послужившему началом ряда действий.

128. **Сложа руки** — то же, что «Поджавши руки» (см. № 78).

129. **Сложить руки** — перестать действовать

130. **Сошло с рук** (что-либо) — прошло, окончилось как-либо.

131. **С протянутой рукой** [ходить] — просить, собирать милостыню.

132. **С пустыми руками** — ничего не имея при себе или ничего не добившись.

133. **Средней руки** — посредственный, ничем не выдающийся по своей значимости и способностям (ср. «Большой руки» — № 21).

134. **С рук** — не через торговую сеть [продавать, покупать и т. д.].

135. **С руками и ногами** [выдавать, брать и т. п. кого-либо] — целиком, полностью [выдавать, брать и т. п. кого-либо].

136. **С руками и ногами** — охотно, с удовольствием [соглашаться с чем-либо].

137. **С руками-ногами** — то же, что «С руками и ногами» в обоих значениях (см. № 135 и 136).

138. **С руками оторвать** — взять с большой охотой, раскупить нарасхват.

139. **С руками рвать** — раскупать, разбирать нарасхват.

140. **С рук долой** — полностью освободиться от каких-либо забот.

141. **С руки** (кому-либо) — кому-либо физически удобно (сподручно) что-то делать из-за особого расположения объекта действия по отношению к действующей руке (ср. «Не с руки» — № 60).

142. **С тяжелой рукой** (кто-либо) — кто-либо обладает большой силой удара, больно и сильно бьет.

143. **Тяжел на руку** (кто-либо) — то же, что «С тяжелой рукой» (см. № 142).

144. **Ударять по рукам** — то же, что «Бить по рукам» (см. № 17).

145. **Умывать руки** — отстраняться от участия в каком-либо деле.

146. **Ухватиться** (схватиться) **обеими руками** (за что-либо) — с большой охотой или радостью воспользоваться чем-либо.

147. **Ходить по рукам** — переходить от одного к другому; быть в пользовании то у одного, то у другого.

148. **Широкой рукой** [платить] — [платить] щедро.

149. **Щедрой рукой** — не скупясь, не жалея [давать, раздавать что-либо].

Фразеологические единства II

150. **В одни руки** [давать что-либо] — [давать что-либо] одному лицу.

151. **В руках** (у кого-либо) — в процессе создания или исполнения кем-либо.

152. **В собственные руки** (кому-либо) — непосредственно, лично [дать что-либо кому-либо].

153. **Из вторых рук** [получать что-либо] — [получать что-либо] через посредников.

154. **Из первых рук** [получать что-либо] — [получать что-либо] непосредственно от кого-либо, без посредников.

155. **Из рук в руки** [передавать что-либо] — непосредственно от одного к другому.

156. **Из третьих рук** [получать что-либо] — то же, что «**Из вторых рук**» (см. № 153).

157. **От руки** — ручным способом [писать, рисовать **и т. д.**].

158. **Поднимать руку** (на кого-либо) — замахиваться на кого-либо, пытаться ударить.

159. **Под рукой** (у кого-либо) — в непосредственном исполнении или созидании кого-либо (ср. «В руках» — № 151).

160. **Под руку** [идти] — опираясь на согнутую в локте руку спутника.

161. **Попасть в руки** (к кому-либо) — быть пойманным, схваченным кем-либо.

162. **Приложить руку** (к чему-либо, под чем-либо) — подписать какой-либо документ, бумагу.

163. **Пройти через руки** (кого-либо, чьи-либо) — быть какое-то время в работе у кого-либо.

164. **Рука в руку** [идти, двигаться] — взявшись за руки.

165. **Рука не поднимается** (на кого-либо) — не хватает решимости замахнуться на кого-либо, побить или убить его.

166. **Рука об руку** [идти, двигаться] — то же, что «Рука в руку» (см. № 164).

167. **Рука с рукой** [идти, двигаться] — то же, что «Рука в руку» (см. № 164).

168. **С рук на руки** — непосредственно кому-либо [передавать, сдавать что-либо].

29 ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ О ПЬЯНСТВЕ И ВЫПИВКЕ

В значении глагола «выпить»

1. **Заглянуть в бутылку** (EI). 2. **Заглянуть в рюмку** (EI). 3. **Залить за галстук** (EI). 4. **Залить за ворот** (EI). 5. **Залить за ухо** (EI). 6. **Замочить губы** (EII). 7. **Зашибить дрозда** (Ср). 8. **Насандалить нос** (Ср). 9. **Побороть медведя** (Ср). 10. **Пустить в жилку** (Ср). 11. **Раздавить мерзавчика** (Ср). 12. **Смазать глотку** (EI). 13. **Смочить горло** (EII). 14. **Сполоснуть зубы** (EI). 15. **Убить муху** (Ср). 16. **Хватать за хвосты** (Ср).

В значении категории состояния «быть пьяным»

1. **В дрезину** (Ср). 2. **Во хмелю** (EI). 3. **В стельку** (Ср). 4. **До положения риз** (Ср). 5. **Лыка не вяжет** (Ср). 6. **Под мухой** (Ср). 7. **Под градусом** (Ср.). 8. **Под хмельком** (EI). 9. **Под шофе** (Ср.). 10. [Пошел] **петли метать** (EI). 11. [Пошел] **писать мыслете** (EI). 12. **Хоть выжми** (EI). 13. **Четверкой поехал** (т. е. на четвереньках) (EI).

ПОБАСЕНКИ И АНЕКДОТЫ (ОДНОМОМЕНТНЫЕ)[1]

(Конструктивный тип Д)

ПОБАСЕНКИ

I 𝔄

— Что сукна с моей шкуры сошло! — сказал горюн баран. — Не тужи, — сказал мужик, — скоро самого съедим. (Русская, 82, 641).

*

Спросили у муравья: «Почему голова у тебя большая?» — «Умен».— «Почему талия тонкая?» — «Красив». — «Почему зад велик?» — «Придержи язык»,— ответил он. (Туркменская, 102, 220.)

*

У куропатки спросили: «Почему лапки красные?» — «Холодно». — «Да мы тебя и летом с красными лапками видели»,— ответили ей. (Армянская, 44, 22.)

*

— Собака, чего лаешь? — Волков пугаю.— Собака, чего хвост поджала? — Волков боюсь. (Русская, 82, 734.)

*

Волку евангелие читали, а он сказал: «Поторопитесь, стадо уходит». (Курдская, 81, 331.)

I 𝔅

Осел заревел: «Вол с кручи падает».— «А тебе-то что?» — спросили его. «Как что! Тушу-то на меня навьючат». (Осетинская, 73, 89.)

*

Лиса в капкан попала и во весь голос закричала: «Если всю курицу не дадите, то от ножки я отказываюсь!». (Грузинская, 81, 196).

*

Когда река понесла лягушку, она сказала: «Мне самой хотелось к морю поплыть». (Абхазская, 81, 24.)

---

[1] Ввиду недостатка места мы приводим здесь лишь отдельные образцы указанных текстов, относящихся к четырем высшим логико-семиотическим инвариантам (I𝔄, I𝔅, II𝔄 и II𝔅), и потому не можем подразделять их на соответствующие конструктивные типы, подтипы и логико-тематические группы.

*

Сливу не смог достать рукой, сказал: «Кислая!» (Таджикская, 61, 245.)

*

Петух сказал: «Я свое прокукарекаю, а с рассветом будь что будет». (Осетинская, 81, 412.)

*

Лягушке плюнули в глаза, а она говорит: «Мое место в воде». (Ассирийская, 81, 97.)

II 𝔄

У мула спросили: «Кто твой отец?» Он ответил: «Моя мать — лошадь». (Турецкая, 81, 546.)

*

— Где живешь, кулик? — На болоте.— Иди к нам в поле! — Там сухо. (Русская, 82, 722.)

*

Летучую мышь спросили: «Почему ты никогда не летаешь днем?» — «Я привыкла к свету ночи, — ответила летучая мышь,— и не могу выносить темноту дня». (Персидская, 77, 337.)

*

Губа сказала: «Пришло»; рот сказал: «Вошло»; живот сказал: «Что там было наверху, что не спустилось вниз?» (Это говорят, когда достается ничтожная доля еды.) (Таджикская, 61, 400.)

*

Верблюда спросили, почему он мочится задом. Он сказал: «А что у меня как у других?» (Говорят о людях, которые стараются чем-то выделиться.) (Персидская, 78, 281.)

*

Осла пригласили на свадьбу, он сказал: «Наверно, нужно воду таскать». (Армянская, 76, 250).

II 𝔅

У вороны спросили: «Кто из птиц самый красивый?» Она ответила: «Мой птенец!» (Армянская, 81, 90.)

*

Верблюда спросили: «Что тебе нравится больше — подъем или спуск?» Он сказал: «Есть еще и третья мерзость — грязь». (Афганская, 81, 435.)

*

Спросили лисицу: «Сколько ты знаешь различных уловок?» И говорит лиса: «Сто различных уловок хвостом я применяю перед собакой. Но самая высшая моя уловка в том, чтобы ни я не видала собаки, ни собака меня». (Армянская, 71, 130.)

*

— Что ест лев? — То, что берет.— Чем платит за это? — А кто с него спросит? (Амхарская, 81, 51.)

*

И лягушка в луже квакает: «Место мое самое лучшее!» (Туркменская, 81, 557.)

*

Когда рубишь дерево, оно говорит: «А ведь ручка топора — деревянная!» (Туркменская, 102, 225.)

*

Стоит петух на кровле и удивляется: «Как только эти дома меня выдерживают?» (Армянская, 81, 88.)

АНЕКДОТЫ

I 𝔄

Однажды у Моллы [Насреддина] спросили: «Молла, может, ты скажешь: если у столетнего мужчины будет молодая жена, сможет ли у них родиться ребенок?» — «Если у них по соседству окажется молодой парень, — ответил Молла, — то могут родиться и двое». (Азербайджанский, 42, 253.)

*

— Где конец веревки этой? — Нет его, отрубили. (Русский, 82, 500.)

*

— Отец, сколько еще терпеть нам такую бедность? — Сорок дней.— А потом? — Привыкнем. (Армянский, 76, 351.)

*

— Вчера я упал с двенадцатиметровой лестницы. — Как же ты уцелел? — К счастью, я стоял на нижней перекладине. (Русский, 122, 34.)

*

Одного человека спросили, на что похожа римско-католическая церковь. «Сказать по правде, на мою жену. Она властвует над всеми и велит

делать все, что ей взбредет в голову, не считаясь ни с богом, ни с людьми. А чуть что не по ней — посылает всех к дьяволу». (Английский, 83, 3.)

*

Один человек спросил приятеля: «Что у тебя на ужин?» — «Ровно ничего».— «Это еще неплохо, а могло быть хуже. У меня тоже нет ничего, но зато есть гость». (Персидский, 77, 12.)

I 𝔅

Падишах однажды сказал: «Царствовать хорошо. Но было бы еще лучше, если бы царствование продолжалось вечно».— «Если бы оно было вечным,— возразила ему жена,— до тебя не дошла бы очередь». (Персидский, 77, 392.)

*

— Медведя поймал! — Веди сюда! — Да нейдет! — Так сам иди! — Да не пускает. (Русский, 82, 69.)

*

«Сколько живут мыши?» — спросил учитель. «Это зависит от кошек»,— ответил ученик. (Туркменский, 102, 175.)

*

— Ты внутрь войти можешь? — Могу.— А выйти? — Нет.— Тогда оставайся, где был. (Еврейский, 76, 351.)

*

Голодного спросили, что тяжелее всего; он ответил: «Пустой желудок». (Грузинский, 81, 190.)

II 𝔄

Кадий (судья) спросил вора: «Ты воровал один или у тебя был напарник?» — «Один, конечно. Разве в наше время найдешь человека, которому можно довериться?» (Персидский, 77, 246.)

*

— Пойдем в церковь! — Грязно.— Ну так в кабак! — Уж разве как-нибудь под забором пройти. (Русский, 82, 256.)

*

— О учитель! Почему охотник, когда стреляет, закрывает один глаз? — Потому что если он закроет оба глаза, то ничего не увидит. (Афганский, 46, 136.)

*

— Что делаешь? — Ничего.— А он что? — Помогать пришел. (Русский, 82, 504.)

*

Проповедник говорил в мечети: «Не держите дома собак, и тогда ангел посетит ваш дом». Ему возразили: «Пусть ангел не придет, но зато и вор не влезет». (Персидский, 77, 44.)

*

Я ему: «Я холост». А он: «Сколько у тебя сыновей?» (Курдский, 81, 339.)

II 𝔅

Однажды Моллу [Насреддина] спросили: «Молла, когда несут покойника, где быть лучше — впереди гроба или позади?» — «Где хотите,— ответил Молла,— только не посередине». (Азербайджанский, 42, 248.)

*

— Иван, скажи моей лошади «тпру!» — А сам что же? — Губы замерзли. (Русский, 82, 184.)

*

Одного мудреца спросили: «Что заключает в себе все зло и все добро одновременно?» Он ответил: «Язык». (Сирийский, 75, 99.)

*

Один любознательный ученик спросил учителя: «Скажите, пожалуйста, кого люди больше ценят — тех, кто говорит много, или тех, кто говорит мало?» Учитель ответил: «С утра и до утра кричат на болоте лягушки. Но никто не обращает на них внимания. Петух же кричит только на заре — и люди слушаются его: встают и принимаются за работу». (Древнекитайский, 62, 60.)

*

У Ходжи [Насреддина] попросили лекарства для глаз. «На днях у меня болел зуб, — заметил Ходжа, — и ничего больше мне не помогло, как только то, что я его выдернул». (Турецкий, 43, 122.)

*

У мудреца Лукмона спросили: какой огонь сжигает того, кто его разжег? Он ответил: «Зависть». (Таджикский, 61, 699.)

БАСНИ И ШВАНКИ (СЮЖЕТНЫЕ АНЕКДОТЫ)[1]

(Конструктивный тип Ж)

БАСНИ

I 𝔄

Два петуха

Как-то два петуха решили помериться силами. Они созвали всех своих кур и сказали: «Смотрите на нас: мы сейчас будем драться! И пусть падет позор на голову побежденного!» С этими словами они яростно набросились друг на друга. Вскоре один из петухов остался без глаза. Но другой всё клевал и клевал его, пока не выбил ему второй глаз. Бедняга тут же повалился на землю и умер. Петух-победитель издал призывный клич, и все куры поспешили к нему. Петух сказал: «Мой соперник мертв. Отныне ваш единственный господин — я! И никто не смеет противиться моей воле!» Потом он взлетел на крышу и прокричал: «Я самый сильный, я самый главный, я самый великий во всей нашей округе!» Вдруг откуда-то сверху прилетел ястреб. Он схватил петуха, унес его к себе в гнездо и сожрал. (댐Сималурская, 74, 135.)

Ласка и мышь

Воспылала ласка страстью к юноше и умоляла богиню Астгик, чтобы ей было дано стать прекрасной женщиной. И, достигнув желаемого, она по виду стала женщиной. Но после сговора с желанным была свадьба, и песни, и пляски круговые, и светильники горели у брачного полога, а она, увидев бегущую мышь, за нею погналась, чтобы ее словить. (Армянская, 71, 131.)

Курица и змеиные яйца

Курица нашла змеиные яйца и стала их любовно высиживать. Это заметила ласточка и сказала: «О несчастная, что ты делаешь! Когда благодаря тебе из этих яиц вылупятся змееныши, они первым делом ужалят тебя». Не следует надеяться на благодарность дурного человека. Сколько ни делай ему добра, он отплатит тебе злом. (Сирийская, 75, 167.)

---

[1] Как и в предыдущем Приложении, мы приводим здесь лишь отдельные образцы текстов, относящихся к высшим логико-семиотическим инвариантам, без подразделения их на логические конструктивные типы, подтипы и логико-тематические группы.

I 𝔅

Хитрая овца

Однажды пастух ударил овцу. Захромала бедняжка и заплакала горькими слезами. Пастух испугался и попросил: «Ты уж не говори хозяину!» Овца сквозь слезы ответила: «Я-то, может, и не скажу, зато моя хромота скажет!» (Афганская, 46, 134.)

[Хвастливый дятел][2]

Дятел Бобобогбо сказал другим дятлам: «Никто из вас не умеет хорошо долбить клювом. Вот погодите, умрет моя мать, я похороню ее в стволе дерева». Когда же мать умерла, у него вдруг так распух клюв, что он вообще не смог ничего долбить. (Бауле, 45, 226.)

Лиса и куропатка

Лиса, поймав куропатку, держала ее в пасти и хотела съесть. И говорит куропатка: «Благословен бог, призвавший меня в свое царствие, ибо я отхожу от сих зол земных; ты же, лиса, восславь бога, а потом уж и съешь меня, и великое благо тебе да будет». Лиса присела, раскрыла пасть, глядя в небо, и говорит: «Славлю тебя, о боже благий, иже уготовил мне трапезу добру». Куропатка выскользнула тут из лисьей пасти и улетела. И говорит лиса: «О, я безумная и глупая, следовало мне сначала вкусить, а потом уже восславить бога». (Армянская, 71, 86.)

II 𝔄

Лягушка и океан

Разбушевался однажды океан, и волны забросили в прибрежный колодец морскую черепаху. В колодце сидела лягушка. Увидела она незнакомку, удивилась и спрашивает: «Ты кто такая и откуда взялась?» — «Я черепаха, а пришла я сюда прямо из океана». — «Разве океан может дойти сюда? Неужто он такой большой?» — «О, океан очень велик!» — ответила черепаха. «А с треть нашего колодца он будет?» — полюбопытствовала лягушка. «Куда больше!» — «Так, может быть, он такой, как две трети этого колодца или даже как весь колодец?» — не унималась лягушка. «Океан так велик, что здесь его и сравнить не с чем»,— сказала черепаха. Но лягушка ей не поверила: «Таким большим океан, конечно, быть не может,— подумала она. — Черепаха меня просто обманывает». (Тибетская, 118, 216.)

[Овца и волк]

Овца стояла на крыше высокого дома, а мимо проходил волк. Овца стала поносить его, а волк сказал: «Не думай, что ты такая храбрая. Это

[2] Заголовки текстов, заключенные в квадратные скобки, в оригинале отсутствуют.

не ты меня ругаешь, а то высокое место, на котором ты стоишь». (Персидская, 77, 340.)

Об одном и том же — по-разному

Жил когда-то один любитель обезьян. В доме его всюду резвились мартышки. Чтобы прокормить обезьян, человеку надо было работать. Но он так любил своих мартышек, что не решался покинуть их и на один час. И потому не удивительно, что настал день, когда человек стал нуждаться. Тогда он сказал обезьянам: «Я не могу вас кормить, как прежде. Отныне по утрам вы будете получать всего-навсего четыре банана. А вечером — только три». Услыхав это, мартышки рассердились, начали строить рожи и злобно визжать на всю деревню. «Мало! Мало! Мало!» — кричали они. «Хорошо,— сказал хитрый хозяин.— Я передумал. Так и быть. Утром вы будете получать не меньше четырех бананов, а вечером — целых три!»— «Это другое дело!» — обрадовались обезьяны и успокоились. (Древнекитайская, 62, 108.)

II 𝔅

Цесарка и курица

Цесарка и курица поспорили, кто из них приносит человеку больше пользы. Долго они спорили, и вдруг курица спросила: «Цесарка, ты где откладываешь яйца?» — «В саванне», — ответила та. «А я возле дома,— сказала курица, — человек же живет в доме. И то, что находится около дома, приносит ему больше пользы, чем то, что спрятано в кустах. Одно яйцо в доме лучше тысячи в саванне!» (Хауса, 96, 33.)

[Собака и лев]

Собака пришла ко льву и сказала: «Давай поборемся!» Лев даже внимания на нее не обратил. Тогда собака заявила: «Я сейчас пойду и скажу всем зверям пустыни, что лев меня испугался!» — «Пусть меня осудят за трусость все звери пустыни,— проговорил лев.— Это все же будет приятнее презрения львов за то, что я дрался с собакой!» (Персидская, 77, 331.)

Муравей и цикада

Маленькая Кикихи-цикада летом только и делает, что поет. Воздух дрожит от ее стрекота, сквозь кроны деревьев сияет солнце, теплый ветер колышет листву, и кажется, что зима далеко-далеко. Вот об этом и поет Кикихи: «Зима прошла, сейчас здесь лето. Давайте же радоваться и петь песни на теплой коре деревьев — ведь холод и сумрак ушли навсегда».

Но есть другая песнь, которую мало кто слышит, потому что Кикихи заглушает ее. Это скромная песенка, которую поют те, кто трудится в летние дни, ползая по земле. Это песнь Папакоруа-муравья. «Грядет зима,— поет, он, собирая корм,— надо сытно есть в холодные зимние дни. Так будем работать, чтобы жить». Прошло время, и наступила зима. Листья, танцевавшие в солнечном свете, задрожали от холодного ветра и леденящего дождя, стекавшего с них на сырую землю. Беззаботная Кикихи, которая все лето наслаждалась теплом да веселилась, теперь похудела и дрожала от холода. В конце концов она умерла, прильнув к неприветливой коре дерева. А в доме Папакоруа и зимой было тепло и уютно, он ел досыта и спокойно ждал возвращения лета. (Маори, 84, 89.)

ШВАНКИ

121

Лентяй

Один человек до того обленился, что совсем ничего не делал. В конце концов соседям надоело кормить его, и они решили его похоронить. Положили они его на повозку и повезли на кладбище. Прохожий спросил их, что происходит. Когда соседи сказали ему, что хоронят лентяя, он пожалел лентяя и тут же вызвался дать ему мешок гороха на пропитание. Услышав это, лентяй поднял голову и спросил: «А горох лущеный?» — «Нет».— «Везите меня на кладбище»,— сказал лентяй. (Американский, 70, 106.)

Подарок

Однажды кази (судья) справлял именины. Богач-подхалим, зная, что кази родился в год мыши, преподнес ему щедрый подарок — золотую мышь. Обрадованный кази сказал ему: «Очень благодарен тебе за подарок. Скоро будет справлять именины моя жена. Она на год моложе меня и родилась в год коровы». (Туркменский, 102, 134.)

[Не такие уж прочные]

Купили озорнику штаны из чертовой кожи. «Вот, сынок, это очень прочные штаны и прорвутся нескоро, не так, как другие». Не успел отец оглянуться, как мальчик прибежал домой и радостно сообщил: «Папа, папа, а штаны я уже порвал!» — «Как, — рассердился отец. — Что же ты делал?» — «Ничего особенного, папа: я сидел на точиле, а Янис его вертел». (Латышский, 63, 264).

I В

Мудрая красавица

Однажды шла по дороге красивая женщина. Увязался за ней мужчина. Обернувшись, красавица спросила его: «Зачем ты преследуешь меня, незнакомец?» — «Я влюблен в тебя, о прекрасная из прекрасных!» Женщина улыбнулась и говорит: «Следом за мной идет моя сестра. Глаза ее черны, как ночное небо. Она красивее меня в десять раз!» Мужчина обрадовался и побежал назад. Бежал, бежал и видит: плетется по дороге старая-престарая старуха. Он даже плюнул со злости и бросился вслед за молодой красавицей. Догнал ее и говорит: «Зачем ты меня обманула?» — «Нет, это ты меня обманул, незнакомец! Если бы ты действительно любил меня, то не побежал бы к другой женщине!» Стыдно стало мужчине, и он отправился своей дорогой. (Афганский, 46, 115.)

Логика

На уроке закона божьего учитель рассказывает детям о прощении грехов и милосердии божьем: «Что мы прежде всего должны сделать, чтобы господь бог простил нас?» — «Согрешить»,— дружно ответили ученики. (Французский, 83, 40.)

Мужик и заяц

Бедный мужик, идучи по чистому полю, увидал под кустом зайца, обрадовался и говорит: «Вот когда заживу домком-то! Возьму этого зайца, убью плетью да продам за четыре алтына, на те деньги куплю свинушку: она принесет мне двенадцать поросенков; поросятки вырастут, принесут еще по двенадцати; я всех приколю, амбар мяса накоплю; мясо продам, а на денежки дом заведу да сам оженюсь; жена-то родит мне двух сыновей, Ваську да Ваньку. Детки станут пашню пахать, а я буду под окном сидеть да порядки давать. «Эй вы, ребятки,— крикну,— Васька да Ванька! Шибко людей на работу не туганьте; видно, сами бедно не живали!» Дак так-то громко крикнул мужик, что заяц испугался и убежал, а дом со всем богатством, с женой и детьми пропал. (Русский, 68, 510).

II А

[Сладости]

Однажды хорасанец (житель Хорасана) велел своей жене приготовить сладостей. «У нас нет яиц»,— сказала жена.— «Ничего, сделай без яиц». — «Но у меня и сахара нет».— «Приготовь без сахара».— «А где взять молоко?» — «Замеси тесто на воде».— «Но у нас и пшеничной муки нет!»—

«Замеси ячменную». Жена напекла сладостей, как ей велел муж, и поставила перед ним. Хорасанец ел и все время качал головой, приговаривая: «Не понимаю, как богачи могут есть такую дрянь?!» (Персидский, 77, 8.)

Ходжа и банщики

Пошел однажды Ходжа [Насреддин] в баню. Банщики дали Ходже старый запон, старое полотенце — вообще не оказали ему большого внимания. Ходжа ничего не сказал, а, выходя, положил на зеркало десять акча. Банщики удивились и, разумеется, обрадовались. Через неделю Ходжа опять пришел в ту же баню. На этот раз банщики начали ухаживать за ним вовсю: подали расшитое полотенце, шелковый запон и так далее. Ходжа опять ничего не сказал, но, выходя из бани, положил на зеркало одно акча. Банщики, пораженные, рассердились и сказали: «Эфенди, как это понимать?» — «Ничего тут нет особенного,— заметил Ходжа.— То, что я дал сегодня,— это плата за прошлый раз, а те деньги, что я дал тогда, за сегодняшний день». (Турецкий, 43, 155.)

Кто виноват?

Однажды князь Чи отправился в сопровождении придворных на охоту. Едва он подъехал к озеру, как увидел лебедя. Князь выстрелил, но промахнулся. Не успел испуганный лебедь скрыться в зарослях камышей, как придворные начали громко и дружно восклицать: «Какой удачный выстрел! Наш князь — лучший стрелок Китая! Стрелы князя не знают промаха!» Долго еще продолжали придворные восхищаться метким выстрелом князя. Но князь видел, что стрела его даже не задела лебедя, и, вернувшись с охоты, он спросил ученого старца Сюэнь Чжана: «Скажите, появятся ли когда-нибудь среди моих придворных правдивые люди? Когда наконец мои министры перестанут мне льстить и начнут говорить правду?»

Мудрый Сюэнь Чжан ответил: «Если князь любит поэзию — придворные читают ему стихи. Если князь увлекается музыкой — министры его не расстаются с флейтами. Если князь любит слушать о себе правду — придворные говорят ему правду. А если министры оскверняют себя ложью и лестью, значит, их князь любит лесть и ложь. Потому что придворные делают только то, что приятно князю. Вот и подумайте, господин мой, кто виноват в том, что ваши придворные не говорят вам правды». (Древнекитайский, 62, 49.)

II 𝔅

Завистник

Знал некий царь о своих воинах, что они втайне питают зависть друг к другу. И говорит царь одному из них: «Проси у меня какого хочешь возвеличения, чтоб я тебе воздал, но с тем, что твоему товарищу я дам вдвой-

не по сравнению с тобой». Говорит тот в мыслях своих: «Если я попрошу себе какого-либо блага, то он тому даст вдвойне!» И говорит царю: «Выколи мне один глаз!» Это — чтобы другому он выколол оба. (Армянский, 71, 58.)

[Моя синичка клюет]

Слышит женщина, что кто-то жует в кладовой. Она думает, что это служанка, и говорит: «Опять эта старая обжора вертит свою голодную мельницу, аж треск стоит». Но отозвалась ее собственная дочь: «Это я, мамочка!» — «Ах, это синичка моя клюет!» (Латышский, 63, 210.)

[Будет ли осел пить вино?]

Шейх проповедовал с минбара: «О люди,— говорил он,— мы пали ниже животных. Поставьте перед ослом ведро с водой и ведро с вином. Что он станет пить?» — «Конечно, воду!» — ответили все в один голос. Присутствовавший там хорасанец вставил: «Потому что он осел и лишен разума». (Персидский, 77, 100.)

Из рассказов о Насреддине

А. Ходжа (Молла) Насреддин умен и находчив

Котел умер

Однажды Ходжа занял у соседа котел и по миновании надобности вернул котел обратно, положив в середину маленькую сковородку. «А это что?» — спросил хозяин, указывая на сковородку. «А это ваш котел родил»,— сказал Ходжа. Сосед обрадовался и взял себе сковородку.

Вот опять попросил Ходжа котел и унес его к себе домой. Хозяин ждет-ждет, а Ходжа всё не возвращает котла. Он идет к Ходже и стучит. «Что тебе надо?» — спрашивает Ходжа. «Верни мне котел»,— говорит сосед. Тогда Ходжа заметил: «Я должен сообщить тебе печальное известие: твой котел скончался». Сосед, удивлённый, возразил: «Да видано ли это, чтобы котел умирал?» На это Ходжа отвечал: «Если ты поверил, что котел может рожать, то почему не веришь, что он может умереть?» (Турецкий, 43, 24.)

При курах всегда полагается и петух

Однажды в Акшехире ребята повели Ходжу в баню. Тихонько взяли они с собой по яйцу и, когда, раздевшись, вошли в баню и сели на мраморном возвышении, уговорились: «Ну-ка, ребятки, давайте снесем по яичку, и если кто не снесет, пусть платит за всех». Кудахтая, как куры,

они тихонько повытаскивали яйца, которые принесли с собой в баню, и выложили их ловко на мрамор. А Ходжа, увидев это, забил руками, как петух крыльями, и начал кукарекать. «Что ты делаешь, Ходжа?» — спросили дети. «При курах всегда полагается и петух», — заметил Ходжа. (Турецкий, 43, 33.)

Сон

Однажды, когда Молла был кази (судьей), один хитрюга-богач притащил к нему своего соседа, бессловесного простака, и сказал: «Мне приснилось, что он мне должен. Сейчас я прошу его вернуть долг, а он отказывается». Молла подумал немного и сказал. «Ты прав! Раз ты увидел во сне, значит, он тебе должен. Но в этих проклятых книгах закона ничего не разберешь. Закон не позволяет получать приснившийся долг. Пойди и засни. И если тебе опять приснится тот же сон, ты, не просыпаясь, прибеги ко мне, и я взыщу твои деньги». (Азербайджанский, 42, 90.)

Боязнь щекотки

Говорят, Тимур, желая узнать, насколько храбр Молла, приказал своим палачам: «Повесьте его сейчас же!».

Палачи поволокли Моллу, который не промолвил ни слова. Когда его довели до дверей, Тимур спросил: «Если у тебя есть что́ завещать, сделай это — настали твои последние минуты».— «Никакого завещания у меня нет. Есть только одна маленькая просьба».— «Какая?» — спросил Тимур. «Мне щекотно, когда дотрагиваются до моей шеи,— ответил Молла,— и я прошу тебя приказать, чтобы меня повесили не за шею, а за пояс». (Азербайджанский, 42, 43.)

Б. Ходжа (Молла) Насреддин глуп и бестолков

[Точная примета]

Однажды люди увидели, что Насреддин усердно копает землю в поле. «Что ты делаешь?» — спросили его люди. «Да вот, закопал здесь деньги, а теперь не могу найти».— «А ты не запомнил приметы?» — «Да запомнил».— «А что за примета?» — «Над тем местом было облачко». (Персидский, 77, 208.)

Как Ходжа тащил из колодца месяц

Однажды поздно вечером Ходжа при свете луны поднимал ведро из колодца, и увидел он, что в колодец упал месяц. Чтобы вытащить месяц, он привязал к веревке крючок и опустил вниз. Случайно крючок зацепился за камень; и когда он сильно натянул веревку, крючок сорвался, а Ходжа

упал на спину. Он взглянул наверх и увидел, что месяц на небе. «Ну, слава богу, помучился я немало, но зато месяц теперь вернулся на свое место». (Турецкий, 43, 97.)

Загадка

Кто-то, спрятав в руке яйцо, спросил Моллу: «Молла, если ты угадаешь, что у меня в руке, я разобью это сейчас же, залью маслом, сделаю яичницу и угощу тебя». Молла подумал немного и спросил: «А скажи, какого оно цвета?» — «Снаружи белое, а внутри желтое». Молла опять задумался и сказал: «Ага, догадался! Это редька! У нее выковыряли сердцевину и начинили шафраном». (Азербайджанский, 42, 287.)

Ходжа объявляет врачу, что жена не нуждается во врачебной помощи

Жена Ходжи почувствовала колики и стала просить Ходжу позвать врача. Только Ходжа вышел за дверь, жена высунулась в окно и сказала: «Слава богу, боль прекратилась, не нужно врача». Ходжа быстрехонько побежал к врачу и объявил: «Заболела, было, у меня жена, я должен был привести к ней врача, но когда я выходил из дому, жена высунула голову на улицу и сказала: „Слава богу, теперь нет надобности во враче“. Вот я и пришел сказать тебе, чтобы ты не беспокоился и не ходил к нам». (Турецкий, 43, 168.)

Из рассказов о шильдбюргерах

Как мудрые жители Шильды решили дураками заделаться

Однажды собрались жители Шильды под липой на совет. Летом они всегда устраивали здесь сходки, зимой же ратушей им служил трактир и место у печки было председательским.

Спервоначала староста и его помощники без проволочек рассудили несколько спорных и запутанных дел (ибо им, людям мудрым и справедливым, не требовалось для этого столь долгих сроков, как нынешним судьям). А закончив суд, приступили они к главному, ради чего собрались: как бы все-таки устроить так, дабы их не отзывали больше из дому и они могли, как положено, жить со своими семьями?

Прежде всего они самым серьезным образом взвесили и обсудили, сколь велик вред и убыток от их постоянных отлучек, затем сравнили этот ущерб с выгодой, которую дает им служба у иноземных князей, и нашли, что прибыль никак не покрывает и не возмещает убытка. А посему учинен был всеобщий опрос: как им с этим делом быть?

Послушал бы кто-нибудь, до чего рассудительные и высокомудрые советы посыпались со всех сторон, сколько умного было сказано! Одни предлагали с иноземными вельможами не иметь больше дел, разве что если случится у них крайняя нужда. Другие полагали, что лучше будет не отказывать им сразу и насовсем, а отвечать им так плохо и давать столь непригодные советы, чтобы те сами отстали, больше их, шильдбюргеров, не искали и оставили бы их в покое.

Наконец выступил вперед один старый шильдбюргер и повел такую речь:

— Поскольку главной причиной, что заставляет нас покидать дома, является великая наша мудрость и ясный рассудок, ибо то и дело кто-нибудь посылает за нами, нуждаясь в нашем совете, а мы, будучи все время в отсутствии, терпим постоянный убыток, потому что сало, как говорится, в кухне само не растет,— так вот, поскольку это так, я полагаю, что выход нам надо искать с другой стороны. Иначе сказать: ежели из-за нашей мудрости нас без конца отзывают из дому, то оградить нас от этого сможет, напротив, глупость и шутовство. Как нуждались в нас ради нашего ума, так ради нашего дурачества и сумасбродства оставят нас в покое. Contrariorum,— как говорится, contraria consequentia.[3] Так что, по-моему, все мы без исключения: женщины и дети, старые и малые — все, как один, должны отныне приняться за самые диковинные и редкостные чудачества, которые только можно вообразить и придумать, и какая бы глупость кому ни взбрела на ум, он должен ее сотворить. Выкидывать же дурачества вам должно быть легче благодаря вашей великой мудрости. Известно ведь, что, когда в какой-либо комедии требуется сыграть шута, немного найдется годных для этой роли — тут нужны умнейшие и способнейшие. Представлять или разыгрывать из себя шута — немалое искусство. Случается, что иной возьмется играть дурака, но ежели он в шутовстве ничего не смыслит, он и в самом деле оказывается болваном, и это уж остается за ним на всю жизнь, как кукушке — куковать, колоколу — звонить и раку — пятиться. Нам же, думаю, шутовство не станет в убыток или во вред, а, напротив, надеюсь, принесет всем выгоду и пользу.

Так говорил этот шильдбюргер, и речь его была обстоятельной и тонкой.

Достойный этот совет все стали обсуждать с великим тщанием и серьезностью, и каждого спросили о его мнении. Но так как дело было нешуточное, а от решения зависело их общее благополучие и счастье, договорились с этим не спешить.

Скоро поедешь — не скоро доедешь.
Семь раз примерь — один раз отрежь.
Тише едешь — дальше будешь.
Поспешишь — людей насмешишь.

---

[3] Contrariorum contraria consequentia (лат.) — из противоположного следует противоположное.

В том, что говорил шильдбюргер, был явный смысл, поэтому решено было его предложение обмозговать во всех тонкостях. С этим общество разошлось по домам, уговорившись под конец, что каждый про себя пораскинет умом, с чего следует начать или, иначе говоря, за какой кончик лучше прежде всего ухватить шутовской колпак.

Конечно, у иных были сомнения, и кое-кто в душе сожалел, что после стольких лет мудрости должен на старости лет превратиться в дурака, тем более что настоящие-то дураки (к которым вы и я, конечно, не относимся) терпеть не могут, когда чье-то шутовство на их глупость намекает.

Но раз уж дело шло об общем благе, за которое шильдбюргерам не то что чего другого — жизни было не жалко, порешили они в конце концов распрощаться со своей мудростью и завести другую музыку. (Немецкий, 120, 182.)

ОБРАЗЕЦ ШВАНКА ЛОГИЧЕСКОГО РЯДА Г

Кто же самый умелый?

Некий эмир положил яйцо на верхушку огромного дерева. Пришел стрелок и первой же стрелой сбил яйцо. Другой человек так тщательно собрал вдребезги разбитое яйцо, что никто не сказал бы, что оно было разбито. Третий же так осторожно положил его под курицу, что та, ничего не заметив, продолжала сидеть на яйцах. Кто же из этих трех самый умелый? (Хауса, 96, 44.)

НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ СКАЗКИ [1]

(Конструктивный тип И)

1. НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Из сказок о Правде и Кривде

(Сюжет № 613 по Указателю Аарне — Андреева)

О правом и неправом

(Армянская сказка)

Шли два человека и беседовали между собой. Один спросил у другого: «А вот скажи, кому следует пойти вперед — правому или неправому?» — «Правому».— «Нет, неправому». Они побились об заклад, что спросят об этом у первого же встречного,— и кто из них выиграет, тот вырежет другому глаза. Вскоре они набрели на старика, и неправый спросил у него: «Дед, кому следует пойти вперед — правому или неправому?» — «Неправому»,— ответил старик. «Вот видишь! — сказал неправый правому.— Дай вырежу тебе глаза». Старик достал из кармана нож, дал неправому и говорит: «На, вырежь!» Неправый вырезал правому глаза и бросил его у ворот развалившейся мельницы. Спустя некоторое время возвратился владелец мельницы и увидел правого. «Что ты тут лежишь, дружище?» Правый рассказал ему все, что с ним случилось. «Вставай, пойдем ко мне! До каких же пор будешь тут лежать?» — «Нет, — ответил правый, — я не пойду к тебе, а лучше проводи меня на мельницу. Я останусь там до утра, а после подумаю, что мне делать».— «Да ведь на моей мельнице водятся черти — они тебя погубят».— «Чертей я не боюсь — пусть будет, что будет». Мельник взвалил правого себе на плечи, понес и положил его в углу на мельнице, а сам вернулся домой.

В полночь на мельнице поднялась суматоха: отовсюду туда слетелись черти. Один из них сказал: «Я свел с ума царскую дочь».— «Велика важность! — ответил другой.— Если убьют черную овчарку и кровью собаки помажут тело девушки, она исцелится».— «А я вчера встретил двух путников,— сказал третий,— споривших между собой о том, кому следует пойти вперед: правому или неправому. Я им предстал в виде старика, и они меня спросили об этом. Я сказал, что неправому, и, достав из кармана нож, дал неправому, а тот вырезал глаза правому».— «Это тоже не ахти какая штука,— ответил другой черт.— Если слепец подойдет к чинаре, стоящей у мельницы, да станет копать под ней — появится вода; глаза у него в кар-

[1] В связи с недостатком места мы приводим здесь образцы назидательных сказок (как волшебных, так и новеллистических), относящихся лишь к одному высшему логико-семиотическому инварианту II $\mathfrak{B}$.

мане — он вложит их в глазницы, смочит водой и прозреет». — «А я поссорил двух людей из-за золота, находящегося под мельничным камнем, и они убили друг друга»,— сказал один из чертей. Но тут запел петух, и черти мигом исчезли.

Утром пришел хозяин мельницы и спросил правого: «Ну что, брат, ночью с тобой ничего не случилось?» — «Нет, — ответил тот, — ничего не случилось. У мельницы есть чинара?» — «Да, есть».— «Поведи меня туда и оставь под ее тенью». Хозяин мельницы исполнил его просьбу, а сам ушел. Правый стал руками рыть землю и вскоре почувствовал, что сочится вода. Глаза его были у него в кармане. Он их достал, вложил в глазницы, смочил водой и исцелился. Встав на ноги, он поднял мельничный камень и нашел там две меры золота. Захватив золото, он отправился к пастуху — владельцу черной собаки. Собака при виде правого хотела было наброситься на него, но пастух вовремя подоспел. «Не продашь ли ты мне, пастух, эту собаку?» — «Нет, она не продажная».— «Я дам за нее сто рублей». Услышав о таких деньгах, пастух даже затрясся. «Давай, давай, продаю!» Правый дал ему сто рублей, взял собаку и пошел в ближайшую деревню. Тут он раздобыл посуду, зарезал собаку, собрал ее кровь и отправился в город к царю.

Явившись к царю, он поклонился ему и сказал, что хочет исцелить царевну. «А можешь ли ты исцелить ее?» — спросил царь. «Потому-то я и явился»,— ответил правый. «Если исцелишь ее, выдам дочку за тебя замуж». Правый, захватив с собой кровь собаки, вошел к царевне. Он поставил девушку на ноги, смазал ее кровью собаки, и от этого кожа девушки вздулась и лопнула. Когда царевна очнулась и заметила мужчину, она застыдилась и укорила его: «Бесстыдник, что ты тут делаешь?» Дали знать царю. Царь сильно обрадовался выздоровлению дочери. Девушку нарядили, выдали замуж за правого и справляли свадьбу семь дней и семь ночей. Вскоре царь умер, и, так как у него не было наследника, зять занял его трон.

Прошло некоторое время. Однажды правый, сидя у себя на балконе, увидел неправого, проходившего по улице. Он велел своим назирам вызвать его к себе. Неправого привели. Царь спросил: «Помнишь, у тебя был товарищ, куда он делся?» — «О каком товарище ты говоришь? У меня не было товарища»,— ответил неправый. «Вспомни хорошенько». Неправый долго думал и наконец вспомнил. Царь велел ему рассказать все, как было. Тот начал рассказывать: так и так — был у меня товарищ, шли мы и заспорили, кому пойти вперед — правому или неправому. Встретили старика и спросили его. Тот сказал — неправому и дал мне нож, которым я вырезал ему глаза. «Теперь не знаю,— закончил свой рассказ неправый,— жив ли мой товарищ или умер».— «Хорошо, иди»,— сказал царь. «Куда мне идти? И зачем ты меня расспрашивал?» — возразил неправый. «Так»,— ответил царь. «Умоляю тебя, скажи мне, зачем ты расспрашивал?» — «Я был твоим товарищем»,— ответил царь и рассказал ему все, что случилось с ним после того, как неправый покинул его у мельницы.

«Где это слыхано, чтобы правый стал царем, а я нет?» — подумал не-

правый и, уйдя от царя, прямо направился на мельницу. Войдя в нее, он спрятался в углу. В полночь собрались черти. «Ах, как жаль, царская дочь исцелилась!» — сказал один из чертей. «Исцелился и тот человек, которому я выколол глаза. Он даже стал царем», — сказал другой. Тогда старший из чертей спросил: «А может быть, на мельнице был человек и подслушал нас? Поищите-ка хорошенько — нет ли тут кого-нибудь?» Черти бросились искать по углам и, найдя неправого, съежившегося в углу, завернули его в ковер, набросились на него и стали колотить его до тех пор, пока тот не испустил дух.

Они достигли своей цели, да достигнете и вы вашей.

С неба упали три яблока: одно — рассказчику, другое — тому, кто слушал, третье — тому, кто услышал (44, 161).

Из сказок о жадной старухе

(Сюжет № 500 по Указателю Аарне — Андреева)

Жадная старуха

(Русская сказка)

Жил старик со старухою; пошел в лес дрова рубить. Сыскал старое дерево, поднял топор и стал рубить. Говорит ему дерево: «Не руби меня, мужичок! Что тебе надо, все сделаю».— «Ну, сделай, чтобы я богат был».— «Ладно; ступай домой, всего у тебя вдоволь будет». Воротился старик домой — изба новая, словно чаша полная, денег куры не клюют, хлеба на десятки лет хватит, а что коров, лошадей, овец — в три дня не сосчитать! «Ах, старик, откуда все это?» — спрашивает старуха. «Да вот, жена, я такое дерево нашел,— что ни пожелай, то и сделает».

Пожили с месяц; приелось старухе богатое житье, говорит старику: «Хоть живем мы богато, да что в этом толку, коли люди нас не почитают! Захочет бурмистр, и тебя и меня на работу погонит, а придерется, так и палками накажет. Ступай к дереву, проси, чтоб ты бурмистром был». Взял старик топор, пошел к дереву и хочет под самый корень рубить. «Что тебе надо?» — спрашивает дерево. «Сделай, чтобы я бурмистром был».— «Хорошо, ступай с богом!»

Воротился домой, а его уж давно солдаты дожидают: «Где ты,— закричали,— старый черт, шатаешься? Отводи скорей нам квартиру, да чтоб хорошая была. Ну-ну, поворачивайся!» А сами тесаками его по горбу да по горбу. Видит старуха, что и бурмистру не всегда честь, и говорит старику: «Что за корысть быть бурмистровой женою! Вот тебя солдаты прибили, а уж о барине и говорить нечего: что захочет, то и сделает. Ступай-ка ты к дереву да проси, чтобы сделало тебя барином, а меня барыней».

Взял старик топор, пошел к дереву, хочет опять рубить; дерево спрашивает: «Что тебе надо, старичок?» — «Сделай меня барином, а старуху барыней».— «Хорошо, ступай с богом!» Пожила старуха в барстве, захо-

телось ей большего, говорит старику: «Что за корысть, что я барыня! Вот кабы ты был полковником, а я полковницей — иное дело, все бы нам завидовали».

Погнала старика снова к дереву; взял он топор, пришел и собирается рубить. Спрашивает его дерево: «Что тебе надобно?» — «Сделай меня полковником, а старуху полковницей».— «Хорошо, ступай с богом!» Воротился старик домой, а его полковником пожаловали.

Прошло несколько времени, говорит ему старуха: «Велико ли дело — полковник! Генерал захочет, под арест посадит. Ступай к дереву, проси, чтобы сделало тебя генералом, а меня генеральшею». Пошел старик к дереву, хочет топором рубить. «Что тебе надобно?» — спрашивает дерево. «Сделай меня генералом, а старуху генеральшею».— «Хорошо, иди с богом!» Воротился старик домой, а его в генералы произвели.

Опять прошло несколько времени, наскучило старухе быть генеральшею, говорит она старику: «Велико ли дело — генерал! Государь захочет, в Сибирь сошлет. Ступай к дереву, проси, чтобы сделало тебя царем, а меня царицею». Пришел старик к дереву, хочет топором рубить. «Что тебе надобно?» — спрашивает дерево. «Сделай меня царем, а старуху царицею».— «Хорошо, иди с богом!» Воротился старик домой, а за ним уже послы приехали: «Государь-де помер, тебя на его место выбрали».

Не много пришлось старику со старухой нацарствовать; показалось старухе мало быть царицею, позвала старика и говорит ему: «Велико ли дело — царь! Бог захочет, смерть нашлет, и запрячут тебя в сырую землю. Ступай-ка ты к дереву да проси, чтобы сделало нас богами».

Пошел старик к дереву. Как услыхало оно эти безумные речи, зашумело листьями и в ответ старику молвило: «Будь же ты медведем, а твоя жена медведицей». В ту же минуту старик обратился медведем, а старуха медведицей, и побежали в лес (68, 76).

2. НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ (БЫТОВЫЕ) СКАЗКИ

Из сказок о ловком воре

(Сюжет № 1525 по Указателю Аарне — Андреева)

Кража в караван-сарае

(Персидская сказка)

Стоял когда-то в городе Алеппо богатый караван-сарай. Никогда он не пустовал, всегда в нем было полно народу, всегда хранилось в нем много товаров и всякого добра. А напротив, через улицу, стояла баня. Во дворе караван-сарая был вырыт глубокий колодец, из него брали воду. И вот нашелся в городе грабитель, который прорыл подземный ход, начинавшийся из печки в бане и выходивший прямо в этот колодец, как раз над самой водой.

Как-то глухой темной ночью, когда ворота караван-сарая были накрепко заперты, пробрался грабитель по этому ходу в колодец, выкарабкался из него наверх и дочиста ограбил тамошнюю лавку — унес и деньги и товары. Затем вор снова влез в колодец и исчез.

Наутро раскрылось воровство, в городе поднялся шум, и народ стал сбегаться к караван-сараю. Собралась и городская стража и стала обсуждать, куда могли деться деньги и товары и кто мог их взять. Долго гадали и наконец пришли к общему мнению: грабители — это сам старик, хозяин караван-сарая, и его сыновья. Больше, мол, некому. Схватили бедняг и стали их пытать. И сколько ни клялись старик и его сыновья, сколько ни кричали, ни плакали, ни у кого они не вызвали сочувствия. А настоящий грабитель стоял тут же в толпе зевак. И подумал он: «А ведь это никак не назовешь мужеством — вот так стоять здесь, знать, что виноват ты, и смотреть, как мучают безвинных». Подумал он так, шагнул вперед и крикнул стражникам: «А ну, кончайте мучить этого старика и его сыновей! Они здесь ни при чем. Это дело моих рук!»

Стражники оторопели. Смотрят — стоит перед ними юноша, стройный и высокий, на голове высокая шапка из черного барашка, на поясе кинжал, одет, обут во все новое, добротное. Поразились они и говорят ему: «Ну уж коли сам признался, так говори: куда унес добро?» — «А оно здесь же, в караван-сарае, спрятано на дне колодца. Дайте мне веревку, я обвяжусь ею, спущусь в колодец, подниму все добро, а там — будь, что будет. Какой приговор мне вынесут, что падишах решит — тому и быть!»

Как сказал он это, в толпе стали раздаваться крики одобрения его мужеству и благородству. Стражники, не мешкая, принесли длинную веревку, юноша обвязался ею, другой конец веревки дал стражникам, спустился в колодец, быстро обрезал веревку и . . . был таков. Удрал он через подземный ход — только его и видели.

Ждали стражники, ждали — ни знака, ни голоса никто не подает. Когда совсем вышли из терпения, спустили еще кого-то в колодец. Когда подняли его назад, он рассказал, что у самой воды есть подземный ход и ведет он в баню.

Все только рты пораскрывали от удивления: «Вот это — ловкий парень, ничего не скажешь! И сам ушел, и добро унес, и безвинных спас» (77, 256).

Из сказок о золотом козле

(Сюжет № 854 по Указателю Аарне — Андреева)

Деньги делают всё

(Итальянская сказка)

Жил некогда молодой принц, у которого казна была неисчерпаема, как море. И затеял он выстроить себе дворец — как раз напротив дворца

самого короля, но только еще красивее. Когда дворец был готов, принц приказал высечь на воротах надпись: «Деньги делают всё».

Как-то раз король гулял, и эта надпись попалась ему на глаза. Король приказал немедленно позвать к себе принца; тот недавно поселился в городе и еще не был представлен ко двору. «Поздравляю! — сказал ему король.— Дворец, который ты построил,— настоящее чудо. В сравнении с ним мой кажется хижиной! Поздравляю! Однако скажи, это ты приказал сделать надпись: „Деньги делают все“?».

Юноша начал понимать, куда завело его тщеславие. «Государь мой! — ответил он.— Если вашему величеству надпись не нравится, я прикажу тотчас же соскоблить ее!» — «Нет, зачем же! Объясни мне только, что значит эта надпись? Ты полагаешь, что с помощью своих денег смог бы убить меня?» Принц понял, чем это пахнет. «О-о! Ваше величество, простите меня. Я немедленно уничтожу эту надпись! А если вам не нравится дворец, одно ваше слово, и я обращу его в щебень».— «Я же сказал, что нравится. Пусть себе остается. Но уж если ты считаешь, что с деньгами все возможно, докажи мне это. Даю три дня сроку, сумей за это время поговорить с моей дочерью. Сможешь — женись на ней. Не сможешь — прикажу отрубить тебе голову. Согласен?»

Отчаяние охватило принца. Он не ел, не пил, не спал, день и ночь думая только об одном: как спасти свою голову. Увидеть дочь короля не было никакой надежды — она жила в замке под охраной ста солдат. На второй день принц сел писать завещание.

Пришла в тот день к юноше его кормилица, старая мамка. Она ухаживала за ним, когда он был ребенком, и принц оставил ее жить во дворце. Увидев его печальным, старушка спросила, что с ним. Слово за слово он рассказал ей, в какую беду попал. «Ну и что же,— промолвила мамка.— Ты решил, что все пропало? Ей-богу, смешно! Предоставь-ка это дело мне!»

Она тут же заковыляла к самому известному в городе серебряных дел мастеру и велела ему сделать полого серебряного гуся, чуть побольше человека. И чтобы гусь этот мог открывать и закрывать клюв и чтобы непременно был готов к завтрашнему дню. «К завтрашнему дню? Ты с ума сошла!» — воскликнул мастер. «Непременно к завтрашнему дню!» И старуха показала большой кошелек с золотыми монетами. «Возьми задаток, а завтра я вручу тебе остальное». Мастер даже рот открыл от удивления. «Ну, это другое дело, — вымолвил он. — Можно постараться».

На следующий день гусь был готов — не гусь, а чудо. Старуха и говорит принцу: «Возьми свою скрипку да полезай внутрь гуся. Как только мы будем на улице, начинай играть». И вот они отправились по городу. Старуха тащила за ленту серебряного гуся. Принц, сидя внутри, играл на скрипке. Люди от удивления рты открывали. Все спешили посмотреть чудо.

Докатился слух о серебряном гусе до замка, где жила дочь короля, и попросила она у отца разрешения взглянуть на старуху с гусем. «Завтра истекает срок, данный хвастунишке, тогда сколько хочешь выходи на ули-

цу и смотри на гуся». Но принцесса уже слышала от кого-то, что на другой день старуха с гусем покидает город. Чтобы дочь смогла его увидеть, пришлось королю позволить внести гуся в замок. Этого только и нужно было старой мамке.

Как только принцесса осталась наедине с серебряным гусем и стала, как зачарованная, слушать музыку, лившуюся из его клюва, гусь вдруг раскрылся, и оттуда выпрыгнул человек. «Не пугайтесь,— сказал он.— Я тот принц, который должен поговорить с вами, чтобы завтра утром не лишиться головы по приказанию вашего отца. Вы спасете меня, если скажете, что говорили со мной».

На следующий день король приказал позвать принца. «Ну как? Помогли тебе деньги поговорить с моей дочерью?» — «Да, ваше величество»,— ответил юноша. «Как? Ты хочешь сказать, что говорил с ней?» — «Спросите у нее сами». Позвали принцессу, и она рассказала, что юноша находился внутри серебряного гуся, которого король сам разрешил внести в замок.

Снял король свою корону и надел ее на голову принца: «У тебя есть не только деньги, но и тонкий ум. Так будь же счастлив — я отдаю тебе в жены свою дочь» (59, 17).

3. ИЗ СКАЗОК О СОСТЯЗАНИИ

Бег наперегонки

Черепаха и олень

(Сказка индейцев таулипанг и арекуна)

Однажды ползла черепаха вдоль берега и повстречала оленя. Олень посмотрел на нее презрительно и говорит: «Эй ты, коротконогая, давай побежим наперегонки!» — «Что ты,— засмеялась черепаха,— разве тебе за мной угнаться!» Но олень был уверен в своей победе. «Пусть каждый из нас,— сказал он,— заранее проложит себе путь, и мы побежим».— «Будь по-твоему!» Олень проложил себе в траве прямую и длинную дорогу. Черепаха же выбрала старую и почти заросшую боковую тропинку. Потом они условились встретиться здесь на следующее утро и разошлись.

Вечером черепаха созвала всех своих родичей и рассказала им о споре с оленем. На семейном совете было решено, что черепахи заранее пойдут на место и залягут вдоль всего оленьего пути на некотором расстоянии друг от друга. Если же олень окликнет черепаху, то ответит ему та, которая будет к нему ближе всех.

На другой день рано утром черепаха и олень встретились на условленном месте и побежали. Через некоторое время олень остановился и крикнул: «Коротконогая, где ты?» — «Я тут», — раздалось впереди него. Олень побежал быстрее. Немного погодя он снова окликнул черепаху, и опять она отвечала откуда-то спереди. Тогда он припустился быстрее. Он

бежал и бежал, но каждый раз слышал возле себя голос черепахи, который раздавался то спереди, то немного сзади, то совсем рядом.

Олень собрал последние силы и помчался так быстро, как только мог. Наконец он не выдержал и бездыханным свалился на землю, так и не перегнав черепахи. А на том месте, где он умер, вырос оленник, то самое растение, что помогает охотиться на этих быстроногих животных (113, 170).

Лось и бычок

(Эскимосская сказка)

Шел однажды лось по берегу большого озера, посмотрел в воду и увидел там себя. Подумал лось: «Какой же я красавец, рога мои украшают меня». Затем пошел дальше. Вдруг в воде бычка увидел, остановился. А бычок высунул голову из воды и начал лося поддразнивать: «Эй ты, большепузый, с кустом на глупой голове, ноги, как иглы, бесхвостый!»

Лось подумал: «Ведь красив же я, рога мои ветвисты, ноги быстры. Таким все звери считают меня. Проучу я этого головастика!» Затем сказал бычку: «Эй, рыбка, подойди поближе, я плохо слышу, здесь поговорим!»

Бычок к самому берегу подплыл. Лось изловчился, рогами бычка подхватил, да и выбросил на берег. «Вот тебе, противная рыбешка! Попробуй на суше пожить!» Бычок задыхается, просит: «Брось меня в воду, брось меня в воду! Рот мой сохнет, хвост мой сохнет! Не буду больше смеяться над тобой!»

Лось был добрым и сговорчивым. Поверил бычку, подхватил его рогами и бросил обратно в воду, а бычок высунулся из воды и снова заговорил: «Эй, приятель, хотя и длинноногий ты, а бегать быстро не можешь». Лось ответил: «Нет, это ты, большеротый, даже с берега слезть не можешь, а быстрее меня нет в тундре зверя». Бычок сказал: «Рога твои подобны ветвистому дереву. Тотчас в беге устанешь».

Лось снова ответил: «Что же, посостязаемся в беге!» Бычку только этого и надо было. «Эге, давай вокруг озера до этого места пробежим — я в воде, а ты по берегу». Лось согласился.

Бычок всем озерным рыбам по воде передал: «Если лось на бегу будет спрашивать: „Где ты?" — отвечайте ему: „Я здесь, я здесь". Так мы лося проучим, а я на месте останусь и ждать его буду». Быстро по озеру наказ бычка разошелся. Бежит лось по берегу и спрашивает: «Где ты, где ты?» Рыбки отвечают: «Я здесь, я здесь!»

Лось ускорил свой бег, на ходу спрашивает: «Где ты, где ты?» Рыбки отвечают: «Я здесь, я здесь, впереди тебя бегу!» Лось еще быстрее побежал. Тяжелые рога голову вниз клонят, шее больно стало. На бегу спрашивает: «Где ты, где ты?» Рыбки отвечают впереди: «Я здесь, я здесь, совсем ты отстал!»

Лось последние силы напряг, от усталости и досады едва ноги до

места дотащил, тяжело дышит. На колени встал, голову на землю положил, рога его вдруг потяжелели.

Высунул бычок голову из воды и говорит: «Ну, рогатый, кто быстрее бегает?» Лось говорит: «Хоть и большеголовый ты, но бегаешь быстро. Не понимаю: что это случилось с моими ногами?» (93, 506).

Как сарган и краб плавали наперегонки

(Микронезийская сказка)

Однажды на прогулке сарган повстречался с крабом. Животные разговорились. Слово за слово — и между ними разгорелся спор: кто из них проворней. Сарган, который и в самом деле плавает очень быстро, утверждал, что он. Но краб никак с ним не соглашался и уверял, будто без труда обгонит его.

Спорили они, спорили, пока наконец не договорились помериться силами в плавании наперегонки. Было решено встретиться у острова На и поплыть оттуда к далекому скалистому острову Кусаиэ. Кто первый достигнет прибрежных скал Кусаиэ, тот и будет победителем.

Когда сарган удалился, краб собрал знакомых тритоновых моллюсков. Он рассказал им о своем споре с сарганом и попросил у них помощи. Моллюски должны были расположиться один за другим от берега На до берега Кусаиэ и, когда сарган будет спрашивать «Краб, где ты?», отвечать ему «Я здесь!»

Моллюски дали свое согласие и тут же стали выстраиваться в длинный-предлинный ряд, который тянулся от прибрежных бурунов На до самых скал Кусаиэ.

Вскоре у острова На снова сошлись краб с сарганом, и состязание началось. Как и следовало ожидать, сарган быстро устремился вперед. Отплыв немного, он выскочил из воды и спросил громко: «Эй, краб, где ты?» И моллюск, который был ближе всего к этому месту, ответил: «Я здесь!»

Сарган поплыл дальше. Но каждый раз, когда он высовывался из воды и спрашивал «Где ты?», ближайший из моллюсков отвечал ему: «Я здесь!» Сарган с новой силой устремлялся вперед, но как только он задавал свой вопрос, моллюск, который находился поблизости, немедленно отвечал: «Я здесь!»

Но вот впереди показались утесы острова Кусаиэ. Добравшись до них, сарган спросил еще раз: «Краб, где ты?» И услышал в ответ: «Я здесь!» Тогда сарган признал себя побежденным.

Так хитрый краб посрамил проворного, но недогадливого саргана (114, 44).

Еж и заяц

(Латышская сказка)

Сговорились как-то два брата ежа зайца одурачить. На опушке леса была глубокая канава. Стали ежи на разных концах канавы, и тогда еж,

что на этом конце стоял, говорит зайцу: «Эй, косой! Ты, говорят, бегаешь быстро, а я вот, пожалуй, перегоню тебя».— «Да куда тебе! Пусть мне усы оборвут, если я этому поверю!» — «Чего там верить или не верить! Давай об заклад биться. Коли обгонишь меня, вырвешь у меня из шубы десять иголок, а если я тебя обгоню, вырву из твоих усов десять волосков. Ну, что, идет?» — «Идет! Только жаль мне твоей шубы».— «А мне — твоих усов. А теперь так: ты, заяц, повыше, поэтому бежать тебе по краю канавы, а мне — по дну».— «Ладно».

Помчался заяц, словно ветер, и даже не оглянулся, бежит за ним еж или нет. Подбегает к другому концу, а еж уж тут как тут. «Ты куда ж подевался? — говорит он зайцу.— Я замерз, тебя поджидаючи».— «Ох, ежик, что-то мне в этот раз не повезло, побежим еще раз — обратно».— «Так и быть,— согласился еж,— побежим!»

Помчался заяц быстрее прежнего. А на другом конце канавы еж его уже поджидает. «Я из-за тебя совсем замерзну! — говорит он зайцу.— Подставляй-ка свои усы!» — «Подожди, ежик, побежим еще разок, а там будь что будет!»

Согласился еж. Помчался заяц быстрее ветра. А на другом конце канавы еж уже ждет его. «Хватит! Подставляй-ка усы, больше я с тобой наперегонки не побегу».

Что поделаешь! Пришлось зайцу подставить усы. Вырвал еж из заячьих усов десять волосков, пять в губу брату воткнул, а пять — себе. С той поры у ежей на губе маленькие усики торчат (64, 194).

Еж и заяц

(Сирийская сказка)

Еж и заяц состязались в беге. Решено было бежать до подножия горы.

Заяц, понадеявшись на быстроту своих ног, часто отдыхал. В пути он даже прилег, согнул колени и заснул. А еж, который знал, что он неуклюж и медлителен, без устали двигался вперед.

Заяц проспал весь день, а еж весь день бежал и первым достиг подножия горы.

Упорством и настойчивостью можно добиться большего, чем способностями, если их растрачивать попусту (75, 162).

Рак и лиса

(Армянская сказка)

Лиса и рак побратались и посеяли, сжали, смолотили и собрали зерно в кучу. Лиса говорит: «Поднимемся на тот холм, и кто быстрее добежит до гумна, пусть возьмет пшеницу». Поднялись на холм, а рак говорит: «Будь мила, как соберешься бежать, ударь меня хвостом, чтобы мне знать, когда бежать за тобой». Раскрыл рак клешню и, когда лиса ударила хвостом и побежала, уцепился за ее хвост. Лиса добежала до самой кучи,

обернулась посмотреть, где рак, а тот упал на кучу и говорит: «Во имя бога, вот мне три мерки с половиной». Удивилась лиса: «Ах ты проказник, когда же ты сюда явился?» (71, 69).

Прочие состязания

Кто выше всех летает?

(Сказка негров Суринама)

Собрались птицы и решили, что им нужно иметь царя — ведь цари есть у всех живых существ. Пошли они ко льву, царю всех зверей, и попросили собрать совет. Лев собрал совет и говорит: «Что будем делать?»

Колибри, самая маленькая из птиц, сказала: «Хоть я и меньше всех, но царем буду я!» А сокол подумал: «Я могу взлететь выше всех. Надо бы устроить такое состязание: кто поднимется выше других, тот и будет царем». Но ему было неудобно говорить об этом — все знали, как высоко он летает, и могли сказать, что потому он и хочет состязаться в лёте. Сокол не предполагал, что колибри задумала то же самое.

И тут заговорил соловей. «Я хочу кое-что предложить,— сказал он,— но не знаю, как вы к этому отнесетесь». «Говори, говори!» — закричали птицы. И соловей продолжал: «Я не стану предлагать вам сделать царем того, кто лучше всех поет. Ведь ясно, что в пении никто не может соперничать со мной. Нет, я хочу сказать другое. Всем нам, птицам, бог дал одно общее — крылья. Поэтому давайте договоримся — кто взлетит выше всех, тот и будет царем».

Сокол обрадовался — он и сам этого хотел. Он поднялся и сказал: «Да, это правильно!» И все птицы тоже согласились.

А когда состязание началось, колибри забралась в перья на спине сокола. Она была такая маленькая, такая легкая, что он этого и не заметил. Взлетел сокол высоко-высоко, и птицы говорили: «Сокол всех побеждает!» Но потом они взглянули вверх еще раз и видят: колибри выше. И птицы закричали: «Нет, нет, царем будет колибри — она взлетела выше сокола!»

Вот как сокол собирался стать царем птиц, а вышло совсем иначе (116, 193).

Тигр и лягушонок

(Сказка народа буи)

Однажды тигр спустился с гор, чтобы напиться воды на заливном поле. Вдруг он услышал громкое кваканье. «У кого же такой голос?» — удивился тигр и стал искать нарушителя тишины. Искал, искал и наконец нашел крикуна — это был лягушонок.

«Малыш! С чего бы у тебя такой громкий голос?» — спросил его тигр. «Ты поосторожнее обращайся со мной, — ответил лягушонок. — Я хоть и маленький, но сильный. Я питаюсь вот такими крупными зверя-

ми, как ты!» — «Замолчи ты! Стоит мне шевельнуть лапой — и от тебя ничего не останется!» — «Брат тигр, — возразил лягушонок. — Ты обижаешь зверей, но меня не тронешь. Брось-ка хвастаться да сердиться, давай померимся силами!» — «Согласен! Сейчас же начнем! Кто потерпит поражение, того победитель съест!»

Лягушонок струсил, но слова назад не вернешь. Что же делать? «Брат тигр, — сказал лягушонок. — Я всё утро пел, очень уж устал, давай завтра будем мериться силами». — «Ладно! — согласился тигр. — Но если завтра не явишься сюда, не попадайся мне на глаза!»

Тигр вернулся в горы, а лягушонок загрустил. Уж что только ему в голову ни приходило, но придумать он ничего не мог. Вдруг лягушонок заметил старика, бредущего по дороге. Он выпрыгнул на обочину и попросил помощи. Старик выслушал его и сказал: «Не бойся! Завтра постарайся прыгнуть тигру на хвост. Что бы ни делал тигр, хвост он всегда кверху держит. Так ты и победишь».

На следующий день началось состязание. Сперва решили потягаться, кто выше прыгнет. Едва раздалась команда «Раз!», как лягушонок вскочил тигру на хвост. После команды «Три!» тигр прыгнул и подбросил хвостом лягушонка вверх. Оказалось, что лягушонок подскочил выше тигра и победил его. Но тигр не признал его победителем: «Это не считается. Давай состязаться кто прыгнет дальше».

По команде «Раз!» лягушонок снова вскочил на тигриный хвост. Тигр прыгнул и подбросил лягушонка хвостом далеко вперед. Лягушонок очутился дальше тигра. Тигр опять потерпел поражение. И теперь лягушонок должен был съесть тигра. Тигр испугался и убежал в горы (53, 170).

4. ОБРАЗЕЦ СКАЗКИ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ ЛОГИЧЕСКИЙ ТРАНСФОРМ Г

Кумбото-лягушка и две его жены

(Сказка народа лебамба)

Я вам расскажу, как Кумбото-лягушка попал в трудное положение. Вот послушайте.

Кумбото-лягушка постарел, но ума у него не прибавилось. Он только стал более тщеславным. И его старая жена, хоть и была она отличной стряпухой и всеми уважаемой хозяйкой, перестала, видите ли, удовлетворять его красотой. И глупец Кумбото взял себе вторую жену — помоложе и покрасивее.

Из-за этого пришлось ему расширить свой двор. Построил Кумбото две хижины: у восточной стены двора—для первой жены, а у западной — для второй. А любимым местом самого Кумбото стала середина двора. Там он проводил целые дни, покуривая, беседуя с приятелями и греясь на солнышке.

И вот как-то случилось, что обе жены Кумбото одновременно сварили похлебку. Старшая жена сказала своему сыну: «Пойди позови отца. Скажи, что похлебка готова». Младшая жена сделала то же самое — велела сыну пойти к отцу и сказать, что похлебка уже сварилась.

Оба сына приблизились к отцу одновременно и сказали в один голос: «Отец, мать зовет тебя есть похлебку».

Кумбото-лягушка посмотрел туда, посмотрел сюда и не смог решить, куда же ему идти. «Если я пойду есть похлебку к старшей жене,— рассуждал он,— молодая скажет, что я не ценю больше ее красоту. А так как она младшая, она обвинит меня в том, что старшей я уделяю больше внимания. С другой стороны, если я пойду к молодой, старая скажет, что я не оказываю ей уважения, которого она достойна по возрасту и по положению в доме. И она скажет, что глупый старик прельстился похлебкой молодухи. Что же мне делать? Куда идти? Куда бы я ни пошел, одна из жен будет обижена, и между ними начнется бесконечная свара».

Кумбото поворачивал голову туда и сюда, а потом запел:

«Ква-ква! Ква-ква! Вот беда! Вот беда!»

Услышав эту песню, люди сказали: «Лягушка квакает». Но нет, Кумбото не просто квакал, он горевал: «Ква-ква! Ква-ква! Вот беда! Вот беда!»

И не знал Кумбото, что ему делать.

А как бы вы поступили на его месте? (108, 99).

ЗАГАДКИ И ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ

(Конструктивный тип К)

ЗАГАДКИ

— Двенадцать братьев друг за другом бродят, друг друга не обходят. [Кто такие?] [—Месяцы] (55, 2107).

— Летит молчит, лежит молчит; когда умрет, тогда заревет. [Кто это?] [—Снег] (55, 2046).

— У двух матерей по пяти сыновей; все в одно имя. [Кто такие?] [—Пальцы] (82, 320).

— Молчан-собака весь дом стережет. [Что это?] [—Замок] (82, 597).

— Новая посудина вся в дырах. [Что это?] [—Корзина] (82, 600).

— В небо дыра, в землю дыра, посередь огонь да вода. [Что это?] [—Самовар] (82, 605).

— Маленький, удаленький, сквозь землю прошел, красну шапочку нашел. [Кто такой?] [—Гриб] (82, 957).

— Ни глаз, ни ушей, а слепцов водит. [Кто это?] [—Палка] (82, 606).

В фольклоре многих народов, в том числе и русского, встречаются загадки, которые могут служить и пословицами или поговорками (т. е. омонимичны им). Таковы, например, три следующие русские загадки:

— Ничего не болит, а все стонет. [Кто это?] [—Свинья] (82, 21).

— Не всяк таков, как Иван Токмачев: седши на конь, да и поехал в огонь. [Что это?] [—Горшок] (82, 271).

— Наша ду́да и туда и сюда. [Кто это?] [—Двуличный человек] (82, 462).

Кроме того, у некоторых народов бытуют загадки, отгадками которых являются целые предложения, в том числе и пословичные. Приводим для примера три подобные загадки негров бауле из Западной Африки. В двух последних вопрос служит как бы условным знаком и не имеет никакой видимой связи с ответом:

1. Вопрос: «У меня за болотом есть пригорелый кусок ямса».

Ответ: «У того, кто пойдет за болото, будут черные ноги» (45, 230).

2. Вопрос: «Некле, некле, некле?»

Ответ: «Беременной женщине не взобраться на дерево» (45, 231).

3. Вопрос: «Годо, годо, годо?»

Ответ: «Антилопа уазани (у которой рога особенно длинны и торчат в стороны) не пролезет в дырку» (45, 231).

ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ

— Москву заводили, во что первый гвоздь колотили? [—В шляпку] (55, 2336).

— Где свету конец? [— В темной горнице] (55, 2333).

— Какой в реке камень? [— Мокрый] (55, 2386).

— На что купец шляпу купил? [— На деньги] (55, 2389).

— Может ли дождь идти два дня сряду? [— Нет: между двумя днями ночь] (55, 2402).

— Я давеча видел диво: сорока летит, а собака на хвосте сидит. [Как это могло быть?] [—Собака сидела на своем хвосте] (55, 2394).

— Разница между школьником и огнем? [— Огонь высекут да и разложат, а школьника сперва разложат, а там высекут] (82, 319).

— Пуд муки по три рубли; во что обойдется пятачная булка? [— В пять копеек] (82, 558).

АНАЛИТИЧЕСКИЕ КЛИШЕ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ПОНЯТИЙНЫХ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ТИПОВ

1. Сочетания-термины (Ст)

Уксусная эссенция (хим.); прокатный стан (техн.); луговые травы (бот.); бесконечно малая [величина] (мат.); измерить температуру (физ.); скоростным методом (техн.); нервное переутомление (мед.).

2. Собственно фразеологические сочетания (Фс)

Закон природы; заработная плата; искусственный спутник; химически чистый; заранее предусмотренный; тот или иной; за сорок; под тридцать; одержать победу; наесться досыта; задавать уроки; туда и сюда; за границу; упасть замертво; напиться допьяна.

3. Служебные фразеологические сочетания (Сс)

Скорее всего; как и следовало ожидать; подобно тому как; если . . . то; тогда когда; и так далее.

«ДЕЛОВЫЕ» ИЗРЕЧЕНИЯ КОНСТРУКТИВНЫХ ТИПОВ А, Б, В и Г[1]

1. Приметы (естественные)

Апрель с водою — май с травою.

Из березы течет много сока — к дождливому лету.

Вороны купаются ранней весной — к теплу.

Если пчелы ранним утром отправляются за взятком — день будет хороший.

Журавль прилетел и теплынь принес.

Солнце за тучку садится — к дождю, в краснах — к вёдру.

2. Поверья (приметы суеверные)

Сорока скачет на дому больного — к выздоровлению.

Через который двор ворон перелетел каркая, там будет покойник.

---

[1] Материал данного раздела Приложений почерпнут в основном из источников 82 и 85.

На ногтях обновы показались (белянки, означающие, по суеверию, подарки).

Сова близ дома кричит — к новорожденному.

Первый гром в постный день — коровы будут недойны.

Встретил попа — нехорош выход.

Сколько раз кукушка натощак кому закукует, столько лет ему жить.

3. Хозяйственные наблюдения и рекомендации

Кто рано сеет, семян не теряет.

Раннее яровое сей, как вода сольет; позднее, как цвет калины в кругу будет.

Не сей пшеницы прежде дубового листа.

Кукушка закуковала — пора сеять лен.

Сей хоть в ненастье, да убирай в вёдро!

До Ивана (24 мая) просите, детки, дождя у бога, а после Ивана я и сам упрошу.

4. Наблюдения и советы, касающиеся торговли и ремесел

Первого купца (покупателя) не упускай (не обегай).

Базар цену скажет.

За показ денег не берут.

В убыток торговать (продавать) нельзя.

Без клещей кузнец, что без рук.

С топором весь свет пройдешь.

Клин плотнику товарищ.

5. Бытовые наблюдения и советы

Баба да кошка в избе, мужик да собака на дворе.

От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки дымом.

Муж возом не навозит, что жена горшком наносит.

Мужики дерутся в расходку, бабы в свалку.

Любит жена и старого мужа, коли не ревнив.

Муж согрешил, так в людях грех; а жена согрешила, домой принесла.

Учи жену без детей, а детей без людей!

Вошь, что заемный грош, спать не дает.

6. Правовые изречения

Поличное — первый свидетель.

Против поличного нет отвода.

Признание паче всякого свидетельства.

Незнанием закона никто не отговаривайся!

Закон назад (т. е. задним числом) не пишется.

Сестра при брате не вотчинница (не наследница).
Жена на мужа не доказчица (не послух).
Посла не секут, не рубят, а только жалуют.

7. Общественно-исторические изречения

Наругался француз, да не надолго (о 1812 г.).
Отогрелся в Москве, да замерз на Березине (о 1812 г.).
Нужда учит, а барщина мучит (о крепостничестве).
Хорош манифест: мертвым — свобода, живых — под арест (о царском манифесте 1905 г.).
Власть Советская пришла — жизнь по-новому пошла.
Была Россия царская — стала пролетарская.
Слово «Совет» облетело весь свет.

8. Медицинские наблюдения и советы

русские:

Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле!
После обеда полежи, после ужина походи!
Больному в еде не верь!
Лук семь недугов лечит.
Горшок на живот — все заживет.
От отёка: овсяный кисель с воском.
Сон лучше всякого лекарства.

восточные:

Берегись поганой воды (пушту).
Кто ест, когда сыт, тот зубами себе могилу роет (турец.).
Ешь, да не жирей — будешь здоровей (тамил.).
[Данный человек благоразумен: он] хотя и спешит, но на ходу не ест (монг.).
Если сосед здоров, будешь здоров и ты (араб.).
Сердце пьяницы не бывает здоровым (монг.).

АНАЛИТИЧЕСКИЕ КЛИШЕ КОНСТРУКТИВНОГО ТИПА Д

1. Сельскохозяйственное

Осень говорит: «Гнило (назём)», а весна: «Мило, лишь бы было». (Русское, 82, 913.)

2. Бытовое

Овсянка прилетела и поет: «Покинь сани, возьми воз!» (конец марта). (Русское, 82, 878.)

3. Медицинское

Однажды Ходжа сказал: «Вот вкратце основы здравоохранения: ноги держи в тепле, голову в холоде, следи внимательно за едой и глубоко не задумывайся». (Турецкое, 43, 350.)

4. Этическое

Один мудрец сказал своим ученикам: «Пусть ваши помыслы будут всегда светлыми, ваша речь — скупой, ваш внешний вид — скромным. Эти три вещи заслуживают похвалы». (Сирийское, 75, 99).

АНАЛИТИЧЕСКИЕ КЛИШЕ КОНСТРУКТИВНОГО ТИПА Ж

1. Сельскохозяйственное

Рожь две недели зеленится, две недели колосится, две недели отцветает, две недели наливает, две недели подсыхает да две недели поклоны бьет, жать себя просит. «Торопись,— говорит,— а то зерно уплывет» (Русское, 121, 5).

2. Бытовое

Ишоко подарил Индайе горшок для приготовления яда. Получая его, Индайя спросил: «А еду в этом горшке готовить можно? Или тогда люди умрут?» Ишоко ответил: «Надо взять горшок, положить в него горящие угли и поставить на огонь. Когда угли сгорят, в горшке можно будет варить еду!» (Бушменское, из рассказа «Индайя», 52, 40.)

3. Богословское

У Ходжи спросили: «Что ты скажешь о совершенстве божественной воли?» — «С тех пор как я себя помню,— сказал Ходжа,— случается постоянно то, что говорит господь бог; а если бы сила была не в руках господа, когда-нибудь да исполнилось бы и то, что я говорю». Так кратко и убедительно определил Ходжа понятие о божественной воле. (Турецкое, 43, 141.)

АНАЛИТИЧЕСКИЕ КЛИШЕ КОНСТРУКТИВНОГО ТИПА И

Война айяу против гуро

(Предание народа бауле)

Когда айяу[2] поселились на своей земле и основали деревню Дьяко, оказалось, что по соседству с ними, там, где сейчас лежит деревня Ценуфла, живут гуро[3].

Каждый раз, когда кто-нибудь из айяу во время охоты заходил на землю гуро, те убивали его. После многих таких случаев айяу послали к гуро двух мужчин — Ассама Кофи и Конкандри — и попросили у соседей прощения за то, что без спросу заходили на их землю. Потом послы вернулись назад, а гуро и айяу встретились на большой скале между Дьяко и Мамлики (деревней гуро), чтобы окончательно уладить дело.

Гуро потребовали в уплату за землю семь быков и семь рабов — трех женщин и четырех мужчин. Айяу дали их. И с тех пор эта земля навсегда перешла к айяу.

Позднее гуро еще раз затеяли было с айяу войну. Но айяу сказали: «Вы неправы: мы купили эту землю!»

Тогда гуро попросили прощения и уплатили вождю айяу Бесембли дань — быка и козу (45, 214).

Из «Рассказа о великих распрях»

(Предание бушменов хадзапи)

В старину, когда жили еще наши деды и бабки, хадзапи немало натерпелись от врагов.

Первыми нашими врагами были мангати. Однажды ночью они пришли к нашему стойбищу. Хадзапи как раз исполняли священный танец эпембе. Мангати со всех сторон окружили стойбище, а когда кончилось торжество и все уснули, выскочили из кустарника и напали на наших людей. Многие хадзапи были убиты копьями. А некоторые, раненные, упали в огонь и сгорели.

В то время вождем хадзапи был человек по имени Илура. Илура пошел к вождю мангати Сагиру с просьбой не убивать больше хадзапи. «Твои мужчины,— сказал он Сагиру,— убили многих моих людей. Я прошу тебя заключить с нами мир!»

Сагиру согласился. В знак примирения он велел зарезать быка. Мангати и хадзапи сели вместе и принялись есть мясо. Потом они взяли бычью шкуру, отрезали от нее узкие полоски и сделали из них лугуметы — кожаные браслеты для рук. Эти браслеты они надели друг другу на запястья. Каждый мангати надел одну лугумету мужчине-хадзапи, а каждый хадзапи — мужчине-мангати.

---

[2] Айяу — одно из племен народа бауле.

[3] Гуро — одно из соседних с бауле племен, видимо суданское.

С тех пор между мангати и хадзапи больше никогда не возникало никаких войн или раздоров. По крайней мере мы, которые родились позже, ни разу о них не слыхали (52, 72).

АНАЛИТИЧЕСКИЕ КЛИШЕ КОНСТРУКТИВНОГО ТИПА К

1. Счетные задачи

— Летело стадо птиц на рощу; сели по две на дерево — одно дерево осталось; сели по одной — одного недостало. Много ль птиц и дерев? [— Три дерева и четыре птицы] (82, 557).

— Купила баба куров на пять рублёв; каждый кур три копейки, а последний — две. [Сколько всего?] [— 167] (55, 2495).

— Сидят три кошки; против каждой кошки — две кошки, много ль всех? [—Три] (82, 558).

2. Головоломки (задачи логические)

— Вез один мужик волка, козу и капусту, и надо было ему переехать через реку в небольшой лодке, а каждую вещь перевезти поодиночке. Если перевезет волка и козу, то волк съест козу, если — капусту и козу, то коза капусту съест. Как же он перевез? [— Два раза козу перевез] (55, 2501а).

— Здравствуйте, братцы, жены моей дети, скажите вашему отцу и моему отцу, что жены его муж приехал! [Следует разобраться в ситуации] [— Отец женился на невестке, а без вести пропавший сын воротился] (82, 396).

— Шуринов племянник как зятю родня? [—Сын] (82, 396).

СВЕРХСЛОЖНЫЕ КЛИШЕ[1]

ЧАСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (СИНТАГМА)

1. Синтетические клише

а) Фразеологические единства I[2]

Открыть **зеленую улицу**; вылететь **в трубу**; лезть **на рожон**; попасть **в лапы**; идти **на попятный двор**; наврать **с три короба**; снять **повязку с глаз.**

б) Фразеологические единства II

Глядеть **во все глаза**; кричать **не своим голосом**; идти **(нога) в ногу**; пошло **на лад**; с трудом **передвигать ноги**; Московская **железная дорога** (как единое название).

2. Аналитические клише

Бежать **изо всех сил**; держать **на привязи** (о животном); стоять **на цыпочках**; оформить **задним числом** (о документе).

ПРЕДЛОЖЕНИЯ КОНСТРУКТИВНЫХ ТИПОВ А, Б, В и Г

1. Синтетические клише

а) Поговорки и пословицы

Недавно ослеп, а **ни зги** не видит.
Что обнесли меня чарой **зелена вина?**
Поросенок **яичко снес**, курочка объягнилась.
А **где слыхано** — на вербе груши?
Где сшито **на живую нитку,** там жди прорехи.

б) Присловья и афоризмы

Начал **за здравие**, а свел **за упокой.**
И как у тебя на него **рука поднялась?**

---

[1] В данном приложении приводятся образцы сверхсложных **клише,** начиная от фразеологических оборотов и кончая клишированными текстами типа **Д,** а также три образца текстов типа **К**. Что же касается **сверхсложных** клише типа **Ж** и **И,** то они даны нами особо (см. приложения «Басни и шванки» и «Назидательные сказки» — стр. 165 и 176).

[2] Все примеры фразеологических оборотов и пословичных изречений взяты из разговорного русского языка, а также из сборника В. **Даля (82).**

Много толков, да **мало толку**.

С мужем — нужа; без мужа того хуже, а вдовой да сиротой — **хоть волком вой**.

Купец — ловец: а **на ловца и зверь бежит**.

Умней себя наставлять — **в реку воду таскать**, дурака учить — **в решете воду носить.**

Умный женится, а дура **замуж идет.**

2. Аналитические клише

Хозяйственные изречения

Сей **под погоду**, будешь есть хлеб год от году.
Борони **пó солнцу**, лошадь не вскружится.
Сей овес, когда **босая нога** на пашне не зябнет.
Соха кормит, веретено одевает, а подати **на стороне**.

Приметы

Урожай на **сосновые шишки** — урожай на ямчень (симб.).
Солнце садится в облако — другой день ненастный.
Петух ночью поет **не вовремя** — к ненастью.

Поверья

В **черный день** не мирись, не кумись — ссора будет.
Шелкова трава **заплетает след** — знать, моего милого в живых нет.
Если мышь попадет **за пазуху**, то быть большой беде.

КЛИШЕ КОНСТРУКТИВНОГО ТИПА Д

1. Синтетические

а) Побасенки

Нанялся волк в пастухи, говорит: «**Как быть,** послужить надо». (Русская, 82, 580).

*

Лисенок спросил лису: «Если меня схватит собака, к какой хитрости лучше прибегнуть?» — «Хитростей много, но самая хорошая — не видеть собаку и самому **не показываться ей на глаза**». (Персидская, 77, 344.)

б) Анекдоты (одномоментные)

Араб бежал с **поля брани**. «Эй, трус!» — крикнули ему.— «Почему ты покидаешь битву за веру?» — «Пусть обо мне говорят: „Он бежал, да **проклянет его Аллах**“. Это лучше, чем если бы говорили: „Он погиб в войне за веру, да **прославит его Аллах**“».. (Персидский, 77, 232).

*

Однажды Тимур сказал Молле [Насреддину]: «Я хочу задать тебе один мудреный вопрос. Скажи мне, **что на белом свете еще не поспело, не поспевает и никогда не поспеет**».— «Это,— ответил Молла,— та плата, которую **ты** назначил, когда нанимал нас». (Азербайджанский, 42, 36).

2. Аналитические клише

Сельскохозяйственные

Рожь говорит: «Сей меня в зо́лу, да **в по́ру**!» Овес говорит: «Топчи меня в грязь, так буду князь!» (Русское, 82, 906).

Осень говорит: «Я поля уряжу»; весна говорит: **«Я еще погляжу»** (об **озимых**). (Русское, 82, 913).

КЛИШЕ КОНСТРУКТИВНОЕ ТИПА К

1. Синтетические клише

а) Загадка

— Что в избе мерзнет, а **на улице** нагревается? [—Оконное стекло]. (Русская, 55, 66а.)

б) Шуточный вопрос

— Какие часы показывают **верное время** только два раза **в сутки**? [— Которые остановились] (Русский, 56, 5434).

2. Аналитические клише

Задача

— Плел мужик зобеньки девять дён, каждую зобеньку **по три** дня, продавал мужик зобеньки **по три на деньгу**. Велика ль добыча была? [—Одна деньга] (Русская, 56, 5572).

Головоломка

— Шел **муж с женой**, да **брат с сестрой**, да шурин с зятем. Много ли **всех**? [—Трое]. (Русская, 55, 2470).

«РАЗОВЫЕ» ТЕКСТЫ

ЧАСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (СИНТАГМЫ)

Широкое поле; очень большой; слишком много; зайти далеко; не особенно сильно; плохое самочувствие.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ КОНСТРУКТИВНЫХ ТИПОВ А, Б, В и Г

Она не могла долго сидеть без дела.

Ему очень хотелось пойти туда.

В зале было совсем тихо.

Когда Сергей и Ефим уходят из лагеря, они всегда берут с собой ружья.

РАЗОВЫЕ ТЕКСТЫ КОНСТРУКТИВНОГО ТИПА Д

— Пойдем дальше? — Пойдем! — Тогда собирайся! — А я уже всё приготовил.

*

Придя домой, Андрей сказал матери: «Я очень проголодался, дай мне, пожалуйста, поесть».

РАЗОВЫЕ ТЕКСТЫ КОНСТРУКТИВНОГО ТИПА Ж

Бабушка в затруднении

Уже во втором классе я стала разъяснять бабушке, что бога нет. А бабушка старая, все твердит свое. Но и она начинает затрудняться.

Бабушка говорила, что бог живет на небесах, а я ей сказала, что космонавты летали по небесам и никакого боженьки не встречали. Тогда она ничего не ответила, а я нарочно спросила: «Где же все-таки бог живет?» Она сказала: «Не знаю, живет он или не живет! То ли на небесах, то ли еще где».

По-моему, бабушка совсем запуталась. Но я буду ей все разъяснять и разъяснять. Может, она и распутается. Вера Солинова (122, 11).

Караси плывут в кастрюлю

Николай Кориновский, водитель Николаевского автопредприятия Львовской области, пригласил товарищей на уху из карасей. «Поймал вчера 40 штук!» — гордо заявил он. «А в каком магазине?» — спросили товарищи, зная, что Николай никогда не занимался рыбалкой. «В своем дворе! Сами приплыли в кастрюлю»,— смеялся водитель. Иронические замечания прекратились, когда шоферы узнали, что случилось.

Большой ливень размыл дамбу пруда, близ которого живет Николай Кориновский. Вода залила двор. Выйдя после дождя на крыльцо, Николай увидел, как что-то плещется в луже. Посмотрел — караси! (122, 25).

РАЗОВЫЕ ТЕКСТЫ КОНСТРУКТИВНОГО ТИПА И

Ошибка Кунги

(Рассказ папуаса маринд-аним)

В деревне Ивольé жил раньше один мужчина из тотема Гéбхе. У него был сын, для которого охотники за головами раздобыли имя Кунгá. Отец не отдал сына другим людям, а оставил его у себя, пока тому не пришло время идти в мужской дом и он постепенно не достиг зрелого возраста. Потом Кунга отправился искать себе невесту, как это делают все молодые люди.

Сначала он пошел в Вамби, а оттуда через Докиб в Вамáл, но там он не встретил ни одной подходящей девушки и ни с чем вернулся обратно. Затем он снова отправился на поиски невесты, на этот раз в Сангасе. Но в Сангасе ему не понравилось, потому что люди там говорили на чужом языке. Поэтому он пошел дальше — в Домандэ, Онгари, Кайбузé, а потом еще дальше — к Кумбé. Но нигде не мог найти свободных девушек на выданье. Он побывал также в Анасáи, но, конечно, и там не подобрал себе невесты, потому что анасайцы известны своей глупостью.[1] Наконец он через Вендý и Бахóр дошел до Нотива, где живут сони[2], и до Урýмба. Но ему упорно не везло. Тогда он повернул обратно и решил остановиться у своих родных в Венду.

В той деревне жила одна девушка по имени Арóс, которая ему очень понравилась. Ее родители умерли, и она жила у приемных. Кунга обменялся с девушкой серьгами, и жители Венду радовались, что он хочет на ней жениться. Теперь они были за нее совершенно спокойны. Кунга спросил Арос, из какого она тотема, и та сказала, что из тотема Кабана.

Так что все было в порядке, и люди из тотема Гебхе и Кабана принесли Кунге и Арос свадебные подарки. Но дома для Кунги они строить не стали, потому что Кунга решил поселиться с женой в своей родной деревне.

Он очень гордился своей женой и, не торопясь, пошел с ней в Иволье через все прибрежные деревни. И в каждой из них они останавливались на некоторое время. Так прошел не один месяц. Но под конец они стали торопиться, потому что Кунга хотел, чтобы Арос рожала не в чужой деревне, а в Иволье, в доме для рожениц.

В Иволье Арос сразу же пошла в дом для рожениц и родила там де-

---

[1] Считается, что жители Анасаи отличаются глупостью (ср. с нашими пошехонцами или немецкими шильдбюргерами).

[2] Жителям деревни Нотив приписывается сонливость.

вочку. Тут люди спросили Кунгу, кто ее муж. Кунга сказал: «Я». Тогда они собрались убить его, и ему пришлось бежать в Макалин.

Жители Иволье рассердились так потому, что Арос, оказывается, была родной сестрой Кунги. Родители младенцем отдали ее в Венду своим друзьям из тотема Кабана, у которых она и выросла. Потом приемные родители Арос умерли, и никто в Венду не знал, что на самом-то деле она родом из Гебхе. Не подозревали этого и родственники Кунги, потому что не знали, что Арос откуда-то принесена. Все люди в Венду думали, что Арос принадлежит к тотему Кабана, и потому согласились на ее свадьбу с Кунгой. Кунга, конечно, тоже не знал, что Арос его сестра. И все-таки жители Иволье не могли простить ему такое ужасное преступление.

Они немедленно убили ребенка Арос, а саму ее отправили обратно в Венду. Позднее она вышла там замуж за другого человека, уже не из тотема Гебхе.

Кунга остался жить в Макалине. Но и там люди избегали его. Со временем он достал себе другую жену из тотема Казуара. Он привел ее из Тагепе́ от лесных людей, которые говорят по-своему. Они не догадывались, что натворил Кунга, и потому дали ему девушку.

Потом у них родился сын. Но так как никто не хотел пойти для Кунги на охоту за головами и никто не соглашался брать его с собой, то мальчик не получил черепного имени [3]. Тогда Кунга переделал свое имя и назвал сына Кангу́.

Кангу — это тот самый мужчина, что пришел с нами к Анау. Конечно, он неплохой парень, но кто же станет дружить с человеком, чей отец совершил такое страшное преступление? (99, 256).

Исцеление девицы Трофимовой

(Из свидетельских рассказов, собранных специальной комиссией Святейшего синода)

Тамбовской губернии, Усманского уезда, села Пашкова однодворческая дочь девица Параскева, по прозванию Трофимова, осьмнадцать лет была больна необыкновенной болезнью, которой причиной полагала она злонамеренное испорчение тайными средствами. Каждый день, а иногда и в один день не один раз она выходила из себя, билась и кричала. Сверх того в последний год болезни она получила на носу нарост, величиною с кулак, почти во все лицо. Услышав о святителе Митрофане, пришла она в Воронеж и три месяца была каждый день безотлучно от утра до вечера в соборе и подле собора: только на ночь отводили ее на квартиру. Однажды на квартире явился ей во сне святитель Митрофан, и сказал: «Полно тебе лечиться: я Митрофан: будь здорова». После сего, когда в соборе на нее была возложена мантия святителя, нарост на носу опал и постепенно исчез: а через неделю близ собора имела она припадок, соединенный с не-

[3] Имеется в виду «законное» имя, добытое для младенца в охоте за головами.

обыкновенными посредством рвоты извержениями, и таким образом исцелилась (87, 35).

РАЗОВЫЕ ТЕКСТЫ КОНСТРУКТИВНОГО ТИПА К

— С какого вокзала отправляется поезд в г. Горький? [— С Курского].

*

— Карандаш стоит три копейки. Сколько стоит дюжина карандашей? [— Тридцать шесть копеек].

СМЕШАННЫЕ ФОРМЫ

АНАЛИТИЧЕСКИЕ + СИНТЕТИЧЕСКИЕ КЛИШЕ

1. Фразеологические сочетания, включающие в свой состав синтетический элемент (Ср или Е)

а) Мчаться **очертя голову**; напиться **до положения риз**; послать **к чертовой бабушке**; постричь **под польку**.

б) Бежать **со всех ног**; наесться **до отвала**; отправиться **на тот свет**; держать **под руки**.

2. Клишированные изречения конструктивных типов А, Б, В и Г, включающие в свой состав элементы иного семиотического характера [1]

а) И рад бы смерти, да **где ее взять?**

То-то собачий нос: лишь чарку на поднос, а его **лукавый** и **принес.**

Горели дрова жарко, было в бане парко; дров не стало, и **все пропало.**

Ковыряй всяк в своем **носу!**

б) Счастливая дочь— **в отца**, а сын — **в мать.**

Обмывать мертвого грешно: нечистый **на тот свет** уйдет (воронежск.)

3. Клише конструктивного типа Д, включающие в свой состав элементы иного семиотического характера

а) Голодного спросили: «Сколько будет **единожды один?**» Он ответил: «Одна лепешка». (Арабское, 81, 55.)

*

Не скажет свинья: «В чем моя доблесть?» Говорит **про себя**: «Положусь-ка на свинство». (Шумерское, 81, 615.)

*

б) «Корми меня до Ивана (24 мая), **сделаю из тебя** пана», — говорит пчела. (Русское, 82, 885.)

4. Клише конструктивного типа Ж, включающие в свой состав элементы иного семиотического характера

а) Судья и его приговор

Некий бюргер уже **долгое время** вел в суде тяжбу. Наконец пришел он к судье и подарил ему новенькую карету. Его сосед, который **был по**

[1] Все приведенные ниже пословичные изречения взяты из сборника Б. Даля [82].

тому же делу истцом, узнал о таком подарке и подарил судье двух лошадей к этой карете. **Через некоторое время** было назначено **слушание дела**, судья вынес решение не в пользу того, который подарил карету. «О моя карета, не туда ты поехала!» — воскликнул бюргер. «Карета едет туда, куда ее везут лошади»,— ответил судья. (Немецкое, 110, 8.)

б) О полезном и вредном

Один мудрец сказал: «То, что человек делает с любовью, полезно для здоровья, даже если сам по себе труд этот тяжел. Но если человек занят нелюбимым делом, это вредно для здоровья, как бы дело само по себе ни было легко. **Горестные думы подобны бушующим волнам — под их напором не устоять. Радостные думы умножают силы и помогают достигнуть пристани, даже когда корабль терпит крушение**». (Сирийское, 75, 99.)

5. Клише конструктивного типа И, включающие в свой состав элементы иного семиотического характера

Примером такого клише может служить чуть ли не всякая сказка, поскольку в ней, как правило, содержатся фразеологические сочетания, а иногда и аналитические клише большего объема.

6. Клише конструктивного типа К, включающие в свой состав элементы иного семиотического характера

а) —По сеням **и так и сяк**, а в избу—никак [—Дверь] (Русское, 55, 77в).

б) —Ездил мужик **на юг**, купил веников **на рубль**: каждое сто по три деньги шло, а последнее сто **за копейку** купил. Много ли он веников привез? [—6700] (Русское, 55, 2492).

РАЗОВЫЕ ТЕКСТЫ, ВКЛЮЧАЮЩИЕ В СВОЙ СОСТАВ КЛИШИРОВАННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

1. Синтагмы, включающие клишированные элементы

Любила **почесать языком**; тут же **навострил лыжи**; жили **на широкую ногу**; настоящий **медвежий угол**.

2. Разовые тексты конструктивных типов А, Б, В, и Г, включающие клишированные элементы

Он жил где-то **за городом — у черта на куличках**.

Это дело мне **не с руки**.

Соседи считали Ивана Сергеевича **мастером на все руки**.

Всем известно, что **дыма без огня не бывает**.

3. Разовые тексты конструктивного типа Д, включающие клишированные элементы

ХЕЛЬСИНКИ, 29. (ТАСС). В связи с начинающимся сегодня в парламенте ФРГ заключительным обсуждением **чрезвычайных законов Демократический союз женщин Финляндии** направил следующую телеграмму председателю **западногерманского бундестага:** «Ваши **чрезвычайные законы** напоминают времена Гитлера. С глубокой озабоченностью мы призываем вас: откажитесь от них» (123, 151).

4. Разовые тексты конструктивного типа Ж, включающие клишированные элементы

а) «Банк» в урне

Гражданка Г. Берденюк потеряла в Новгороде сверток с деньгами и служебными документами. За помощью она обратилась в милицию.

— Я пытался выяснить, — говорит **младший сержант милиции** И. Федосюк,— где потеряла, — не помнит. Подошел к рабочим из мастерской **торговой рекламы**, что работали на улице М. Горького, — не видели ли они чего. И бывает же такое: один из них — В. Савин вспомнил, что поднимал какой-то газетный сверток и бросил его в урну.

Перевернули урну — деньги и документы были там.... (122, 44).

б) Что где случилось

Светало, когда Е. Лаврененков, **любитель-охотник** со станции Ясашная Свердловской области, вышел из охотничьей избушки. **Спустил** с поводка **собаку** и зашагал **по лесу.** Примерно через час он заметил, что с земли собраны все листья, будто кто-то **прошелся** здесь **с метлой**. «Сам хозяин погулял, что ли?» — подумал Лаврененков. Впереди лежала вывороченная с корнями береза. Охотник остановился и . . . увидел медведя. Лаврененков **не успел ахнуть,** а медведь уже **насел на него.** Ружье полетело в сторону, охотник успел отскочить за деревья. Медведь, став на задние лапы, снова бросился на человека. И тут правая лапа зверя оказалась между двумя березами. Лаврененков схватил ее и потянул на себя. Лапа прочно застряла между деревьями, зверь оказался в импровизированном капкане. Охотник привязал на всякий случай лапу кожаным поводком к стволам и кинулся к ружью. Два выстрела уложили **хозяина леса.** (По материалам газеты «Уральский рабочий») (122, 6).

5. Разовый текст конструктивного типа И, включающий клишированные элементы

«Буровые медведи»

Когда медвежата (говорят, это впервые случилось в их жизни) увидели мой фотоаппарат, их **удивлению не было предела**. Пожалуй, камера их

испугала. Они мигом вскарабкались на дерево и с самой его макушки стали следить за маленьким блестящим предметом в моих руках. **Через некоторое время** косолапые робко спустились на землю. А когда у меня в кармане зашуршала бумага от шоколада и лакомки получили по первой порции сладкого, мне показалось, что мы стали друзьями.

История их проста. В мае прошлого года бригадир монтажников Анатолий Торопов принес в лагерь двух перепуганных, похожих на щенков малышей. Назвали их Мишка и Машка.

Ранним утром первым обычно просыпается Мишка. Он идет к вагончику, где живет повар бригады Мира Спиридонова, и стучит лапой в окошко, требуя завтрака. Мира дружит с медвежатами. **Ведут** они **себя** вполне прилично. Только один раз опрокинули кастрюлю с компотом... После завтрака медведи посещают **строительную площадку**. Иногда они помогают очистить от снега фермы для буровой. Потом легкая разминка — игра **в салки** с собаками. Собаки, которые **в свое время** брали медведя **«за штаны»**, подружились с косолапыми и **причяли** их **в** свою шумную **компанию.** Затем медведи (конечно, без саней) около часа катаются **с ледяной горки** и только после этого уходят до вечера в лес.

Сейчас медвежата уже большие. Скоро год как они путешествуют по сибирской лесотундре **на самолетах**, вертолетах и вездеходах вместе с монтажниками Анатолия Торопова. (В. Ахломов. Тарко-Сале, Тюменская область) (122, 9).

Разовые тексты конструктивного типа К, включающие клишированные элементы

Задача (счетная)

— В **пионерском лагере** проводился **шахматный турнир.** Участники турнира были **разбиты на** две **подгруппы** — «старших» и «младших», что позволило закончить турнир за девять дней. Каждый участник в своей подгруппе **играл по** три **партии** с каждым из противников. Ежедневно на протяжении соревнований **в общей сложности игралось по** девять **партий.** Сколько пионеров **принимало участие** в турнире в обеих подгруппах? [—11 пионеров] (121, 3).

Головоломка (логическая задача)

Перед судом стоят три человека, из которых каждый может быть либо аборигеном, либо пришельцем. Судья знает, что аборигены всегда **отвечают на вопросы** правдиво, а пришельцы всегда лгут. Однако судья не знает, кто из них абориген, а кто — пришелец. Он спрашивает первого, но не понимает его ответа. Поэтому он спрашивает **сначала** второго, а **потом** третьего о том, что ответил первый. Второй говорит, что первый говорил, будто он абориген. Третий говорит, что первый **назвал себя** пришельцем. Кем были второй и третий подсудимые? [— Второй — абориген, третий — пришелец] (121, 3 и 4).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

А. СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Андреев Н. П., Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л., 1929.
2. Апресян Ю. Д., Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк), М., 1966.
3. Беркли Э., Символическая логика и разумные машины, пер. с англ. М., 1961.
4. Богатырев П. Г., Гусев В. Е. и др. Русское народное творчество, М., 1966.
5. Виноградов В. В., Русский язык (грамматическое учение о слове), М.—Л., 1947.
6. Выготский Л. С., Психология искусства, М., 1965.
7. Гусев В. Е., Эстетика фольклора, Л., 1967.
8. Даль В. И., Напутное,— сб. «Пословицы русского народа», М., 1957.
9. Звегинцев В. А., История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, М., 1965.
10. Зиновьев А. А., Основы логической теории научных знаний, М., 1967.
11. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н., Славянские языковые моделирующие системы, М., 1965.
12. Кольман Э., Книга о логике народных пословиц,— «Вопросы философии», 1958, № 4.
13. Сб. «Логическая семантика и модальная логика», М., 1967.
14. Мелетинский Е. М., Герой волшебной сказки (происхождение образа), М., 1958.
15. Молотков А. И., Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания. Предисловие к книге «Фразеологический словарь русского языка», М., 1967.
16. Муратов С. Н., Устойчивые сочетания в тюркских языках, М., 1961.
17. Сб. «Общая теория систем», пер. с англ., М., 1966.
18. «О некоторых вопросах современной математики и кибернетики. Сборник статей в помощь учителю математики», М., 1965.
19. Пермяков Г., Введение к сб. «Избранные пословицы и поговорки народов Востока», М., 1968.
20. Померанцева Э. В., Русская народная сказка, М., 1963.
21. Потебня А. А., Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка, Харьков, 1894.
22. Пропп В. Я., Морфология сказки, Л., 1928.
23. Ревзин И. И., Метод моделирования и типология славянских языков, М., 1967.
24. Реформатский А. А., Введение в языкознание, М., 1955.
25. Рошияну Николае, Традиционные формулы сказки (по материалам румынского и восточнославянского фольклора), автореф. канд. дисс., М., 1967.
26. «Русская фольклористика. Хрестоматия для вузов», сост. С. И. Минц, Э. В. Померанцева, М., 1965.

27. Рыбникова М. А., Русская поговорка,— Избранные труды, М., 1958.
28. Сб. «Семиотика и восточные языки», М., 1967.
29. Сб. «Структурно-типологические исследования», М., 1962.
30. Телия В. Н., Что такое фразеология, М., 1966.
31. Толстой И. И., Статьи о фольклоре, М.—Л., 1966.
32. Уемов А. И., Вещи, свойства и отношения, М., 1953.
33. Уорф Б. Л., Отношение норм поведения и мышления к языку,— сб. «Новое в лингвистике», вып. I, М., 1960.
34. Успенский Б. Л., Принципы структурной типологии, М., 1962.
35. Ухов П. Д., Типические места (loci communes) как средство паспортизации былин,— сб. «Русский фольклор, материалы и исследования», вып. II, М.—Л., 1957.
36. Сб. «Фольклор как искусство слова», под ред. П. И. Кравцова, М., 1966.
37. Чернов И. А., О семиотике запретов,— сб. «Труды по знаковым системам», вып. III, Тарту, 1967.
38. Чернышева И. И., Принципы систематизации фразеологического материала современного немецкого языка,— сб. «Язык и стиль», М., 1965.
39. Шахнович М., Краткая история собирания и изучения пословиц и поговорок, — «Советский фольклор», 1936, № 4—5.
40. Сб. «Язык и мышление», М., 1967.

Б. ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ ПРИМЕРОВ

41. «Англо-русский фразеологический словарь», сост. А. В. Кунин, М., 1956.
42. «Анекдоты Моллы Насреддина», пер. с азерб. Ю. Гранина, Баку, 1958.
43. «Анекдоты о Ходже Насреддине», пер. с тур. В. А. Гордлевского, М., 1967.
44. «Армянский фольклор», пер. с арм., сост. Г. О. Карапетян, М., 1967.
45. «Аура Поку. Мифы, сказки, легенды, басни, пословицы и загадки народа бауле», собраны д-ром Г. Химмельхебером, пер. с нем. Г. Пермякова, М., 1960.
46. «Афганские сказки», пер. с афг. З. Каминкиной, К. Лебедева, Ю. Семенова, М., 1955.
47. «Ботанический словарь русско-английско-немецко-французско-латинский», сост. Н. Н. Давыдов, М., 1960.
48. «Бразильские сказки и легенды», пер. с португал., М., 1962.
49. Братья Гримм, Сказки, пер. с нем. Г. Петникова, Минск, 1957.
50. «Великорусские сказки в записях И. А. Худякова», М.—Л., 1964.
51. «Венгерские народные сказки», сост. А. Гидаш, пер. с венгер. А. Кун и В. Важдаева, М., 1958.
52. «Волшебный рог. Мифы, легенды и сказки бушменов хадзапи», собраны проф. Л. Коль-Ларсеном, пер. с нем. Г. Пермякова, М., 1962.
53. «Глаза дракона. Легенды и сказки народов Китая», пер. с кит. Лин Лин и П. Устина, М., 1959.
54. «Дунганские сказки», сост. К. Юсуров и В. Шахматов, Алма-Ата, 1946.
55. «Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач», сост. Д. Н. Садовников, М., 1960.
56. «Загадки», издание подготовила В. В. Митрофанова, под ред. Б. Н. Путилова, Л., 1968.
57. «Золотая земля. Сказки, легенды, пословицы, поговорки Эфиопии»,

пер. с амхар. Э. Ганкина, с англ. — С. Коршунова и И. Тишина, М., 1960.
58. «Индийские сказки и легенды, собранные в Камаоне в 1875 году И. П. Минаевым», М., 1966.
59. «Итальянские сказки, обработанные Итало Кальвино», М., 1959.
60. «Казахские народные сказки», М., 1958.
61. Калонтаров Я. И., Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими, Душанбе, 1965.
62. «Ларец мудрости. Древние китайские басни», пер. с кит. Пан Ина, Л., 1961.
63. «Латышские народные анекдоты», сост. К. Арайс, пер. Г. Горского, Рига, 1964.
64. «Латышские народные сказки. Сказки о животных», сост. К. Арайс, пер. Ч. Шклепника и С. Баженовой, Рига, 1965.
65. «Легенды и сказки индейцев Латинской Америки», сост. Э. Зибер, М.—Л., 1962.
66. Маунг Хтин Аунг, Бирманские народные сказки, пер. М. Юцковской, М., 1957.
67. «Монгольские сказки», пер. с монг., сост. Г. Михайлов, М., 1967.
68. «Народные русские сказки Афанасьева А. Н.», М., 1957.
69. «Немецко-русский фразеологический словарь», сост. Л. Э. Бинович, М., 1956.
70. «Однажды один человек... Сборник американского фольклора», пер. с англ. А. Сергеева, М., 1968.
71. Орбели И., Басни средневековой Армении, М.—Л., 1956.
72. «Осетинские народные сказки», сост. С. Бритаев и Г. Калоев, М., 1959.
73. «Осетинские пословицы и поговорки», сост. и пер. З. В. Абаевой, Цхинвали, 1962.
74. «Остров красавицы Си Мелю. Мифы, легенды и сказки острова Си·малур», собраны д-ром Г. Келером, пер. с нем. Г. Пермякова, М., 1964.
75. «От Акихара до Джано», пер. с сир. А. Белова и Л. Вильскера, М.—Л., 1960.
76. Пермяков Г., Избранные пословицы и поговорки народов Востока (сборник), М., 1968.
77. «Персидские анекдоты», пер. с перс. М. Ашрафи, А. Бертельса, Н. Кондыревой, Н. Османова и Т. Щаповой, М., 1963.
78. «Персидские пословицы и поговорки», сост., пер. и комм. Х. Г. Короглы, М., 1961.
79. «Персидские сказки», пер. с перс. А. Розенфельд, М., 1956.
80. «Польские народные легенды и сказки», сост. П. Глинкин, М.—Л., 1965.
81. «Пословицы и поговорки народов Востока», сост. Ю. Э. Брегель, М., 1961.
82. «Пословицы русского народа. Сборник В. Даля», М., 1957.
83. «Прибыль от греха. Атеистические анекдоты народов мира», сост. Т. И. Шаргородский, М., 1963.
84. Рид А. В., Мифы и легенды страны маори, пер. с англ. С. Серпинского, М., 1960.
85. «Русские народные пословицы и поговорки», сост. А. М. Жигулев, М., 1965.
86. «Светящийся незнакомец (народные сказки Либерии)», пер. с англ. И. Глаголевой и Ю. Ерусалимской, М., 1966.
87. «Сказание о обретении и открытии честных мощей иже во святых отца нашего Митрофана, первого епископа Воронежского и о благодатных при том знамениях и чудесных исцелениях», СПб., 1833.
88. «Сказание о Лионго Фумо. Сказки народов Африки», М., 1962.

89. «Сказки и мифы Океании», пер. с полинезийских и европейских языков, сост. Г. Пермяков, М., 1970.
90. «Сказки Мадагаскара», пер с франц. Ю. С. Родман, М., 1965.
91. «Сказки народов Африки», сост. Д. А. Ольдерогге, М. — Л., 1959.
92. «Сказки народов Индии», пер. с маратхи, панджаби, тамили, телугу, хинди. М. — Л., 1964.
93. «Сказки народов Севера», сост. М. Г. Воскобойникова и Г. А. Менавщикова, М. — Л., 1959.
94. «Сказки, пословицы и песни лужицких сербов», пер. с верхнелужиц. и нижнелужиц., сост. А. Романенко, М., 1962.
95. «Сказки, пословицы, поговорки Камбоджи», пер. с франц. Н. Лебедева, М., 1959.
96. «Сказки, притчи, легенды хауса», пер. с хауса В. В. Лаптухина, М., 1964.
97. «Сказки Чукотки», записала О. Е. Бабылина, М., 1958.
98. «Словацкие сказки», пер. со словац. Д. Норбова, сост. П. Богатырев, М., 1955.
99. «Сыны Дехевая. Предания о демонах и рассказы охотников за головами», собр. Г. Неверманом на юге Новой Гвинеи, пер. с нем. Г. Пермякова, М., 1960.
100. «Татарские народные сказки», сост. Х. Х. Ярмухаметов, Казань, 1957.
101. «Турецкие народные сказки», пер. с тур. Н. Цветинович, М., 1959.
102. «Туркменский юмор», пер. с туркм., Ашхабад, 1967.
103. «Украинские народные сказки», пер. Г. Петникова, М., 1956.
104. «Фараон Хуфу и чародеи. Сказки, повести, поучения Древнего Египта», сост. И. С. Кацнельсона, пер. с древнеегипет. И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона, М., 1958.
105. «Фразеологический словарь русского языка», под. ред. А. И. Молоткова, М., 1967.
106. «Чешские народные сказки», пер. и сост. М. Галовой, М., 1956.
107. «Эстонские народные сказки», сост. Э. Якубинская и Э. Тукина, М.— Л., 1965.
108. «An Antology of West African Folklore by Alta Jablow», printed in USA, 1962 [пер. Ю. Баранова] [1].
109. Cushing F. H., Zuni Folk-Tales, New York, 1931.
110. «Deutsche Volksbücher», M., 1956 [пер. Г. Пермякова и М. Харитонова].
111. Dorsey G. A., Traditions of the Caddo, Washington, 1905.
112. Feldmann S., African Myths and Tales, New York, 1963.
113. «Geister am Roroima. Indianer-Mythen -Sagen und Märchen aus Guayana», aufgenommen von Prof. Dr. T. Koch-Grünberg, Eisenach und Kassel, 1956 [пер. Г. Пермякова].
114. Hambruch P., Südseemärchen, Jena, 1927 [пер. Г. Пермякова].
115. Harris J. C., The complete tales of uncle Remus, Cambridge, 1955.
116. Herskovitz M., Herskovitz F. Folk-lore of Surinam, New York, 1936 [пер. Ю. Баранова].
117. «The Journal of American Folklore», vol. 65.
118. «Himmelsstier und Gletscherlöwe, Mythen, Sagen und Fabeln aus Tibet». In langjährigen völkerkundlichen Forschungen unter den Amdo-Tibetern aufgenommen von Prof. Dr. Matthias Hermanns, Eisenach und Kassel, 1955 [пер. Г. Пермякова].
119. Radin P., The Trickster. A Study in American Indian Mythology, New York, 1962.
120. «Volksbücher des 16. Jahrhunderts», Berlin und Stuttgart, O. J. [пер. М. Харитонова].

[1] На иностранном языке приведены источники, не переведенные на русский язык. При этом в квадратных скобках названы переводчики отдельных текстов, помещенных в работе или Приложении к ней.

Русские периодические издания, послужившие дополнительными источниками иллюстративных примеров

121. «Наука и жизнь». Комплект журнала за 1966 г.
122. «Неделя» (воскресное приложение к газете «Известия») за 1968 г.
123. «Правда» за первое полугодие 1968 г.

Ю. В. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ЧТО ТАКОЕ «ТЕОРИЯ КЛИШЕ»?

Термин *клише* предложен еще в начале века французской лингвистикой. *Клише* в данном случае значит «готовые, воспроизводимые единицы языка». В лингвистике существовали разные толкования объема материала языка, относимого к воспроизводимым, а не производимым в момент речи выражениям. В самом узком смысле к клише относили только фразеологизмы, в более широком смысле — также и слова и морфемы и грамматические конструкции. В последнем случае клише — то же самое, что термин *pattern* «образчик» в американской лингвистике.

Г. Л. Пермяков говорит об «общей теории клише» и намечает ее границы в материале «от поговорки до сказки». В этом смысле «общая теория языковых клише» предстает в этом тексте как совершенно новая теория, фольклористическая по своему основному материалу и лингвистическая по методу. Естественно, что лингвист испытывает большие трудности в оценке фольклорного материала. Вот почему послесловие в ряде мест будет и недостаточным и неполным.

Как только начинаешь более пристально всматриваться в текст книги, сейчас же возникает много вопросов. Первый и главный из них: к какой области знания следует отнести «общую теорию клише»? В зависимости от того как ответить на этот вопрос, станут ясными границы и требования, которые применимы к «общей теории клише». Здесь надо оговорить, что автор называет свой текст «заметками» и, следовательно, не претендует на цельность теории. Поэтому, обсуждая текст Г. Л. Пермякова, можно говорить только об установках, отправных пунктах «общей теории клише», но не о завершенной теоретической конструкции.

Обратимся к табл. 19 на стр. 101 из гл. IV — «Синтетические и аналитические клише». Смысл этой таблицы состоит в том, чтобы указать место теории клише среди наук о языке и определить этим и сами науки о языке по отношению к теории клише.

Разновидности клише здесь, грубо говоря, определены через протяженность и сложность текста, так как каждому виду клише соответствует неклишированный текст той же длины и сложности: слова, словосочетания, разные по завершенности мысли предложения, сверхфразовые единства (побасенки, загадки и группы единств, которые автор называет «сверхсложными конструкциями», в частности, басни и назидательные сказки). Короче, рассматриваются тексты, включающие любое количество уровней, из которых минимальный — слово и максимальный — развернутый рассказ (сказка). Дисциплины, изучающие эти уровни, классифицированы в двух отношениях: по уровням (вертикальные границы классификационной таблицы) и по планам содержания и выражения (горизонтальные границы классификационной таблицы). Таким образом, автор устанавливает

отношения теории клише к смежным дисциплинам. Можно не соглашаться с некоторыми границами, тем более что и сами науки о языке далеко не столь строги в определении своих границ. Однако в принципе за вычетом уточнения деталей схема верна и правильно отображает отношение теории клише к смежным дисциплинам о языке и даже фиксирует некоторую расплывчатость этих границ.

Пользуясь этой схемой, можно попытаться понять область «общей теории клише» по отношению к смежным дисциплинам. Прежде всего обращает на себя внимание следующее: графа «Уровни и дисциплины плана выражения» — поэтика, грамматика (морфология и синтаксис), стилистика и риторика, — пожалуй, может быть соотнесена своим содержанием только с горизонтальной графой «Неклишированные тексты».

Дело в том, что с точки зрения этих дисциплин совершенно несущественно, клиширован изучаемый ими материал языка или нет. В том случае когда встретившиеся клише не отвечают общим нормам свободных сочетаний, эти дисциплины склонны рассматривать их как исключения и не считаться с таким материалом в своих суждениях.

Графа «Дисциплины плана содержания» — лексикология, фольклористика и литературоведение, фразеология, паремиология, — оказалась отдельной от графы «Уровни плана содержания» — лексика, фразеология (в широком и узком смыслах), фольклор и литература. В этой графе речь идет не о «дисциплинах», и всюду, где можно, вставлено слово «инвентарь».

Графы «Дисциплины плана содержания» и «Уровни плана содержания» содержат общие названия или однокоренные для предмета и дисциплины названия (фольклористика и фольклор, лексикология и лексика, литературоведение и литература).

Если обратиться к сравнению двух верхних граф с графами, которые называют тексты, то речь идет только о связях по содержанию между клишированными текстами и дисциплинами, описывающими уровни «по плану содержания». Дело в том, что и лексикология, и фразеология, и фольклористика занимаются только тем, что у Г. Л. Пермякова называется *клише*, и не интересуются по самому своему назначению «разовыми» текстами. Разовые тексты могут быть предметом описания в этих науках только по ошибке или для сравнения с «неразовыми».

Так можно подойти к пониманию места наук о языке, относительно их предмета. Грамматика, поэтика, стилистика и риторика занимаются производимыми (т. е. в терминах Г. Л. Пермякова — «разовыми») текстами, тогда, как лексикология, фразеология, фольклористика и литературоведение занимаются воспроизводимыми текстами (т. е. в терминах Г. Л. Пермякова — клише). (Семантику мы пока не учитываем, так как, по-видимому, для нее не важно деление текстов на производимые и воспроизводимые.)

Легко понять, что дисциплины, которые занимаются производимыми текстами, должны содержать в себе также определенные правила — предписания, определяющие построение нового текста, в то время как дисциплины, занимающиеся воспроизводимыми текстами — клише, не содержат в себе предписания о построении текстов, а только словарь или инвентарь еди-

ниц, которые можно использовать. В основном это описание, а не предписание. Так, к грамматике, стилистике, поэтике и риторике применимо понимание правильности, тогда как для прочих дисциплин правила и правильность значения не имеют, а важен только прецедент и его нормативная фиксация. Вот почему слова «план выражения» и «план содержания» употреблены в таблице не строго лингвистически. Фразеология и лексикология, равно как грамматика и стилистика, с точки зрения лингвистики описывают единицы, равно обладающие и планом выражения, и планом содержания: слово, грамматическая категория, риторическая фигура и пословица всегда описываются соответствующими дисциплинами как билатеральные единицы. Только семасиология по своему намерению занимается исключительно планом содержания, но и она не может не считаться с планом выражения и его особенностями.

Это нестрогое относительно лингвистики применение Г. Л. Пермяковым выражений «план выражения» и «план содержания» все же имеет определенный смысл. Дело в том, что семантика единиц, описываемых науками о правилах и разовых текстах, существенно отличается от семантики единиц, описываемых науками о прецедентах и клишированных текстах. Семантика единиц, описываемых науками второго рода, всегда направлена на внеязыковую действительность. Так, слово «перо», пословица «У семи нянек дитя без глазу» и сказка о жадной старухе всегда описывают внеязыковую действительность, в то время как «падеж» в грамматике, «рифма» в поэтике, «предложение» в риторике и т. п. есть всегда действительность самого языка, а не внеязыковая действительность. Семантика таких единиц направлена на сам язык. В этом смысле в лингвистике иногда различают планы выражения и содержания, если под содержанием понимается только внеязыковая действительность.

Таким образом, теория клише позволила разграничить и классифицировать науки о языке на науки о правилах, изучающие производимую речь, и науки о прецедентах, изучающие воспроизводимую речь.

Почему же «общая теория клише» Г. Л. Пермякова поставила этот вопрос? Именно потому, что «теория клише», обсуждаемая здесь в ее установках, хочет описать правила производства воспроизводимых единиц, т. е. как бы подойти к клише с позиций грамматики, поэтики, риторики и т. д. «Теория клише» интересуется не только тем, какие есть клише, но главным образом тем, как они создаются, и тем, как их следует создавать. В этом отношении «теория клише» есть наука о правилах, а не наука о прецедентах.

Можно ли сказать, что до «общей теории клише» Г. Л. Пермякова не было теоретических описаний языковых клише? Ни в коем случае. Такие описания существуют во множестве. Но это описание наличных прецедентов. Теория клише претендует на изложение не прецедентов, а правил построения прецедентов. В этом ее отличие от лексикологии (вместе с лексикографией), фразеологии, паремиологии и фольклористики.

Поняв эту внутреннюю задачу теории клише, целесообразно поставить вопрос о том, является ли теория клише самостоятельной дисциплиной или лишь теорией внутри одной из существующих дисциплин, например, лингвистики или фольклористики. Разница между теорией и самостоятельной дисциплиной заключается в том, что теория пользуется и методом и материалом некоторой дисциплины, тогда как каждая дисциплина имеет свой метод и свой материал. Теория как бы вариант инварианта, именуемого дисциплиной. Примененное здесь разграничение, конечно, условно и может быть оспорено. Однако это разграничение составляет, пожалуй, основную массу случаев употребления в русском языке науки слов «теория» и «дисциплина». Примем это разграничение как чисто рабочее определение. Но будем помнить, что и в этом случае трудность отграничения вариантов от инвариантов сохраняется.

Прежде всего важно обратиться к материалу. Объем материала удобно понять, пользуясь лингвистической абстракцией «уровень». Лингвистика является наиболее общей наукой о языковых правилах. Недаром в истории наук о языке лингвистика, являющаяся прямой наследницей античной грамматики, все более вовлекает в свой состав поэтику, логику, риторику — прежние античные искусства языка. Так, если М. В. Ломоносов включал в грамматику только морфологию (т. е. учение о частях речи), а конструкцию предложения — в «реторику», то в дальнейшем этот раздел входит в грамматику и называется синтаксисом. Даже текстология стремится определить себя как дисциплину близкую к лингвистике, по меньшей мере по своим методам. А. Е. Бертельс, определяя текстологию, говорит о том, что лингвистика как бы «втягивает» в свой состав разные, прежде самостоятельные дисциплины, превращая их в теории внутри лингвистики. При этом, разумеется, определенным образом меняются задачи и содержание сливающихся наук [см. 1].

Г. Л. Пермяков находит *клише* не только на уровне слова, но и на уровне цельных речевых произведений, составленных из комбинаций предложений и даже сверхфразовых единств (например, басни и сказки). Рассмотрение столь большого числа уровней не является совершенно чуждым лингвистике, хотя лингвистика обычно ограничивается уровнем предложения. Лингвистическая теория, называемая «глоссематика», прямо ставит это своей задачей. Так, Л. Ельмслев пишет: «Давно стало ясно, что наряду с филологией, где изучение языка и его памятников есть средство познания литературных явлений и исторических событий, должна существовать лингвистика — наука о языке и его текстах, как таковых» [2, стр. 266]. «...Лингвистика должна попытаться охватить язык не как конгломерат внеязыковых (т. е. физических, физиологических, психологических, логических, социологических) явлений, но как самодовлеющее целое, структуру sui generis». «...Последняя даст возможность устранить тот провинциализм в образовании понятий, который является уделом филологов; таким путем будет фактически построена действительная и рациональная генетическая лингвистика» [2, стр. 267].

Далее Ельмслев критикует лингвистику за ее «трансцендентные цели»,

т. е. за то, что она всего лишь «служанка» филологии, и, поскольку неглоссематическая линвистика имеет «трансцендентные цели», она не единая, а дробная дисциплина: «В совокупности текстов искали фонетическую систему, семантическую систему, грамматическую систему» [2, стр. 271]. В то время как «цель лингвистической теории — испытать, по-видимому, на исключительно благоприятном объекте тезис о том, что существует система, лежащая в основе процесса — постоянное, лежащее в основе изменений» [2, стр. 271].

Таким образом, по идеям глоссематики должна быть построена единая система, которая, с одной стороны, будет служить не вспомогательным средством филологии, но, напротив, объяснит саму филологию, с другой стороны, будет иметь не дробный, а интегрированный характер.

«Итак, первая задача анализа — произвести разделение процесса текста. Текст — это цепь, и все ее части (например, предложения, слова, слоги и т. д.) — равным образом цепи, за исключением таких конечных частей, которые уже не могут быть подвергнуты анализу» [2, стр. 289].

«Анализ текста в целом примет, таким образом, форму процедуры, состоящей из продолженного деления или комплекса делений, в котором единичная операция представляет собой единичное минимальное деление» [2, стр. 290]. Таким образом, анализ и описание в глоссематике не начинаются от уровня предложения, а начинаются с цельного текста и делят его последовательно на то количество уровней, которое в нем содержится.

Я специально так долго цитировал известные «Пролегомены к теории языка» Л. Ельмслева, так как специфическая терминология этого текста нередко затемняет у читателей его принципы и задачи [1].

Задачи глоссематики заключаются прежде всего в единой теории построения текстов. Эта теория должна быть такой, чтобы одновременно интерпретировать и прежнюю лингвистику, и прежние филологические дисциплины, и прежние другие науки о языке.

Рассматривая схему отношений «общей теории клише» к другим дисциплинам, легко убедиться в том, что теория клише, вольно или невольно, поставила себе ту же задачу.

Помимо этого отношения к другим наукам о языке теорию клише и глоссематику роднят еще два важных положения. Первое состоит в том, что обе теории ставят своей целью, изучая и наблюдая текст, обнаружить стоящую за ним систему и описать эту систему. Второе более глубоко: одним из краеугольных камней глоссематики является единообразность функций на каждом уровне анализа. «Деление, или анализ, мы можем формально определить как описание объекта через единообразные зависимости от других объектов и через единообразные зависимости последних друг от друга». Глоссематика твердо придерживается этого принципа. На

---

[1] Странным образом, однако, и многие «экстравагантные» термины, осужденные авторитетными лингвистами, все более входят в практику: класс, сегмент, иерархия, синтез, функция, постоянная, переменная, детерминация, констелляция, корреляция, реляция, реализация, цепь, член и т. п.

каждом уровне текста находятся части, связанные функциями: детерминацией, интердепенденцией, констелляцией и их дериватами в отношениях текста и системы (селекция, спецификация, солидарность и т. п.).

Хотелось бы особенно обратить внимание на это положение. Традиционно каждый языковой уровень в лингвистике представляла своя наука: фонологический — фонология, морфемный — морфология и т. д., каждая наука описывала свои собственные закономерности, которые свойственны данному уровню и не свойственны другим. В глоссематике речь идет об универсальных закономерностях, равно представленных на каждом из уровней. Так, комбинации атомов в молекулах рассматриваются химией, а комбинации частиц в атомах — физикой. Соответственно этому каждая из наук имеет свои законы. Глоссематические законы подобны закону сохранения энергии в том смысле, что этот закон универсален для физики и химии. Фундаментально новым моментом, вносимым в лингвистику глоссематикой, является утверждение универсальных законов функциональной делимости единиц независимо от уровней текста и языка.

С этой точки зрения теория клише также оказывается сравнимой с глоссематикой. Посмотрим на табл. 21—24 и табл. 25. В этих таблицах рассматриваются отношения между разновидностями клише: синтетическими и аналитическими на разных уровнях и семантическими признаками клише — общетекстовыми и компонентными (отсутствие мотивировки, возможность прямого толкования при наличии переносных компонентов и т. д.). Табл. 26 на стр. 126—127 убедительно демонстрирует однородность признаков у клише, принадлежащих разным уровням, — слова, предложения, фразы, сверхфразового единства и т. д. Это явление в лингвистике называется межуровневым изоморфизмом.

Рассмотрение аналитических и синтетических клише в главе IV суммируется в табл. 18 на стр. 92. Из нее следует, что на любом уровне синтетическому клише отвечает аналитическое клише. Это также универсальный закон теории клише.

Всякое клише может быть рассмотрено в логико-семиотическом, предметном и грамматическом планах, как это фактически объясняется в главе I и последующих II и III главах. Это рассмотрение обнаруживает еще один вид изоморфизма — изоморфизм содержания. Изоморфизм содержания относится прежде всего к синтетическим клише, где принципиально одно и то же содержание развертывается начиная от слова до так называемой «назидательной сказки» и свертывается от назидательной сказки к слову. Тем самым образуется некоторый набор инвариантов содержания, представленный на разных уровнях.

Итак, общая теория клише обнаруживает три главнейшие разновидности межуровневого изоморфизма: изоморфизм знакообразования (проявляющийся в мотивировках значения клише на разных уровнях), изоморфизм построения материала знаков (синтетизм и аналитизм клише) и изоморфизм содержания (набор сентенций с инвариантным содержанием на разных уровнях).

Идея изоморфизма присуща и ельмслевианским функциям, которые равно применимы к любому уровню. Можно также сказать, что теория клише Г. Л. Пермякова тоже есть функциональный анализ текстов, где функция частично понимается так же, как и в глоссематике. Не случайно в этом смысле обращение теории клише к «Морфологии сказки» Вл. Я. Проппа. Ведь Вл. Я. Пропп, производя функциональный анализ текстов волшебной сказки, фактически определял синтагмы и элементы сказочного текста не только по смыслу, но и дистрибутивно по месту в тексте и потенциям к перемещению элементов в речевой цепи сказки [см. 3].

Однако можно ли сказать, что теория клише Г. Л. Пермякова то же самое, что и глоссематика, или что она есть часть глоссематики? Нет, так сказать нельзя. Несмотря на единство культуроведческих целей и сходство принципов анализа, назвать теорию клише глоссематикой или ее частью все же нельзя по следующим соображениям:

1. Глоссематика была создана прежде всего как аппарат исчисления для лингвистического описания. Это, так сказать, специальная математика для лингвистики и формальный метаязык лингвистики. Теория клише есть эмпирический, индуктивный анализ языковых текстов. Между ними та же разница, что и между языком науки и научным описанием языкового объекта.

2. Содержательно глоссематика есть как бы универсальная грамматика, предназначенная для анализа и построения принципиально неклишированных текстов. Теория клише, напротив, есть описание правил построения клишированных текстов, неклишированные тексты привлекаются только для сравнения.

3. Глоссематика принципиально рассматривает любые возможные тексты на языке и не выделяет специально какой-либо культурно-текстовой области. Теория клише, напротив, стремится строго определить для анализа совершенно определенную текстовую область.

Какова же область текстов, в которых развивается теория клише? Она точно определяется в названии: «От поговорки до сказки». Значит в эту область принципиально не входят многие разновидности текстов, например: тексты газетные, радио, кино, телевидение; тексты научные, научно-художественные, собственно художественная литература, литературная критика и журналистика; все рукописные тексты, включая сюда эпистолы, юридические и деловые тексты, тексты священных писаний и античных философий, античных руководств по всякого рода «искусствам» и т. п. Иначе говоря, все те тексты, которые рождаются не как чистая устная речь, а всегда — как речь написанная и лишь потом допускающая прочтения.

Теория клише, таким образом, относится только к самому настоящему устному языку, который лингвистика называет «естественным» и который лишь частично, с чисто познавательными и научными целями подвергается впоследствии записи (а запись, разумеется, вносит в такие тексты известные искажения). Теория клише (и это скрыто в ее названии) берет все же не все клише, но лишь клише, имеющие, так сказать, «вечное» значение.

Так, например, высказывание «от дождя, да под желоб» никогда не наскучит слушателям и говорящим. А какой-нибудь забавный рассказ, вроде приведенного на стр. 96 рассказа о девице, расправившейся с грабителем[1], напротив, нельзя пересказывать дважды одному и тому же лицу. (В колледжах Кембриджа за это даже платят штраф.) Точно так же какой-либо слух нельзя повторять дважды одним и тем же людям, без риска быть прерванным словами: «про это мы уже знаем».

Вот почему слухи, забавные житейские рассказы и подобные тексты, называемые молвой, «смертны», а пословицы, поговорки, басни, сказки и т. п. бессмертны, по крайней мере, потенциально. Хотя молва в общем-то клишированные тексты, теория клише не занимается ею, считая ее разовыми текстами и рассматривая их в ряду элементарной диалогической и командной речи. Стало быть, «от поговорки до сказки» по сути дела обозначает языковой или речевой фольклор и исключает молву.

Итак, речь идет о фольклорных текстах. Вот почему «Заметки по общей теории клише» оказались в фольклористической серии. Но является ли теория клише Г. Л. Пермякова фольклористическим исследованием? Ответить на этот вопрос можно лишь разобрав два аспекта проблемы: 1) весь ли фольклор обнимает теория клише? и 2) как теория клише относится к фольклору и фольклористике? Для того чтобы отвечать на эти вопросы, полезно отойти от фольклористики и встать на общую семиотическую точку зрения.

Всякая наука, в том числе и фольклористика, не может доказывать те посылки, из которых она исходит. Та или иная конкретная теория внутри науки переопределяет несколько по-новому и предмет исследования и материал. Естественно, что при исследовании столь подвижного и живого целого, каким является фольклорный текст, эти различия в определении предмета и материала фольклористики достаточно велики.

Так, например, только ли речевые произведения относятся к фольклору или это более широкое целое, включающее и другие народные искусства (музыка, изображения и т. п.); относить ли такие жанры, как миф, к фольклору или исключить из фольклора миф, считать ли фольклором только речевые произведения бесписьменных языков или включать в фольклор также и устное народное творчество представителей письменных языков и т. п. Вот почему следует обратиться к семиотическому подходу к явлению. С точки зрения общей семиотики развитие семантики языковых текстов предопределяется материалом, в котором созданы эти тексты. Так, семиотика различает в зависимости от материала четыре разновидности языковых текстов: устная речь, рукописная речь, печатная речь и речь массовой коммуникации (однородные по смыслу произведения, воспроизведенные по радио, телевидению, кино и в периодической печати). Каждая материальная разновидность речи отличается от другой орудиями и материалом

[1] Такие рассказы в современном быту принято называть «анекдотами», что отличается от фольклорного понятия «анекдот», применяемого Г. Л. Пермяковым.

речи, способом получения и производства речи, типом аудитории, правилами обращения с текстами. Поэтому каждая разновидность речи обладает и определенными правилами создания и композиции текстов, а потому и своим особым характером смысла. Разновидности речи появляются в истории в отмеченной последовательности, но так, что последующая разновидность речи не отменяет предшествующей.

Об этих формах существования речи хорошо сказал А. И. Бодуэн де Куртенэ: «Периоды развития языка не сменяются поочередно, как один караульный другим, но каждый период создает что-нибудь новое, что при незаметном переходе в следующий составляет подкладку для дальнейшего развития» [см. 5].

Таким образом, по формам своего существования речь подобна любому культурно-историческому явлению. Ничто в культурном объекте, раз родившись, не умирает, но продолжает сосуществовать наряду со вновь образованными достижениями культуры. Эти движения и образуют, по выражению А. И. Бодуэна де Куртенэ, «слои языка», или культурные страты.

Устная речь, по представлениям семиотики, распадается на три семиотических типа текста: разовое сообщение, молва и фольклор. Эти типы текстов различаются прежде всего прагматически отношениями создателей и получателей текстов к самим текстам. Устный текст, материал которого умирает с произнесением, может храниться только в памяти людей. Отсюда, подключение людей к тексту за пределами времени и пространства существования устной речи может осуществляться только путем воспроизведения или репродукции одного и того же текста. С точки зрения репродукции тексты бывают нерепродуцируемыми и репродуцируемыми. Первые — это разовые сообщения, вторые — молва и фольклор. Форма репродукции двоякая: 1) текст может быть сообщен одному и тому же лицу только один раз; такой текст называется в семиотике м о л в о й; 2) текст может быть сообщен одному и тому же лицу как угодно много раз; такой текст в семиотике называется ф о л ь к л о р о м.

Разное обращение с текстами связано с их содержанием. Разовые сообщения служат для разрешения конкретных ситуаций общения, обращены к бытовому контексту данного речевого произведения и не осмысливаются (или осмысливаются иначе) за пределами конкретного времени и места существования текста.

Молва обладает более широким вещным контекстом. Ее вещный контекст не ограничен пространством. Молва потенциально достигает пределов говорящего на данном языке коллектива. Но благодаря правилу не повторять сообщение типа молвы одному и тому же лицу дважды молва ограничена в своем содержании временем. Молва, устаревшая по содержанию, теряет ценность, как всякая устаревшая информация.

Фольклор же не ограничен вещным контекстом, не ограничен он и временем. Фольклорный текст интересен всегда, потому он и может быть повторен одному и тому же лицу неограниченное число раз. Это значит, что фольклор содержит правила и прецеденты деятельности, выраженные в прямой или иносказательной форме, — как действительность или как игра,

как учебный предмет и как модель мира или поведения или как прогноз развития ситуации за пределами речи.

Такое семиотическое определение фольклора в основном совпадает с пониманием фольклора в фольклористике. Так, фольклористика видит в фольклоре прежде всего тексты, имеющие культурное значение и назначение. Поэтому самое общепринятое его определение, а именно: фольклор есть устное народное творчество — показательно для семиотики.

Слово «творчество» в данном случае следует понимать не столько как обозначение самого акта творчества, сколько как обозначаемый для говорящих на одном языке культурный результат этого акта, являющийся общим достоянием этого коллектива, народным достоянием.

Признак «народности» включен в название «фольклор». «Народность» фольклора, как его признак, связана с отсутствием авторизации речевых произведений.

Создатель фольклорного текста утверждает отсутствие принципиальной новизны содержания текста, относя его основное содержание к традиции, не важно является ли отсутствие новизны реальным или мнимым. Таким образом, «народность» есть также отношение создателя (воплотителя) текста к новизне содержания, при котором содержание текста, независимо от его новизны, считается традиционным.

С понятием народности фольклористика связывает изменчивость фольклора. Изменчивость рассматривается и как след культурных влияний фольклора соседних народов и как внутреннее развитие фольклора одного и того же народа. При этом изменчивость фольклора рассматривается и как его социальное развитие.

С этой точки зрения фольклор является низшим текстово-культурным стратом, составляющим подкладку для всех последующих культурных стратов. Отсюда, родо-племенные коллективы в отношении устной словесности обладают только фольклорно-текстовым творчеством. Фольклор же цивилизованных народов развивается в том направлении, в котором движется материальная и духовная дифференциация общества. Соответственно этому в фольклоре появляются экономические, классовые, политические фрагменты содержания (крестьянский, рабочий, городской и т. п. фольклор).

«Синкретизм» — еще один общий признак фольклора. В русской традиции этот термин восходит к А. Веселовскому [см. 6]. «Синкретический текст» есть текст, входящий в «синкретическое действо», где слово не является самостоятельным компонентом, а входит в единство, состоящее из музыки, пластики, костюма и изображения, где каждый из этих информационных каналов передачи знаков определяет содержание, «кодирует» другой канал. Синкретизм состоит именно во взаимокодировании разных знаков в каналах информации: слово поется — и тем фиксируется его план выражения, сопровождается жестом — и тем фиксируется его план содержания, костюм и символические изображения и предметы как бы сигнализируют название.

Семиотическое описание области фольклорных знаков в целом совпадает с общим смыслом и применением слова «фольклор» в фольклористике.

Теория клише имеет дело только со словесным фольклором, т. е. с языковыми текстами, авторство которых скрыто традицией, и потому они считаются принадлежащими всему народу в целом и никому в особенности. Эти тексты общепонятны в том смысле, что всякий человек, обладающий знаниями, полученными в семье, дошкольном учреждении или семейных и родовых коллективах, должен понимать все такие тексты. Короче говоря, это то, что отвечает понятию «естественный язык» в самом тесном смысле слова, в буквальном значении английского выражения «материнский язык».

Таким образом, теория клише на сегодня оперирует именно фольклорным материалом. Но является ли теория клише одной из дисциплин фольклористики? Дает ли теория клише новый, чисто фольклористический метод?

Словесный фольклор, пожалуй, наиболее изученная в фольклористике область. Словесный фольклор изучался разными методами. Во-первых, путем простой экспликации фольклора в письменной форме, путем составления сборников сказок, басен, шванков, мифов, пословиц, поговорок. Письменная фиксация фольклора требует немалого искусства и специальных методов нахождения и опроса информантов, записи и толкования текстов. Лишь на основе письменной экспликации фольклора возможны все другие методы фольклористики, которые определяют школы и течения в истории этой чрезвычайно сложной науки.

Трудность в систематике течений в современной фольклористике связана с тем, что к фольклору как к самому общему виду семиотической деятельности обращаются разные науки: история и теория литературы, эстетика, психология, гносеология и т. д. При этом специфика предмета такова, что очень трудно найти разграничительные линии между разными науками.

Как бы там ни было, семиотика констатирует, что фольклорист, по-видимому, не может обойтись без следующих групп основных понятий: а) знания конкретных фольклорных текстов в разных методах записей и по отношению к тем или иным народам; б) знания генеалогических и типологических сопоставлений через «сюжеты» и «мотивы» фольклорных произведений разных народов; в) знания социально-культурной стратификации фольклорных произведений (мифы космогонические, тотемические, культурные, сказки крестьянские, городские, солдатские и т. п.); г) знания жанровой стратификации фольклорных текстов (пословицы, поговорки, загадки, сказки и т. п.).

На фоне этих основных групп понятий существуют разные теории, связанные нередко с применением конкретных методик смежных дисциплин, дающих те или иные результаты, в том числе и так называемые структуральные теории фольклора.

Е. М. Мелетинский [8] рассматривает только то течение, которое Р. Дорсон [7] называет структуралистским. Но и при этом обнаруживается, что исследования далеко не однородны и можно видеть, что по меньшей мере существует функционально-текстовой анализ, как он представлен

у В. Проппа и ряда других авторов, делящий тексты на отрезки по их семантической и дистрибутивной ценности в системе целого текста. Этот подход Е. М. Мелетинский иногда называет синтагматическим. Существует общий анализ семантики текстов или мировоззренческий анализ, так, как он представлен у Леви-Стросса и его последователей [9]. Его цель описать картину мира в мифологическом мышлении. Этот подход Е. М. Мелетинский называет парадигматическим. Из парадигматического подхода как бы вытекает исследование логистики фольклорных текстов, данное А. И. Греймасом [10], выявляющее общий принцип логического оперирования текстами. Этот подход я бы назвал логико-семиотическим. И, наконец, работы Станнера о дистрибутивных отношениях между словесными и несловесными частями фольклора, которые хочется назвать общесемиотическими исследованиями фольклора.

Теория клише, как уже сказано, является по своему материалу фольклористической теорией потому, что она оперирует всеми этими группами понятий под углом зрения определенного метода (точнее лингвистического). Таким образом, вопрос о том, является ли «общая теория клише» самостоятельной дисциплиной или теорией внутри фольклористики или лингвистики, остается без ответа. Пока ее можно рассматривать и как лингвистику, описывающую только часть текстов, и как часть фольклористики, пользующуюся нетрадиционным методом, и как отдельную дисциплину. Решение этого вопроса зависит от перспектив «общей теории клише».

Поэтому осталось рассмотреть последнюю группу вопросов: а) что дает теория клише, б) что еще можно получить, руководствуясь теорией клише, и в) что принципиально нельзя получить, двигаясь этим путем.

Теория клише, естественно, начинается с самых типичных клише — фразеологизмов, поговорок и пословиц. Эти клише наиболее точно фиксированы в планах выражения и содержания и потому составляют основной материал теории клише.

Начала теории клише строятся на том, что типичнейшие клише, пословицы и поговорки, рассматриваются не в двух, а в трех планах: в плане называния тех или иных реалий, формально грамматическом плане и в логико-семиотическом плане. Трехплановое рассмотрение клише на первый взгляд противоречит лингвистическому методу, так как лингвистика считает знаки двусторонними сущностями, а клише есть знаки. Однако на самом деле лингвистический подход не нарушен, поскольку план называния реалий и логико-семиотический план вместе относятся к плану формально-грамматическому, как план содержания к плану выражения. Основным достижением здесь является разбивка плана содержания на две стороны, или структурные части, — называние реалий и логико-семиотическую инвариантизацию.

План выражения, формально-грамматический план, используется автором только для того, чтобы, по-первых, отметить формальные границы уровней и дать поуровневую классификацию клише и, во-вторых, отождествить клише высших уровней с клише низших уровней в парадигматических классах, сходных с частями речи. Такое лингвистическое оперирова-

ние межуровневыми отношениями впервые с достаточной строгостью было применено В. В. Виноградовым, который в своей книге «Русский язык» [12] и в работах по грамматике, лексикологии и фразеологии дал понятие о парадигматических классах — частях речи как о классах, соединяющих в себе не только слова, но и словосочетания, прежде всего фразеологические. Включение в части речи единиц более высоких уровней, чем слово, В. В. Виноградов объяснил культурным развитием и усложнением языка. Теория клише показывает, что это суждение следует понимать как псевдогенетическое, как трансформационное описание воспроизводимых единиц плана содержания, лексики, фразеологии, паремиологии и т. д.

Г. Л. Пермяков не прослеживает системы трансформаций у единиц более высоких уровней, чем пословицы и поговорки. Там, где речь идет о побасенке, сказке, шванке, загадке и т. д., текст книги не содержит их интерпретации в духе парадигматических классов — частей речи. Здесь автор ограничивается только ссылкой на А. А. Потебню с его идеей свертывания и развертывания больших высказываний до слова и обратно.

Однако читатель вправе спросить: можно ли по формально-грамматическому основанию для побасенок, басен, загадок и назидательных сказок и тому подобных текстов высших уровней построить соответствующие парадигматические классы — аналоги частей речи?

Ответ на этот вопрос не прост. Вл. Я. Пропп в «Морфологии волшебной сказки» [3] не только делил текст сказки на отрезки по «функциям», следующие одна за другой в строгом порядке, но и частично описывал определенные опущения и перемещения этих, выделенных по функциям отрезков относительно друг друга в определенных пределах. Правда, эта перемещаемость была фактически только намечена Вл. Я. Проппом и не подверглась детальному описанию. Переводя деление текста по Проппу в лингвистическую терминологию, можно сказать, что целый текст сказки был разбит им на синтагмы. Каждый член синтагмы одновременно представляет парадигму, составленную из аналогичных по функции отрезков разных сказок. Коль скоро некоторые члены таких парадигм могут перемещаться относительно друг друга, то существуют основания и для установления парадигматических классов.

Указания на возможность установления парадигматических классов такого рода можно видеть и в материалах самого Г. Л. Пермякова. Например, побасенки и загадки, выделенные Г. Л. Пермяковым в отдельные уровневые рубрики, явно относятся к одному уровню и являются, если следовать рассуждениям самого автора, «логико-семиотическими трансформами». Но порядок следования элементов (выделяемых по Вл. Я. Проппу) в побасенках и загадках явно различен. Потому можно предположить, что и здесь принципиально возможно построить аналогии парадигматических классов для этих элементов.

Во всяком случае, и для сказок и для других сверхфразовых единств попытка построения парадигматических классов не кажется нам беспочвенной.

Иное дело, если попытаться построить парадигматические классы не

для выделяемых из текста элементов, а для целых текстов. В этом случае теория клише, по нашему мнению, совершенно бессильна. Рассмотрение целых текстов в их отношении друг к другу приводит к анализу уже не речевых, а «бытовых» контекстов, иначе говоря, ситуаций создания и применения фольклорных текстов. Это, видимо, одна из важнейших задач фольклористики, которая так или иначе уже решалась фольклористами. Так, А. Н. Веселовский фактически делит [см. 6] фольклор на синкретическое действо и чисто речевой фольклор и этим указывает на особенные ситуации речи. Социологическая классификация фольклора фактически вписывает фольклорные тексты в контексты простых и сложных культурных образований и т. п. Ничего этого лингвистическая по методу теория клише дать не может. Она занимается только исследованием речевых контекстов. Ситуация вне речи выступает для теории клише как каждая и любая, «бесчисленное множество ситуаций», не делимых ни на какие классы. Отсюда для теории клише слово управляет ситуацией («разрешает ситуацию»), но само не управляется ею. Таково первое принципиальное ограничение, наложенное на теорию клише ее посылками. План содержания в теории клише делится на конкретно-предметный план, план называемых реалий, и логико-семиотический план, план мыслительного оперирования. Это деление отвечает всей традиции фольклористической науки и этнологии. Фольклор всегда описывался и как территориально-народное специфическое явление и как явление общечеловеческое.

Эти различия нашли свое крайнее выражение в этнопсихологическом и структуральном подходах к явлениям фольклора. В теории клише народноспецифическая и общечеловеческая стороны фольклора рассматриваются как чисто лингвистические моменты описания значения: «слово называет предмет и выражает понятие». Поскольку речь идет о всей совокупности мирового фольклора, «выражение понятий» есть всечеловеческий аспект фольклорных текстов. Это в соответствии с теорией клише выражается в принципиальной и точной переводимости фольклорных текстов с языка на язык. «Называние предметов» есть народно-специфический аспект фольклора. Это то, что образует непереводимую часть фольклорных текстов.

В собственно фольклорных текстах в соответствии с общей теорией клише возможность таким образом разделить называние предметов и выражение понятий состоит в том, что клишированность текста есть одновременно потенциальная способность к его употреблению в переносном значении. Переносность же значения дает возможность фольклорные тексты применять как правила опознавания новых, неизвестных ситуаций и целесообразного поведения в них.

Народные приметы тем и отличаются от пословиц и поговорок, что они представляют собой просто правила прогнозирования будущих ситуаций или будущих действий, когда наличная ситуация уже опознана и известна. Например: *Не в свои сани не садись* и *Чайка на песок садится — к буре.*

Первое высказывание — пословица, потому что ситуация, в которой

она произносится, может быть любой, и человек, получивший или произнесший пословицу, этим указывает, что некто оказался *не в своих санях*, т. е. не на своем месте, или может оказаться не на своем месте. Второе высказывание, если оно применяется в прямом значении как народная примета, произносится тогда, когда чайки действительно садятся на песок, т. е. здесь ситуация уже дана, остается действовать в соответствии с ней.

Это различение, принятое в теории клише, есть по сути дела различение сигнальной и знаковой функций слов по Л. С. Выготскому. В случае приметы слова выступают в сигнальной функции, в случае пословицы — в знаковой. Владение народной приметой есть результат социального навыка поведения и рождает навык поведения. Владение пословицей есть результат социального знания и рождает знание. Вот почему сторонники психологической школы Л. С. Выготского, пожалуй, согласятся с таким делением называния вещей и выражения понятий, которые даются теорией клише Г. Л. Пермякова. Система высказываний устной речи выглядит так:

синтетические клише	(например, пословицы), переносное значение— знаки выражают понятия;
аналитические клише	(например, деловые изречения), прямое значение — сигналы не могут выражать понятий;
свободные сочетания	(например, переменные предложения), прямое и переносное значения — знаки и сигналы могут выражать понятия.

Таким образом, выражение понятия связывается с переносностью значения целого высказывания и способностью быть знаком в отличие от сигнала.

Эта связь, обнаруживаемая теорией клише, своеобразно подкрепляет и психологию по Л. С. Выготскому и семиотику в их выводах о природе знакообразования и классификациях знаков. Это, пожалуй, первое исследование в фольклористике, которое на самостоятельном позитивном материале неожиданно подкрепило современные семиотические и психологические представления. Вот почему и психологи и семиологи с удовлетворением встретят его результаты.

Но согласятся ли фольклористы с таким делением фольклорного материала на общее и особенное?

Отделение логико-семиотических структур фольклора от называния реалий в целом не представляет собой чего-либо неожиданного для фольклористики.

Общие выводы Г. Л. Пермякова об особой фольклорной логике, данные им при анализе логико-семиотических инвариантов, в целом не расходятся с тем, что уже намечено в этом отношении. Еще Леви-Брюль [см. 11] указывал на специфику содержательной структуры суждений у примитивных народов. Формула Греймаса $S \text{ vs } \bar{S}$, или $\frac{S}{\text{non } S} \text{ vs } \frac{\bar{S}}{\text{non} \bar{S}}$ [см. 10] в принципе фиксирует тот же вывод, что и теория клише. Новое для фольклористики заключается в том, что Г. Л. Пермяков первым дал полный перечень логико-семиотических инвариантов пословиц

и поговорок, полно описывающий паремиологический материал, и этим доказал наличие логико-семиотических инвариантов. Это было сделано, правда, не в данном, а в предшествующем издании — «Избранные пословицы и поговорки народов Востока» [см. 13]. В названном издании не только показан принцип выделения логико-семиотических инвариантов и анализ их трансформаций, что есть и в данной книге, но и дан перечень самих инвариантных групп. Тем самым впервые был дан как бы алфавит содержательных понятий фольклора. Список этих понятий и принципы их классификации можно, разумеется, усовершенствовать, но сам принцип возможности такой инвариантизации доказан. Отсюда ценность выделения логико-семиотических инвариантов и их трансформаций для фольклористики кажется несомненной.

Семиотика и фольклористика выигрывают от того деления на общее и частное в плане содержания, которое дается теорией клише. Но можно ли утверждать, что план реалий целиком и весь принадлежит к народно-специфическому аспекту фольклора? Скорее всего — нет. (Заметим, что автор «общей теории клише», указывая на то, что народно-специфическое лежит в области реалий, не говорит о том, что план реалий целиком относится к народно-специфической области фольклора.) Во-первых, потому, что целый ряд реалий представлен в паремиологическом словаре любого народа. К таким реалиям надо отнести важнейшие части тела (голова, сердце, печень, рука, нога); числительные (один, три, семь и т. п.), особенно числительные, обозначающие так называемые «блоковые числа»; основные прилагательные и глаголы, содержащие идею оценки (большой, маленький, умный, глупый, сильный, слабый, ловкий, искусный, неловкий, хороший, плохой, свой, чужой и т. п.); слова полузнаменательные вроде отрицаний, наречий, выражающих временную последовательность (не, как только, как раз и т. п.); термины полового акта и т. п.

Кроме этих общих реалий паремиологическому словарю свойствен и набор общих классов реалий, например: животные, персонифицирующие качества людей; части рельефа местности (горы, воды, реки, озера, равнины), персонифицирующие свойства космогонии; топонимы и этнонимы, персонифицирующие свойства классов людей, человеческих коллективов, и т. п. Элементы классов реалий имеют народно-специфический характер, но классы достаточно универсальны.

Разумеется, наряду с этим существуют и названия реалий, не входящих в универсальные классы, к таким, по-видимому, можно отнести и названия из минералогии, если они не имеют общечеловеческой значимости, например «уголь», «песок» (ср. «драгоценный камень»), названия блюд, если они не персонифицируют пищу вообще.

Таким образом, и в плане реалий существуют универсальные эталонные слова. Причем эти слова играют важную роль в переводимости фольклорных текстов. Фольклористика, в особенности в своей структурно-мифологической части, равно как и в исторической классификации мифов (тотемические, космогонические, героические), постоянно сталкивается с довольно однотипной системой части реалий. Вероятно, можно в недале-

ком будущем ожидать создание универсального словаря фольклорных реалий.

Перейдем к вопросу о границах теории клише в пределах фольклористики, о специфичности структуры произведений фольклора, относимых к разным уровням, иначе — о фольклорных жанрах. Эта проблема в книге Г. Л. Пермякова разобрана недостаточно. Обнаружив и описав межуровневые инварианты плана содержания, Г. Л. Пермяков не сделал достаточных оговорок о специфичности систем содержания каждого из фольклорных жанров, иначе — фольклорных произведений разных уровней. Вот почему специфика содержания каждого из фольклорных жанров, декларируемая Г. Л. Пермяковым, оказывается все же как бы утраченной. Каждый фольклорист, различающий сказку и пословицу или миф и поговорку, естественно замечает фундаментальную общую несводимость одного жанра к другому и постоянно держит в мысли специфику общего содержания каждого из жанров.

Присмотримся к этой части книги Г. Л. Пермякова более пристально. Из изложения получается так, что логико-семиотические инварианты со всем набором трансформаций, присущих каждому из инвариантов, служат как бы нитями основы, на которые нанизываются далее и побасенки, и басни, и загадки, и сказки, и мы сказали бы, даже мифы, учитывая их «близость» к сказкам (хотя сам Г. Л. Пермяков относит их к аналитическим клише).

Однако из текста книги видно, что описать нацело через логико-семиотические инварианты фольклорные единицы более высоких уровней: а) побасенки, загадки, б) басни, в) сказки, — по-видимому, не вполне удается. Побасенки в их логико-тематических группах не перечислены, и потому хотя в ряде случаев и есть смысловое совпадение с пословицами и поговорками, остается неясным, является ли это совпадение достаточно полным. Что же касается сказок, то Г. Л. Пермяков явно указывает на то, что смысловое совпадение и возводимость к паремиологическим высказываниям есть не у всех сказок, а только у части их. Эти сказки, независимо от их сюжета и предметного содержания, автор называет «назидательными». Их назидательность как раз и выражается в том, что смысловое содержание сказок может быть резюмировано паремиологическим высказыванием.

Поэтому можно сказать, что паремиологические логико-семиотические инварианты хотя и могут служить нитями фольклорной основы, но у единиц высших уровней помимо паремиологической основы есть еще своя основа, в соответствии с которой развертываются и клишируются тексты высших фольклорных уровней.

Связь между паремиологическими и логико-семиотическими инвариантами и фольклорными единицами высших уровней, судя по всему, следует толковать так: логико-семиотические инварианты пословиц и поговорок, несомненно, отражены в фольклорных единицах высших уровней (сверхфразовых единствах и группах сверхфразовых единств), но наряду с этим каждый из уровней имеет также и свои собственные правила построения и логико-семиотические инварианты.

Логико-семиотические инварианты единиц высших уровней не только дополнительны к логико-семиотическим инвариантам паремиологии, но и по некоторым качествам находятся в другой плоскости.

Всякая пословица и поговорка (например: *Что шапка на голове, что голова в шапке; Что в лоб, что по лбу; Живой осел лучше мертвого мудреца; Лучше с умным камни таскать, чем с дураком плов есть* и т. п.) всегда описывает какой-то прецедент в поведении и (или) дает правило поведения. Таким образом, область паремиологии — это, по-видимому, фольклорная область моделей поведения.

В отличие от этого сказка не обязательно предполагает какое-либо правило поведения. Ее главная и всегда присутствующая цель — создать рассказ о мире, не обязательно касающийся непосредственных действий слушающего и говорящего. Поэтому можно как будто сказать, что фольклорные единицы, содержащие группы сверхфразовых единств, по-видимому, есть прежде всего модели мира, принятые как обязательные и свободно создаваемые. Естественно, что часть из них может быть сведена в резюме о правиле поведения.

Что же касается фольклорных единиц, содержащих одно сверхфразовое единство — побасенки, анекдоты, загадки и т. п., то они содержат фактически одну предикацию об одном предмете мысли — человеке или группе людей, животном, минерале, дереве и т. п. Характерно, что загадка, являющаяся предположительно трансформом побасенки, требует в ответ называния одного предмета мысли: вещи, действия, человека или группы людей и т. п. Это общее семантическое свойство делает эти фольклорные единицы как бы знаками индивидуальных объектов, дающих им индивидуализирующие их собственные имена. На вопросы о том, каков ворон, можно отвечать побасенкой; каков хитрец — можно отвечать побасенкой; какова речь — можно отвечать побасенкой и т. д. Знаки такого рода можно назвать моделями объектов. Естественно, что всякая модель объекта может быть описана наиболее удобным образом через те свойства объекта, которые открываются в процессе действий с ним [1]. Коль скоро это так, то модели поведения есть основное средство именования объектов. Вот почему предикаты, описывающие свойства объектов, возводятся к паремиологическим высказываниям.

Таким образом, теория клише подводит к мысли о том, что относительное единство логико-семиотических инвариантов в фольклорных единицах разных уровней не случайно. Оно есть отображение единства процесса моделирования в моделях поведения, моделях мира и моделях объектов. Из этого следует, что описание единства логико-семиотических инвариантов, содержащихся в фольклорных единицах разных уровней, при всей недостаточности изложения составляет сильнейшую сторону теории клише в фольклористике. Разумеется, что кроме примерного объяснения через характер моделей возможны и многие другие объяснения факта единства ло-

[1] Это, по-видимому, общий закон, определяющий именования вещей. Этот закон описан в диалоге Платона «Кратил».

гико-семиотических инвариантов у фольклорных единиц разных уровней. Ясно одно: эти толкования различия и сходства фольклорных единиц разных уровней теперь стали возможны и необходимы.

Выше были в основных чертах рассмотрены основные позитивные моменты и недостатки теории клише в фольклористике. Но теория клише есть лингвистическая по методу теория. Дает ли она что-нибудь лингвистике? На наш взгляд, дает, и немало. Удобнее всего рассмотреть этот вклад в лингвистику на материале последней (V) главы — «О мотивировке общего значения рассмотренных языковых форм». Эта глава фактически посвящена рассмотрению лингвистического значения. Фактически потому, что автор как будто бы ставит своей целью подтверждение мысли А. А. Потебни о том, что художественный образ «дает... возможность замещать массу разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами», и в этом видит еще одно доказательство логико-семиотической инвариантности фольклорных текстов разных уровней. Второй вывод, кажущийся важным автору, состоит в том, что описание признаков значения разной формы клише и неклишированных текстов позволяет отличить клише от неклишированных текстов и различать разные формы клише. (См. все рассуждения в гл. V об омонимии текстов одного уровня.)

Эти соображения автора, важные сами по себе, как кажется, уступают по своей значимости принципу анализа значения, предложенному Г. Л. Пермяковым. Значение и его анализ вообще одно из самых трудных и запутанных мест в лингвистике. Основные достижения в области значения, присущие лингвистике, можно, пожалуй, сгруппировать так:

1. Описание значений слов и выражений в лексикографии. Основа лексикографического метода в выделении и описании значений строится на установлении вариантно-инвариантных отношений в значении единиц языка. К этому и сводится лексикографическое искусство выделения значений слов и выражений, описание их основных несвободных вариантов, даваемых словарями, и основной классификации слов через значения (синонимы, омонимы, антонимы...).

2. Диахроническое описание значений в этимологиях слов и выражений, устанавливающих семантическую связь слов и морфем в пределах генеалогических классификаций языков. В соответствии с этим система значений описывается по отношению к смежным языковым системам, а каждое отдельное значение, как правило, интерпретируется как результат применения той или иной поэтической фигуры — метафоры, метонимии и т. п.

3. Текстологический подход к значению, когда значение того или иного слова или выражения ставится в рамки определенного текста и интерпретируется внетекстовой действительностью, коррелированной с данным текстом. Для текстологии это движение проделывается от действительности к тексту, а для истории языка — от текста или текстов, где употребляется соответствующий значащий элемент, к действительности, т. е. к тому, что он в то время обозначал.

4. Логистическая интерпретация значения в лингвистике состоит в том, что исследуются отношения понятия и значения, понятия значения и называния предмета, которые оказываются достаточно сложными.

5. Исследование ценностных отношений между значениями. Последнее представлено целым рядом попыток описать значения то ли путем построения семантических полей, то ли путем анализа употреблений через дистрибуцию и трансформацию, то ли путем анализа контекстной омонимии и синонимии, то ли еще другими путями.

6. Фразеологический метод анализа значений, когда значения рассматриваются для установления мотивированности связей классов содержания и выражения. Этому подходу отвечает анализ через понятия прямого, переносного мотивированного и идиоматичного значений.

Разные подходы к значению перекрещиваются лишь частично и далеки от взаимной интерпретации.

Что же представляет собой подход к значению, предложенный Г. Л. Пермяковым?

Ближайшим образом этот подход может быть отнесен к фразеологическому методу анализа значений. Это видно из терминов, которыми оперирует автор: «прямое значение», «переносное значение», «мотивированность», «общее значение», «значение компонентов». Однако идеи анализа значения в этом случае все же существенно отличаются от сложившейся традиции. Главное отличие состоит в том, что анализу подвергается т е к с т, а не единица системы, независимо от того, является ли этот текст «разовым», переменным или так или иначе клишированным. Средствами же анализа являются двенадцать дифференциальных признаков, которые относятся автором к системе. С помощью этих признаков различаются омонимические формы свободных сочетаний или клише разных видов. Эти двенадцать дифференциальных признаков есть определенная компоновка значения, его особая форма, иными словами, форма плана содержания в отличие от субстанции содержания. Идея разбиения плана содержания на форму и субстанцию не нова, однако до сих пор у нее было мало конструктивных разработок. (Единственная развитая идея такого рода есть теория внутренней формы А. А. Потебни, появившаяся задолго до глоссематического деления плана содержания на форму и субстанцию.)

Разработка, предложенная Г. Л. Пермяковым, сводится к тому, что некоторое текстовое образование анализируется одновременно в двух уровнях: а) как целый языковой знак (общетекстовые признаки) и б) как значение частей, составляющих языковой знак (компонентные признаки). Признаки обоих уровней сопоставляются между собой и образуют некоторую конфигурацию знаков плюс (+) и минус (—) в дистрибутивной матрице; эта конфигурация знаков различает разные виды текстов.

Таблица построена так, чтобы обратить внимание прежде всего на распределение знаков + и — в горизонтальных и вертикальных строках матрицы. Легко видеть, что некоторые горизонтальные строки верхней половины таблицы повторяют горизонтальные строки нижней половины таблицы.

Таблица 1

Виды предложений / Семантические дифференциальные признаки		Пословицы (и поговорки) I	Афоризмы (и присловья) II	«Деловые» изречения III	Переменные предложения IV
Клишированность	1	+	+	+	—
Отсутствие мотивировки	2	—	—	—	—
Возможность переносного толкования при прямых компонентах	3	+	+	—	+
Возможность прямого толкования при переносных компонентах	4	—	+	+	+
Обязательная метафоричность общего значения	5	+	—	—	—
Обязательная однозначность текста при его синтаксической членимости	6	—	—	+	—
Все компоненты могут быть прямыми	7	—	+	+	+
Все компоненты могут быть переносными: перенос метафорический	8	+	—	—	+
Все компоненты могут быть переносными: переносы метафорический и неметафорический	9	—	+	—	+
Обязательное наличие прямого компонента	10	—	—	+	—
Обязательное наличие переносного компонента	11	+	—	—	—
Возможная многозначность хотя бы одного компонента	12	+	+	—	+

Конкретно 3-я строка повторяет 12-ю, 4-я строка повторяет 7-ю, 5-я строка повторяет 11-ю и 6-я строка повторяет 10-ю строку.

Построим теперь сводную матрицу, где римские цифры обозначают виды предложений, а арабские — номера признаков:

Таблица 2

Признаки / Предложения	1	2	3 и 12	4 и 7	5 и 11	6 и 10	8	9
I	+	—	+	—	+	—	+	—
II	+	—	+	+	—	—	—	+
III	+	—	—	+	—	+	—	—
IV	—	—	+	+	—	—	+	+

Эту матрицу удобно разбить на две, исходя из того, что некоторые признаки комплексны (например, 3 и 12), а другие единичны (например, 1). При этом признак 2 неинформативен, и его можно опустить:

Таблица 3

	1	8	9
I	+	+	—
II	+	—	+
III	+	—	—
IV	—	+	+

Таблица 4

	3 и 12	4 и 7	5 и 11	6 и 10
I	+	—	+	—
II	+	+	—	—
III	—	+	—	+
IV	+	+	—	—

Запишем характер различений, данных в обеих матрицах. Будем считать, что наличие контрастной и дополнительной дистрибуции по признакам различает виды предложений, а только контрастная или только дополнительная дистрибуция не различает виды предложений:

Первая матрица: I / II / IV α III
Вторая матрица: (I / II /) α (III/IV) α (I/IV) α (II/III) II α IV

В соответствии с первой матрицей относительно друг друга различены пословицы, афоризмы и переменные предложения, не различены «деловые» изречения. В соответствии со второй матрицей не различены относительно друг друга афоризмы и переменные предложения (I и III), прочие различены.

Можно заметить, что для различения общий набор признаков в обеих матрицах избыточен. Достаточно к признакам первой матрицы добавить комплексный признак 4 и 7 или 6 и 10, как все виды предложений будут различены. Добавление признаков 3 и 2 или 5 и 10 не приведет к различению всех видов предложения относительно друг друга.

И действительно вертикальные строки, характеризующие эти признаки, по сути дела дублируют строки 8 и 9:

Таблица 5

	8	9	3 и 4	5 и 11
I	+	—	+	+
II	—	+	+	—
III	—	—	—	—
IV	+	+	—	—

Это указывает на возможность особой содержательной связи в этом наборе признаков.

Проделав эти формальные операции, перейдем к интерпретации полученных результатов. Объединение общих и компонентных признаков уже сделано Г. Л. Пермяковым (см. стр. 111).

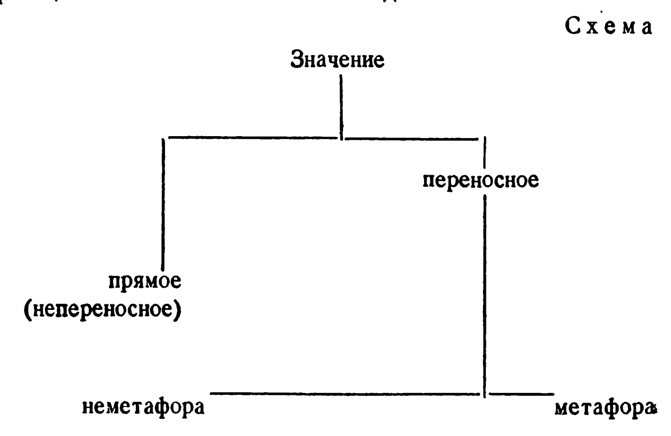
Возможность переносного толкования целого при наличии прямых компонентов соединяется с возможной многозначностью хотя бы одного компонента.

Возможность прямого толкования целого при наличии переносных компонентов соединяется с прямым толкованием всех компонентов. Обязательная метафоричность значения целого соединяется с обязательным наличием переносного компонента.

Обязательная однозначность целого при синтаксическом делении соединяется с обязательным наличием прямого компонента.

Г. Л. Пермяков оперирует терминами «прямое и переносное значение», «метафора» как вид переносного значения и «неметафора». Поэтому классификация значений имеет обычный вид:

Схема

Эта классификация сохраняется для значения целого и для значения компонентов.

Одновременно существует другой ряд терминов: «однозначность» (целого или компонентов) и «многозначность» (целого или компонентов). Однозначность понимается как имя одной вещи, многозначность — как возможность именовать не одну вещь.

Очевидно, что, соединяя понятия «дифференцированная мотивированность» (немотивированность) и «дифференцированная многозначность» (однозначность), можно сделать ряд выводов, касающихся структуры лингвистического значения вообще. Но разработка этой стороны вопроса потребует специального исследования. Важно отметить, что такое исследование лежит в общем русле исходных установок «общей теории клише». Из сказанного видно, что общая теория клише в состоянии внести много нового и в анализ языковых значений.

Рассматривая перспективы «общей теории клише» для фольклористики, мы установили, что эта теория вносит ряд новых позитивных соображений в теорию фольклора, но обладает целым рядом ограничивающих ее свойств. Так, рассмотрение словаря универсальных реалий, или типологии семантики, различающей фольклорные жанры, должно проводиться уже за пределами «общей теории клише». Обращаясь же к лингвистическим достижениям «общей теории клише», надо сказать, что она указывает ряд новых путей в развитии теории лингвистического значения. Однако с точки зрения лингвистики «теория клише» прежде всего ограничена материалом, так как фольклорные тексты составляют только часть материала лингвистики, и причем нередко не самую важную. Вот почему исследование значений в «общей теории клише» есть исследование значений только фольклорных текстов и их семантических коррелятов во всех других видах текстов. Если же исследовать именно лингвистические, а не фольклорные клише, то мы скорее всего вернемся к уже имеющимся в лингвистике точкам зрения на понятие клише.

Из отношения теории клише к лингвистике и фольклористике, разобранного выше, скорее всего можно сделать такой вывод: «общая теория клише» Г. Л. Пермякова есть самостоятельная дисциплина служащая для описания некоторой группы текстов, характеризующихся определенным типом содержания и применения. В этом плане «общая теория клише» Г. Л. Пермякова подобна поэтике или логистике, которые также формально описывают построение определенной группы текстов (каждая свою). Такие дисциплины и называют частными теориями языка в отличие от лингвистики — общей теории языка, описывающей характерные черты всех разновидностей текстов.

«Общая теория клише» Г. Л. Пермякова есть в этом смысле частная теория языка, описывающая фольклорные тексты. Вполне естественно, что в содержании правил «общей теории клише», поскольку это своеобразная порождающая грамматика фольклорных текстов, соединены и логистиче-

-ские, и поэтические, и стилистические, и другие черты частных теорий языка. Ведь все прочие типы текстов лежат на фольклоре как на «подкладке» (по выражению Бодуэна де Куртенэ) и исходят из него, воплощая в себе какую-то одну структурную часть фольклора. Вот почему «общая теория клише» Г. Л. Пермякова есть своеобразный синтез грамматических, лексикологических, логических, поэтических и других систем, осуществленный в материале, где этот синтез действительно представлен на деле.

Если считать, что в этом и заключается основная задача «общей теории клише», то здесь нельзя не согласиться с автором, назвавшим свою книгу «Заметками», так как разные стороны этого общего и неделимого целого только намечены и еще трудно говорить о законченной теории, ибо синтез всех сторон пока еще не осуществлен сколько-нибудь основательно. Синтезировать разные стороны фольклорных клише, по-видимому, является основной внутренней задачей «общей теории клише».

Г. Л. Пермяков в своих Заметках предложил новую дисциплину; дело за тем, чтобы ее развить.

Цитированная литература

1. A. Bertels, Some Remarks on Persian Textology, — «Yadname-ye Jan Rypka», Praha, 1967.
2. Л. Ельмслев, Пролегомены к теории языка, — сб. «Новое в лингвистике», I, М., 1960.
3. В. Я. Пропп, Морфология сказки, М., 1969.
4. В. Е. Гусев, Эстетика фольклора, М., 1967.
5. И. А. Бодуэн де Куртенэ, Некоторые общие замечания о языковедении и языке, — ЖМНП, СПб., 1871, № 2.
6. А. Н. Веселовский, Историческая поэтика, Л., 1940.
7. R. M. Dorson, Current Folklore Theories, — «Current Anreropology», 1963, vol. 4, № 1, February.
8. Е. М. Мелетинский, Структурно-типологическое изучение сказки, — послесловие к кн.: В. Я. Пропп, Морфология сказки, М., 1969.
9. C. Levi-Strauss, The Structural Study of Myth, — «Journal of American Folklore», vol. 68, № 270, X—XII.
10. A. J. Greimas, La description de la signification et la mythologie comparée, — «L'homme», 1963, t. 3, № 3.
11. Л. Леви-Брюль, Первобытное мышление, М., 1930 («Атеист»).
12. В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947.
13. Г. Л. Пермяков, Избранные пословицы и поговорки народов Востока, М., 1969.
14. Weh. Stanner, On aboriginal Religion, — «Journal Oceanica», 1960—1963.

SUMMARY

Any text can be shown to contain a high proportion of reproducible «portions», what may be referred to as clichés, made up of two or more words. A detailed analysis of these linguistic units reveals their complexity manifested in a three-level structure: morphologico-syntactic or compositional level (external construction), logico-semiotic or semantic level and the level of objects (or realia). It is this three-facet nature of linguistic clichés that accounts for the interest they present for linguists, folklorists and semasiologists.

Many works have appeared in recent years dealing with phraseology, lexicology, paremiology, and semasiology. So far, however, no theory have been developed that would sum up the achievements in there fields and suggest a general approach to the problem. G. Permyakov's book «From the Proverb to the Fairy-tale» in which the author endeavours to systematize all the principal types of folk-lore colloquial clichés, is an attempt to outline such a universal theory.

The book consists of five chapters and an appendix. The first chapter deals with proverbs and sayings, the second — with phraseological units, the third — with supraphrasal clichés — from elementary jocular tales and anecdotes to the most complex «fairy» tales and common didactic narratives. The fourth chapter is concerned with svnthetic and analytical clichés. It also gives a semiotic description of various «business» cliché texts, such as modelled phraseological combinations, economic, legal and medical sayings, omens and superstitions, as well as all kinds of popular analvtical clichés including even technological prescriptions and historical legends. Besides, cliché texts are distinguished in this chapter from occasional or non-cliché ones. The fifth and last chapter discusses the problem of direct and figurative motivation of the general meaning of all these linguistic folk-lore forms. The author recognizes twelve relevant textual and component features whose combination gives a sufficient idea of the linguistic, semiotic, and paremiological (or folk-lore) characteristics of colloquial texts. The corresponding distribution matrices are also given. The Appendix contains all the most important types of texts discussed in the main part of the book.

Thus the author summarizes some general regularities of the cliché and non-cliché texts on different structural levels: isomorphism and homomorphism of a large series of types of folk-lore colloquial clichés are also demonstrated.

In the afterword to the book, written by Yu. V. Rozhdestvensky, G. Permyakov's «general theory of the cliché» is defined as a particular linguistic theory describing folk-lore texts. Yu. V. Rozhdestvensky gives a detailed analysis of the tasks and purposes of the «general theory of the cliché» in the light of the general theory of the language.

CONTENTS

СОДЕРЖАНИЕ

Григорий Львович Пермяков

ОТ ПОГОВОРКИ ДО СКАЗКИ

(Заметки по общей теории клише)

Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР

Редактор *В. Д. Артамошина*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Т. Михлина*
Корректор *Н. Б. Осягина*

Сдано в набор 2/VI 1970 г. Подписано к печати 5/XI 1970 г. А-01553.
Формат 60 × 90$^{1}/_{16}$. Бумага № 2. Печ. л. 15. Уч.-изд. л. 14,86
Тираж 11 000 экз. Изд. № 2266. Зак. № 707. Цена 67 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Стлб.	Строка	Напечатано	Следует читать
45 (табл).	1 спр.	11 сн.	$Р(И_1)$	Р(И)
Там же	1 спр.	10 сн.	$Р(И_2)$	$Р(И_1)$
Там же	1 спр.	9 сн.	Р(И)	$Р(И_2)$
60		21 сн.	48, 82, 53	48, 82; 53
60		21 сн.	48, 193].	48; 116, 193].
67		1 и 2 св.	*воздается, Полюбишь работу — и она тебя полюбит*).	*воздается*).
83		1 сн.	«полуплюса» и «полуминуса».	половины плюса и половины минуса.
86		4 сн.	[85, 935].	[82, 935].
120		2 св.	и девятом	и десятом
146		16 сн.	плод	плов
152		4 св.	**ЕПФМ**	**ЕПФМж**
178		14 св.	№ 500	№ 555
209		25 сн.	1967.	1957.
210		14 св.	Шклепника	Шкленника
225		21 и 22 св.	«Морфологии волшебной сказки»	«Морфологии сказки»
237		14 сн.	Anrerepology	Antropology
237		3 сн.	1969.	1968.

Зак. 1414

67 коп.